
ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

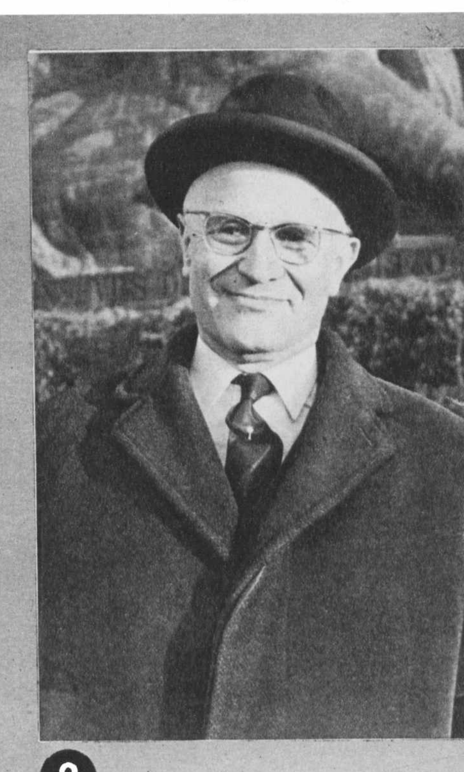
МИЛЛИОНЫ ФРАНЦУЗОВ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ, ПРОФЕССИЙ И ВОЗРАСТОВ ЖЕЛАЮТ Н. С. ХРУЩЕВУ УСПЕХА В ЕГО БЛАГОРОДНОЙ МИССИИ МИРА, ХОТЯТ УКРЕПЛЕНИЯ ФРАНКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ.

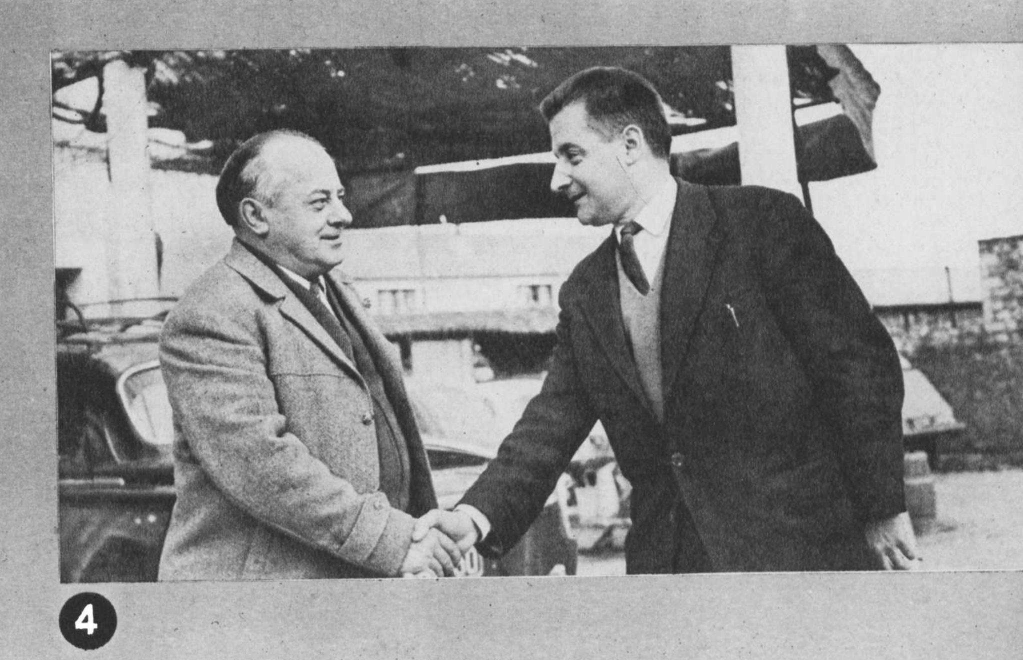
НАРОД ЖДЕТ

1

2

4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 11 (1708)

13 МАРТА 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: СКОРО ВЕСНА. МОСКОВСКИЙ ШКОЛЬНИК СЛАВА ЕВСЕЕВ ЖДЕТ ПРИЛЕТА ПТИЦ.

Фото Л. Бородулина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ВОЗВЕДЕНИЕ ЭСТАКАДЫ НА БРАТСКОЙ ГЭС.

Фото Дм. Бальтерманца.

ФРАНЦИИ

3

Н.С. ХРУЩЕВА

5

1 Рабочий завода «Альстом» Жерар Бюоб работает на монтаже корпуса мощного электровоза, изготовляемого по заказу Советского Союза для Транссибирской магистрали.

— Кто знает,— говорит он,— может быть, эта машина будет показана премьеру Хрущеву во время его визита во Францию... Я не очень силен в политике,— добавляет молодой монтажник,— но я уверен, что поездка Хрущева и его встреча с французскими руководителями может только помочь международной разрядке. А это одобрит всякий французский рабочий.

2 Мэр города Бельфора, прогрессивный радикал Пьер Дрейфюс-Шмидт:

— Мы не забываем о героической борьбе, которую вел советский народ во время последней войны против гитлеровских завоевателей. Эта борьба позволила освободить Францию. Население Бельфора горячо желает выразить свою признательность представителю советского народа. В лице Хрущева наши соотечественники приветствуют человека, приезд которого в нашу страну вновь подтвердит традиционную дружбу двух великих народов, их стремление к совместным действиям во имя мира на всей земле.

3 Мэр коммуны в департаменте Жиронда виноградарь Поль Лафон говорит:

— Наш труд виноградарей не оставляет много свободного времени, чтобы размышлять над событиями, происходящими в мире. Но сейчас, когда по базарным дням крестьяне съезжаются в город Кастильон — центр нашего района, одно событие обсуждается буквально всеми. Это приезд советского премьера Хрущева. Крестьяне знают, что он любит землю и понимает их труд. И они верят, что визит Хрущева во Францию поможет укрепить мир, который дорог каждому крестьянину... Ко мне вереницей тянутся жители, предлагая организовать на автобусе коллективную поездку в Бордо в день приезда туда советского премьера. Первые заявки на места в автобусе я получил еще в ноябре. Однако, думаю, что нам придется нанять еще один автобус, да не маленький, а многоместный...

4 Деревня Везенобр и поселок Шамбориго расположены в нескольких километрах друг от друга, в предгорьях Севенн, окаймляющих с юга центральный горный массив Франции. В первой мэром — член социалистической партии Эмиль Шабрие, во втором — коммунист Нарсис Больмон.

— Во многом мы расходимся со своим соседом-коммунистом,— говорит Эмиль Шабрие,— но что касается приезда премьера Хрущева, то тут у нас нет и не может быть никаких разногласий. Это очень полезный визит, он, несомненно, будет содействовать делу мира.

В знак обоюдного одобрения предстоящей встречи между Н. С. Хрущевым и де Голлем мэр-социалист (слева) и мэр-коммунист сердечно пожимают друг другу руки.

5 Известная французская певица, мулатка по происхождению, родившаяся в США, Жозефина Бекер эмигрировала во Францию; вместе с мужем, артистом Джо Буйоном, она воспитывает одиннадцать приемных детей разных национальностей и цветов кожи.

— Мы были бы очень рады,— говорит Жозефина Бекер (в центре),— если бы премьер Хрущев увидел, как дружно живет наша семья. Мы поставили своей целью воспитать их так, чтобы они никогда не знали расовой ненависти. А для этого прежде всего нужно, чтобы не было войны. И мы глубоко надеемся, что визит Н. С. Хрущева во Францию будет способствовать этому. Вот почему я и мой муж с радостью узнали об этой поездке и пригласили господина Никиту Хрущева посмотреть нашу «разноцветную» детвору, живущую в деревеньке в Дордони.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ЖЕЛАЕМ МИРА И СЧАСТЬЯ ВСЕМ ЛЮДЯМ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР Н. С. ХРУЩЕВ СОВЕРШИЛ ПОЕЗДКУ ПО СТРАНАМ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ОН ПОСЕТИЛ ИНДОНЕЗИЮ, ИНДИЮ, БИРМУ И АФГАНИСТАН. ТЫСЯЧИ МОСКВИЧЕЙ, СОБРАВШИХСЯ НА МИТИНГ ВО ДВОРЦЕ СПОРТА, СЛУШАЛИ ОТЧЕТ ГЛАВЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ПОЕЗДКЕ В ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА АЗИИ, О БОРЬБЕ НАШЕЙ СТРАНЫ ЗА ОСЛАБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ, ЗАПРЕЩЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, ВСЕОБЩЕЕ И ПОЛНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ.

ГОРЯЧИМИ АПЛОДИСМЕНТАМИ СОПРОВОЖДАЛАСЬ ВДОХНОВЕННАЯ РЕЧЬ Н. С. ХРУЩЕВА — ЗНАМЕНОСЦА БОРЬБЫ ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ.

Советские люди с неослабным вниманием следили за поездкой Никиты Сергеевича Хрущева в Индонезию, Индию, Бирму, Афганистан. Они восхищались его неутомимостью в благородной борьбе за дело мира, его прямотой и искренностью и в переговорах за круглым столом и в ярких речах на многолюдных народных собраниях, в беседах за чашкой чая и при встрече у доменной печи.

Замечательная поездка Н. С. Хрущева расширила круг наших друзей. «Никита Сергеевич Хрущев явился перед народами Юго-Восточной Азии посланцем правды, мира и справедливости,— сказал нашему корреспонденту председатель Советского Комитета защиты мира писатель Николай Тихонов.— Его устами говорила новая эпоха человечества, перед ним раскрылись миллионы сердец. Люди, только недавно сбросившие вековое иго колониализма, услышали сердечные слова большого

«ПОДДЕРЖИТЕ ДЕМОКРАТИЮ, КОТОРОЙ

Обращение Манолиса Глезоса к свободным людям всей земли

СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ ВСЕЙ ЗЕМЛИ!

Через несколько дней — 12 марта — в Ареопаге будет рассматриваться наша кассационная жалоба. Она связана с юридической стороной известного судебного процесса и приговора, вынесенного нам Афинским военным трибуналом в июле 1959 года, судебного процесса и приговора, глубоко взволновавших общественное мнение не только Греции, но и всего мира.

Я чувствую, что излишне заявлять еще раз, что преследования, которым мы подвергаемся, явились результатом слепой политической преднамеренности и что вынесенный нам приговор несправедлив. Весь судебный процесс, за которым по греческой и иностранной печати следили миллионы людей, пролил яркий свет на намерения и методы организаторов нашего преследования и показал, на чьей стороне правда. Я уверен, что никакой фанатизм не может уже затмить чей-либо разум и заставить поверить, что мои товарищи по обвинению и я — «шпионы» или что мы якобы предложили свои услуги для «шпионажа». Рассмотрение нашей жалобы в Верховном суде Греции даст возможность еще раз расследовать все то, что породило в сознании каждого честного человека серьезные юридические и другие существенные проблемы, связанные с нашим преследованием и лишением свободы.

Однако не в этом главная причина, заставившая нас обратиться к общественному мнению внутри страны и за ее пределами с просьбой о горячей поддержке, ибо в конце концов даже несправедливый арест и лишение свободы являются всегда делом личного порядка. Это могло случиться и в другом месте, в результате ошибки, не порождая при этом более общей проблемы. Устранение подобной несправедливости было бы победой правосудия. Однако в нашем случае дело имеет гораздо более широкий характер. Оно является показателем общего трагического положения в стране и трагедии демократии в Греции. На этом главным образом и должно быть сосредоточено внимание демократов всего мира.

Дорогие друзья!

Не задумывались ли вы над тем, как случилось, что столько честных греческих патриотов оказалось на скамье подсудимых военного трибунала? Представляете ли вы себе, что значит в нашу эпоху сделанное во время суда над нами заявление о том, что в Греции судят даже мысли? Можете ли вы представить себе, что за мысли, неприкосновенность которых гарантируется всеми конституциями, в Греции люди могут приговариваться к смертной казни и притом еще обычными гражданскими судами? Да, все это происходит, как бы неразумным это вам ни казалось. И происходит в колыбели демократии! Если сегодня я говорю с вами, будучи осужден не так уж тяжко — всего на пять лет тюремного заключения, а мои товарищи по обвинению не приговорены к смертной казни,— то лишь потому, что вы помешали этому.

Демократия в нашей стране по-прежнему бьется в силках чрезвычайных законов, введенных главным образом в годы внутренних беспорядков (1947—1949 гг.) и спустя целых одиннадцать лет все еще действующих в нашей стране. Невероятно? Но это правда.

Свободные люди всего мира!

Слышите ли вы голос страдающей Греции? Около двух с половиной тысяч патриотов, которые сражались на передовых бастионах антифашистской борьбы народов в период гитлеровской оккупации нашей страны (1941—1944 гг.), большинство пионеров великого движения национального Сопротивления в Греции целых пятнадцать лет томятся в тюрьмах. Те, кому во всех странах оказывалась и оказывается честь как национальным борцам, здесь, на нашей героической родине с богатыми национально-освободительными и демократическими традициями, преследуются. И к тому же бесчеловечно, ибо никогда прежде в нашей стране ни один осужденный не сидел в тюрьме более 10 лет. Сотни борцов Сопротивления и демократии находятся в концентрационных лагерях в течение 10—15 лет. Они были сосланы туда без суда и следствия, лишь на основании заявления какого-либо полицейского или шпика о том, что они якобы тогда, в 1947 году, или позже являлись или являются «опасными для общественного порядка». Среди этих заключенных и ссыльных — инвалиды, старики, женщины-матери. Тысячи других граждан находятся на своеобразном положении ссыльных по месту жительства в городах и деревнях Греции, под постоянным надзором полицейских властей, лишенные работы и средств к существованию. Сотни и тысячи других преследуются, увольняются с работы, не видят светлых дней, их считают гражданами «второго сорта». На них заводятся досье в полиции, потому что они сами являются или являлись левыми или кто-то из их родственников был левым или сочувствовал левым.

Дорогие друзья! Наша конституция гарантирует свободу деятельности всех партий, свободу собраний и организаций. Но что происходит на деле? Крупная партия — Коммунистическая партия Греции — 13 лет находится вне закона. И этот факт используется не только для того, чтобы преследовать ее сторонников по искусственному, необоснованному обвинению в том, что они якобы действуют «незаконно», но и называть их «шпионами» и выносить им приговоры в военных трибуна-

друга о замечательном будущем их стран, о дружбе народов, о братской помощи со стороны Советского Союза, о счастье людей, о мире во всем мире. Такого никогда они еще не слышали. Такого забыть нельзя!»

Никиту Сергеевича повсюду встречали поистине восторженно.

Видный общественный деятель Индии генерал-майор Сахиб Сингх Сокхей пишет на страницах еженедельника «Панчшила геральд»: «Люди никогда не забывали о том удовольствии, которое они испытывали, когда видели, как Н. С. Хрущев свободно и легко общается с ними и как откровенно и дружественно беседует по всем вопросам... Наши страны далеко продвинулись вперед по пути дружбы... Это знаменательная веха в истории. До недавних лет западные страны, обладающие высокоразвитой техникой, использовали ее как средство эксплуатации нас и других стран Азии и Африки... Даже после того, как мы получили независимость, они не хотели делиться с нами своими знаниями... Новый мир, родившийся в России в 1917 году, считает, что для создания достойного мирового порядка и обеспечения прочного и длительного мира необходимо уничтожить во всем мире нищету, бедность и отсталость, и что все слаборазвитые страны должны развивать свои ресурсы, и что им нужно помогать в этом деле, чтобы они могли создать лучшие условия жизни и развивать культуру в интересах всего народа. Советская экономическая помощь проникнута этими принципами».

Высоко оценил советскую экономическую помощь премьер-министр Афганистана Мухаммед Дауд. «Россия не связывает ни с какими условиями помощь, которую она нам оказывает,— заявил он представителям печати.— Этим она показывает искреннюю дружбу к нашей стране».

Генеральный секретарь Лиги народной культуры Индонезии Джубаара Аджуба заявил, что соглашение о культурном сотрудничестве между Индонезией и СССР является действительно хорошим шагом во взаимоотношениях двух стран: «Я полагаю, мы все знаем, что Советский Союз, уже построивший социализм, превосходит всех не только в развитии науки и техники, но и его культура находится в первых рядах всей мировой культуры».

Простые люди во всех уголках земного шара расценивают историческую поездку Н. С. Хрущева как неоценимый вклад Советской страны в борьбу за создание атмосферы доверия и взаимопонимания между народами и государствами.

Фото А. Новикова.

В ГРЕЦИИ УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ»

лах. Преследованию подвергается не только эта партия, но и парламентские партии. Партия ЭДА, первая партия парламентской оппозиции, подвергается наибольшим преследованиям. Аресты, тюремное заключение, ссылка в концентрационные лагеря без суда, угрозы и нападения на ее членов, руководящих деятелей и сторонников, стали повседневным явлением. Конечно, имеется немало случаев подобных преследований и в отношении сторонников других демократических партий.

О профсоюзных свободах нечего и говорить. Даже заявления руководителей Международной конфедерации свободных профсоюзов (таких, как Скевенель, и других, посетивших в последние годы нашу страну) дают нам слабое представление о положении в наших профсоюзах. В Греции не существует профсоюзных свобод. Можно привести бесконечное количество примеров произвола администрации в отношении руководства рабочих советов, крестьянских кооперативов и других народных организаций местного самоуправления, многочисленные случаи смещения руководителей, преследования мэров, ссылки профсоюзных руководителей, а также физического насилия и жестокого избиения граждан полицейскими, против которых имеется множество судебных приговоров. Если хоть один подобный случай произошел бы в демократической стране, уважающей свои законы, этого было бы достаточно, чтобы вызвать землетрясение. У нас же прогрессивную печать, которая разоблачает такое положение, подвергают непрерывным преследованиям на основе юридического режима, максимально ограничивающего свободу печати.

Вы спросите: может быть, такое настойчивое стремление увековечить режим непримиримости и чрезвычайных законов отражает борьбу страстей и междоусобицу в стране, отражает ненормальное положение, связанное с внутренними волнениями? Нет, дорогие друзья! Как раз наоборот! Прошло 11 лет после окончания гражданской войны. На могилах всех умерших, левых и правых, выросли деревья. В душе нашего народа расцвела жажда согласия и покоя, ею проникнуты все его выступления. С другой стороны, полное и невозмутимое спокойствие царит в нашей стране все эти последние годы.

Именно такое положение — пусть это вам не покажется странным, — характеризующееся единством народа и спокойствием в стране, беспокоит тех греков и иностранцев, которые в течение вот уже многих лет различными способами извлекают выгоду из ненормального положения и гражданской междоусобицы на нашей родине.

Чем же объясняется сохранение чрезвычайного антидемократического законодательства, которое изжило себя в сознании всего народа, всех политических деятелей и даже просвещенных представителей правительственной группировки? Тем более теперь, когда «холодная война» вступила в стадию отмирания и надежды всех народов на прочный мир начинают облекаться в плоть и кровь?

Этот вопрос ясен для каждого из нас, сталкивающегося с ним в своей повседневной жизни. Этот железный юридический режим, как кошмар, давящий на Грецию, установлен для того, чтобы помешать борьбе нашего народа за упрочение национальной независимости, за мир и за демократическое возрождение страны.

Наш народ пролил реки крови за свою национальную независимость. Но никогда еще он не пользовался полностью этим высшим благом. Вот уже 130 лет мы, как древний Сизиф, стараемся поднять камень на вершину горы. Но едва мы приближаемся к вершине, заплатив за это ценою неисчислимых жертв и крови, как наши могучие «покровители» и непримиримые «друзья», иностранные империалисты, крадут свободу из наших рук. Разве совсем недавно не случилось нечто подобное — кипрская трагедия?

В черные годы гитлеровского насилия греческие патриоты своими телами воздвигли живую преграду на пути фашизма. Они сражались и умирали с мечтой о завтрашней свободной, независимой и возрожденной родине. Ущелья, города и села нашей многострадальной страны покрылись костями ее сынов и дочерей. Но надежды народа на независимую и возрожденную родину не осуществились. Греция была связана новыми путами и подвергнута испытанию в огне внутренней неурядицы и «холодной войны».

Сегодня, когда политика «холодной войны» все больше теряет почву и занимается заря разрядки напряженности, те силы на нашей родине, которые основывают свое существование на «холодной войне» и насилии, волнуются и трепещут. Поэтому-то они и борются против всякой идеи разрядки, хотят заглушить голоса протеста,

Манолис Глезос и его жена Тассия.

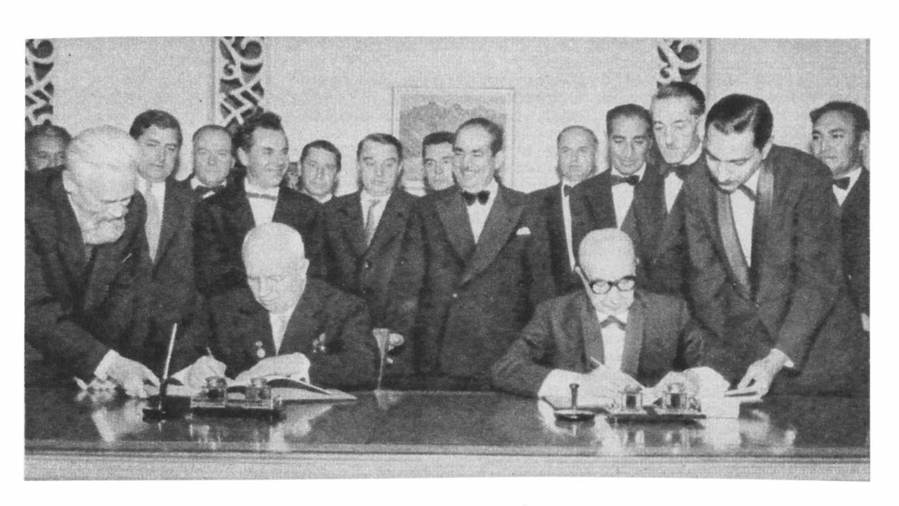

Н. С. Хрущев преподносит королю Афганистана Мухаммеду Захир Шаху памятный подарок — копию вымпела, доставленного советской космической ракетой на Луну.

Н. С. Хрущев посетил хлебокомбинат в Кабуле.

В столице дружественного Афганистана 4 марта Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Премьер-Министр Афганистана Сардар Мухаммед Дауд подписали Совместное советско-афганское коммюнике и Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Афганистаном.

В ДРУЖЕСТВЕННОМ АФГАНИСТАНЕ

Фото специального корреспондента ТАСС А. Стужина.

помешать всякой борьбе за то, чтобы и наша страна приняла участие в нынешнем всемирном движении к миру. Они знают, дорогие друзья, что наш народ понял, что он живет в благословенном уголке земли. Они знают, что здесь есть реки, которые могут дать ему энергию, свет и жизнь, что в недрах страны кроются богатства, которые могут дать пищу заводам, а народу — работу и счастье.

Но этого не происходит. Наш народ не пользуется дарами своей прекрасной родины. Наши реки выходят из берегов и теряются в морях. Металлы или остаются под землей, или расхищаются чужеземными коршунами, обильные блага, которые родит наша земля, гниют, не находя потребления. Страна чахнет, и все, за малым исключением, страдают. Эти силы знают: наш народ чувствует, что такое положение объясняется внешней политикой «холодной войны», которая навязывается нашей стране. Знают, что народ имеет все основания бороться и борется за то, чтобы Греция как можно быстрее вступила на путь разрядки, чтобы и в нашей стране стали действительностью идеалы мира, зажигающие сердца всех жителей нашей планеты, воспетые еще великим поэтом древности Аристофаном. Поэтому-то они делают все, что в их силах, дабы помешать тому, чтобы и до нашей истерзанной земли долетел животворный ветер, рассеивающий черные тучи «холодной войны».

Дорогие друзья Греции, друзья демократии!

Слыша крики боли и страдания, несущиеся из Греции, знайте: героический и неукротимый народ ее борется за свои права. Борется с сильными и многочисленными врагами. С иностранными и местными монополиями, расхищающими богатства его земли, выжимающими из него пот, мешающими прогрессу его родины. Со всеми темными силами, основывающими свое существование на «холодной войне» и гражданской междоусобице.

Политика этих сил настолько противоречит развитию событий в мире и стремлениям нашего народа и так они боятся, как бы она полностью не обанкротилась в ближайшее время, что они выдумывают новые средства, стремясь еще сильнее затянуть антидемократические тенета.

Антисемитские выступления и появление фашистских молодежных организаций; неофициальные да и официальные заявления о «страшной коммунистической угрозе», о якобы недостаточном применении существующих драконовских законов, об отсутствии понимания этой мнимой угрозы и необходимости строгости со стороны обычных судебных органов; упорный отказ освободить борцов национального Сопротивления в то время, как на свободу отпускают таких гитлеровских чудовищ, как Мертен, который был милостиво приговорен к 25 годам тюрьмы; быстрое проникновение финансовых монополий и милитаристов неонацистской Западной Германии в нашу страну — все это является характерными признаками того, что готовится что-то худшее: немцы возвращаются, и для этого подготавливается почва. Таким образом, мы находимся перед лицом новой, серьезнейшей угрозы для демократии и мира в нашей многострадальной стране.

Итак, свободные люди всего мира, демократия в нашей стране переживает трагедию.

Рассмотрение нашей кассационной жалобы в высшем суде нашей родины 12 марта, естественно, является фазой борьбы за исправление несправедливости, учиненной по отношению к нам. Позвольте, однако, мне считать и теперешнюю помощь, о которой мы просим, и более широкое движение, поднятое ранее в нашу защиту, фазой общей борьбы за демократию в нашей стране. Поэтому я обращаюсь к вам с сознанием долга, как каждый, кого волнует судьба нашей страны: разрешите мне просить вашей поддержки не только для отмены приговора по нашему делу, не только для отмены закона № 375, но и для отмены всех законов периода гражданской войны, для защиты демократии, которая уже давно попирается в нашей стране и над которой нависла угроза полного уничтожения.

Мы уверены, что вы нас понимаете, ибо совесть человечества повелевает: когда где-нибудь на земле демократии грозит опасность, долг и обязанность всех свободных людей — возвысить свой голос в ее защиту, стать в ряды борцов за ее спасение.

Мои товарищи по обвинению и я благодарим вас всех в Греции и во всем мире за то, что вы уже сделали для нас. Мы просим от вас большего не ради себя, а ради защиты демократии в стране, которая была ее колыбелью.

Горячо жму вам руки

МАНОЛИС ГЛЕЗОС

Тюрьма Авероф, 23 февраля.

(Газета «Авги», 28.II—60 г.).

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ХОЧЕТ ДЫШАТЬ ЧИСТЫМ ВОЗДУХОМ

В мире идет борьба за то, чтобы на земле никогда не вырастали ядовитые грибы атомных взрывов. На одной стороне в этой борьбе — миллионы людей всех стран, всех континентов. На другой — небольшая, но достаточно сильная группка людей, связанных с монополиями, занятыми атомным бизнесом.

В Женеве уже 17 месяцев работает совещание, на котором представители СССР, США и Англии обсуждают вопрос о прекращении испытаний ядерного оружия. Предложения, которые были внесены недавно американской делегацией на этом совещании, снова затормозили работу в Женеве. США выступили за то, чтобы из соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия были исключены подземные ядерные взрывы определенной мощности. Для оправдания этого предложения был выдвинут тезис о «технических трудностях контроля» над такими взрывами. Но не больше ли может сказать об истинных намерениях тех, кто не хочет полного запрещения испытаний ядерного оружия, следующее сообщение газеты «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Вооруженные силы (США) считают, что продолжение испытаний необходимо, в особенности для улучшения и для уменьшения веса ядерных боеголовок...».

Советский Союз занимает ясную и последовательную позицию в вопросе об испытаниях ядерного оружия: они должны быть запрещены — всякие и повсюду! Человечество имеет право дышать чистым воздухом!

У ТЕЛЕФОНА...

Д. БЕРНАЛ

Лондон.

Редакция «Огонька» связалась с президентом-исполнителем Всемирного Совета Мира английским ученым Джоном Берналом.

«Огонек». Как вы расцениваете положение, создавшееся сейчас на переговорах трех держав в Женеве по запрещению испытаний ядерного оружия, и, в частности, недавние предложения, внесенные американской стороной?

Д. Бернал. Предложения, которые исключают из-под контроля какие-либо атомные испытания, могут лишь принести человечеству неуверенность в будущем и беспокойство за свою судьбу. Всякие атомные взрывы, вне зависимости от их силы, могут быть использованы для дальнейшего развития атомного оружия и усиления гонки вооружений. По мнению ученых, вполне возможно разработать методы обнаружения любых ядерных взрывов, создать приборы, которые в состоянии не только обнаруживать место взрывов, но и отличать атомные испытания от землетрясений. Ученые считают, что наиболее верный путь — это заключить соглашение о запрещении всяких атомных испытаний и одновременно совершенствовать методы обнаружения атомных взрывов.

По моему мнению, очень важно как можно скорее достичь такого соглашения на переговорах трех держав в Женеве. Это окажет благоприятное влияние на успех предстоящего заседания комитета десяти стран по разоружению.

«Огонек». Что, по-вашему, нужно сделать, чтобы человечество могло чувствовать себя избавленным от угрозы разрушительного ядерного оружия?

Д. Бернал. Именно эта задача должна быть поставлена и решена комитетом по разоружению. Все, кому дорог мир, люди всех стран земного шара должны приложить силы, чтобы эта конференция была успешной. Они должны оказать свое влияние, чтобы устранить всякие препятствия на пути к успеху конференции. А такие препятствия, безусловно, будут создаваться кругами, которые выступают за гонку вооружений.

Движение за мир уже начало новый этап борьбы, оно мобилизует новые силы. Великая волна активности нарастает с приближением переговоров по разоружению и встречи в верхах, которая за ней последует. Мы считаем, что наступило время, когда можно достичь положительных результатов и практически осуществить меры, избавляющие человечество от атомного оружия. Вдохновляющая нас цель — полное разоружение. Народы мира не перестанут бороться, пока разоружение не станет реальностью нашей жизни.

Д. ЭНДИКОТТ

Торонто.

В Торонто мы попросили к телефону члена президиума Всемирного Совета Мира Джеймса Эндикотта, который недавно в составе делегации Всемирного Совета Мира посетил Женеву. Джеймс Эндикотт рассказал:

— Всемирный Совет Мира направил нас в Женеву, чтобы выразить участникам переговоров трех держав о запрещении испытаний ядерного оружия тревогу мировой общественности в связи с затяжкой в решении этого очень важного вопроса.

Мы хотели встретиться с главами советской, американской и английской делегаций на этих переговорах и сообщить им, что, по нашему мнению, нет никаких оснований ни с точки зрения науки, ни с точки зрения здравого смысла для того, чтобы откладывать решение о прекращении ядерных испытаний. Мы чувствуем, что определенные круги под крышей Пентагона в Вашингтоне хотят продолжения испытаний и поэтому намерены всячески затягивать работу совещания.

В Женеве нас принял глава советской делегации Царапкин. Царапкин сообщил нам, что Советский Союз готов немедленно подписать соглашение о запрещении всех видов испытаний ядерного оружия. По мнению советской делегации, нет никаких причин, чтобы откладывать его подписание.

Мы не могли встретиться с главами западных делегаций. От лица американской делегации нас принял ее секретарь Стоун. Он мог сообщить нам лишь то, что он не определяет политику, а только проводит ее. С представителями английской делегации нам не удалось поговорить вообще. Руководителям западных делегаций были переданы заявления Всемирного Совета Мира, в которых мы настаиваем на запрещении испытаний ядерного оружия.

У. АРИФОВ

Ташкент.

Убай Арифов, директор Института ядерной физики Узбекской Академии наук, сказал нашему корреспонденту:

— В 1958 году мне довелось быть в Женеве на II Международной конференции по мирному использованию атомной энергии. Настроение тогда у всех участников конференции было одинаковое: само собой разумеется, сила ядерных реакций должна служить только миру, и это будет скоро, очень скоро.

И с каким недоумением, гневом и болью читаю я сейчас о том, как представители некоторых кругов США пытаются сорвать переговоры в Женеве о запрещении испытаний ядерного оружия! Стороны были уже близки к успешному завершению переговоров, но вот новое препятствие: предложение делегации США исключить из соглашения запрещение подземных ядерных взрывов определенной мощности. Но ведь это не что иное, как предложение узаконить эти взрывы, узаконить испытание и совершенствование атомного оружия. И это в то время, когда весь мир борется за всеобщее и полное разоружение! Мне стыдно за тех американских ученых, которые пытаются «теоретически» обосновать эту неблаговидную позицию.

Сейчас все доводы американских атомщиков о мнимой несговорчивости Советского Союза рухнули в связи с предложениями ученых СССР о распознании подземных атомных взрывов. Советский Союз своим постоянным и искренним стремлением к миру убедил всех в своей готовности полностью прекратить испытания и добиться запрещения ядерного оружия.

В тот день, когда над Сахарой поднялся страшный гриб атомного взрыва, на атомном реакторе в Ташкенте началось облучение новой партии семян хлопчатника и шелковицы. Энергия атомного ядра используется не для смертоносного оружия, а служит увеличению урожайности хлопчатника и производства шелка, служит мирным целям. Вот наша позиция, позиция советских ученых-физиков.

САМОЕ СИЛЬНОЕ ОРУЖИЕ
Рисунок И. ТОИДЗЕ.

ДОЛОЙ АТОМНЫЙ ГРИБ!

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Приглядитесь к лицам этих людей. Как красноречиво говорят они обо всем, что переживает человек, приникая к неисчерпаемому роднику познания науки всех наук — марксистско-ленинской теории!

На фотографиях — люди, которым очень близок, дорог наш большой дом на улице Чехова. В этом здании выступал Ленин на III съезде комсомола, здесь он читал лекции слушателям Университета имени Свердлова. Сейчас в этот исторический дом приходят учиться ленинизму. Приходят пропагандисты, агитаторы, лекторы, слушатели университетов марксизма-ленинизма, люди, несущие в широкие массы народа светлые идеи коммунизма.

Для тех, кто приходит к нам,— 150 тысяч книг, опытные консультанты, богатая справочная литература, интересные лекции, семинары. Посетителей в нашем доме всегда бывает много. И особенно сейчас, после постановления ЦК КПСС о пропаганде: ежедневно 200—300 читателей.

Ведь сколько новых кружков политических знаний создано в столице! Как выросла армия пропагандистов! Мы организовали для них несколько новых семинаров, в которых изучается экономика производства. Усилился интерес к лекциям и докладам для партийного актива, к консультациям по философии, истории КПСС.

...Вечер. Тихо в читальных залах, хотя уже давно заняты все места за столиками. Всматриваюсь в склонившиеся над книгами лица. Молодежь и пожилые. Старые большевики и молодые коммунисты. Радостно увидеть здесь давнишних знакомых, тех, для кого наш дом без преувеличения стал родным. В. В. Семин, инженер «Мосэнерго», пропагандист семинара по философии; директор школы Г. А. Моисеева — она ведет семинар по коммунистическому воспитанию; Г. И. Можаев — руководитель агитколлектива фабрики имени Ногина. Это все, как говорится, завсегдатаи. Их часто тут увидишь — то на консультации, то на лекции, а то просто за чтением интересной книги.

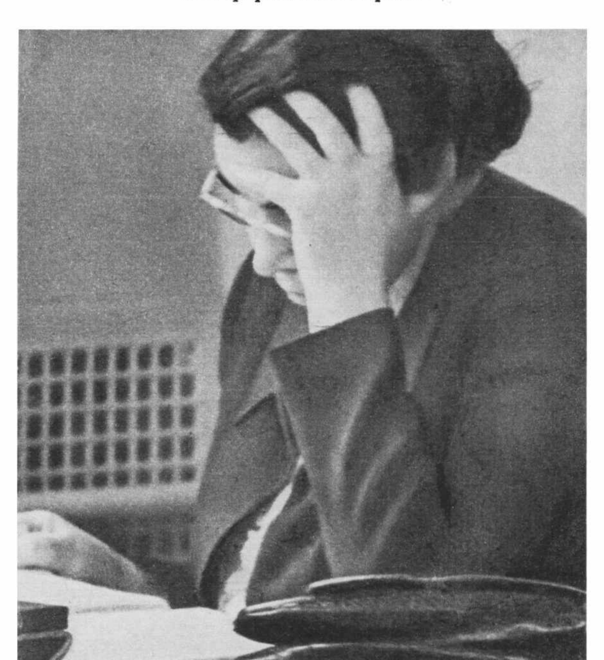
Тянется к политическим знаниям советский человек! И мы стараемся помочь ему, памятуя слова, записанные в постановлении ЦК КПСС о пропаганде: «...активизировать деятельность домов и кабинетов политического просвещения...»

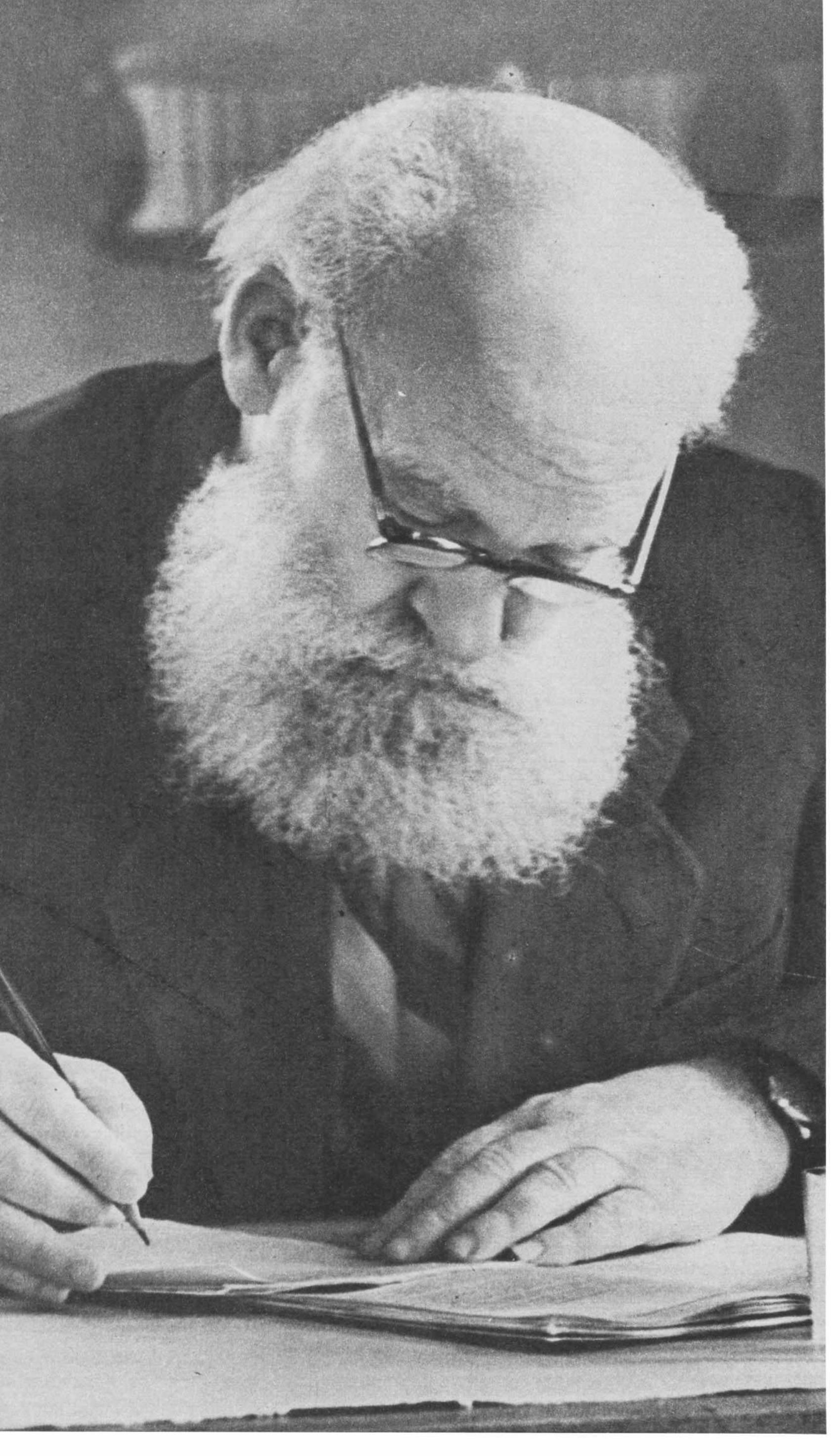
Заведующий Домом политического просвещения МК и МГК КПСС
П. СВЕЧНИКОВ

Книга Ленина... Для того, кто подобно научной сотруднице Галине Ефремовой учится в университете марксизма-ленинизма, это самый живой родник знаний.

НАД Ж

Доцент Т. И. Акиндинова готовится к лекции — она лектор райкома партии.

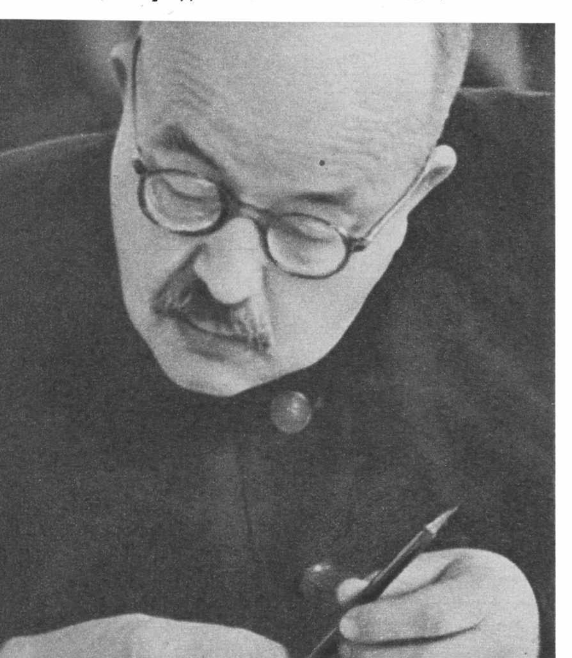
Пенсионер А. Н. Краузе — пропагандист. Он будет выступать перед молодежью со словом о Владимире Ильиче.

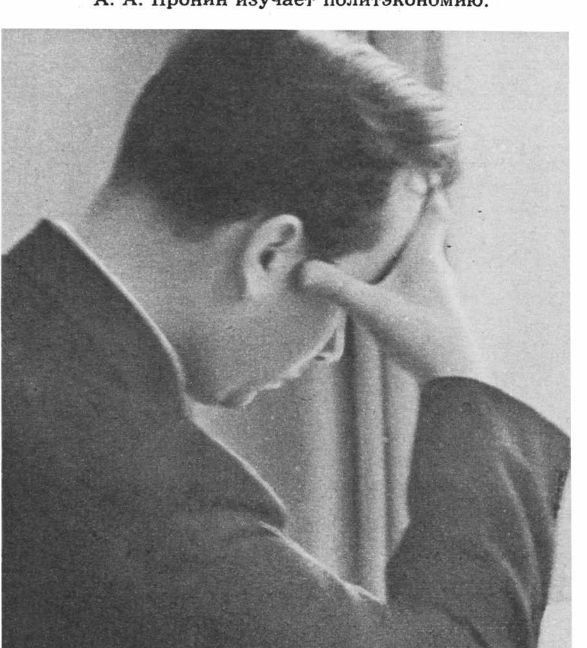
Е. А. Лисютина — преподаватель. Чтобы всегда быть во всеоружии знаний перед пытливой аудиторией, надо постоянно учиться самой.

ИВЫМ РОДНИКОМ

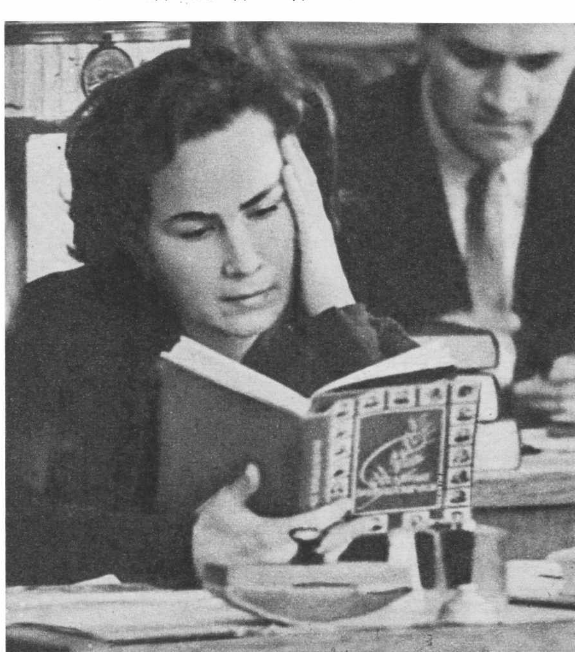
Пропагандист А. В. Яковлев ищет у Ленина подтверждения возникшей мысли.

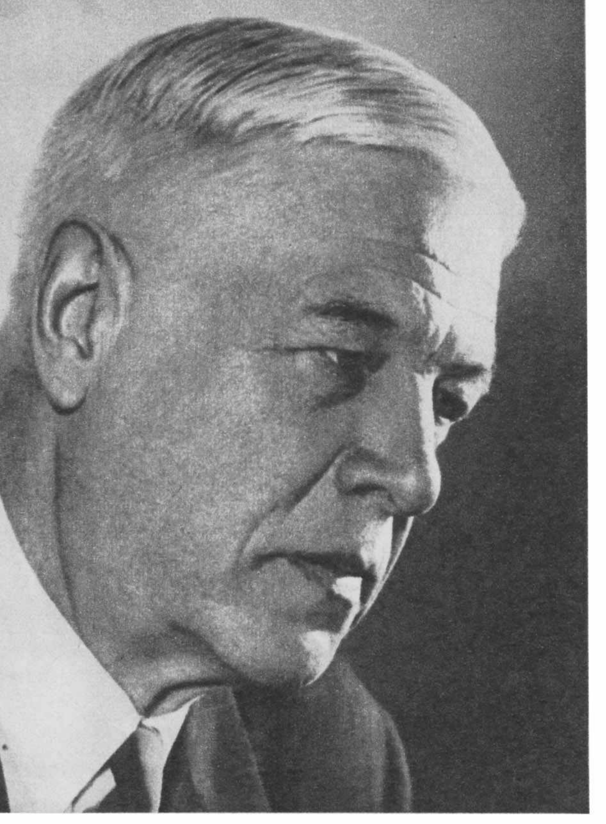

А. А. Пронин изучает политэкономию.

Аспирантке Института международных отношений Д. А. Черниковой предстоит сделать доклад...

Академик Д. В. Скобельцын—основатель Научно-исследовательского института ядерной физики МГУ.

ШТУРМ МИКРОМИРА

Владимир ОРЛОВ

Фото А. УЗЛЯНА и С. ФРИДЛЯНДА.

Полвека назад, оценивая достижения физической науки, Ленин высказал мысль о неисчерпаемости атома. С той поры ученым не один раз удавалось заглянуть в сокровенные глубины строения материи. В 1927 году молодой сотрудник Ленинградского физико-технического института Д. В. Скобельцын «поймал» и сфотографировал электрон, примчавшийся из космоса. Через пять лет ученые открыли позитрон — положительно заряженный двойник электрона. После позитрона в списке атомных частиц последовали протон и нейтрон — кирпичи, составляющие ядро атома. Затем — мезон.

В 1937 году впервые в небо взмыли шары — радиозонды С. Н. Вернова — А. Чарахчьяна. Вынесенные на рубеж, где начинается космическое пространство, они открыли исследователям многие тайны космических лучей. За последнее десятилетие физики узнали о существовании еще добрых двух десятков элементарных частиц: «ламбда», «кси», «тэта» и иных. Чтобы избежать случайностей в своих поисках «на небе», ученые строят на земле гигантские ускорители — генераторы «искусственных космических лучей», такие, как синхрофазотрон в Дубне.

...Дубна, Арагац, Памир... Эти места, где неустанно трудятся следопыты космических лучей, широко известны. Сегодня мы рассказываем еще об одном небольшом участке фронта науки, до сих пор малознакомом читателям.

О масштабах Научно-исследовательского института ядерной физики Московского государственного университета нельзя судить по нескольким приземистым зданиям. Образно говоря, это только вершки, а главное — корешки. Главное тут — в подземных этажах, глубоко уходящих в почву, словно корни засухоустойчивого растения. Посетитель ведет осмотр института, спускаясь по нисходящим ступеням, углубляясь с этажа на этаж.

Да, безмерно щедро оборудована эта мирная академия, готовящая снайперов атомного ядра. Здесь сосредоточен целый арсенал ядерной артиллерии «малого калибра» — ускорители ядерных частиц, позволяющие обстрелять сердце атома, острым жалом микроскопических пуль как бы проанатомировать его внутреннее строение.

За бетонной, крепостной толщины стеной, сквозь которую идут извилистые коридорчики входов, находится средних размеров циклотрон, ставший символом ядерной артиллерии. Между полюсами его внушительного электромагнита, как в могучей праще, раскручиваются сгустки частиц и, срываясь, летят в жерло. Циклотрон и впрямь похож на пушку. Из жерла его бьет кинжал голубого пламени. Сейчас циклотрон разобран. Мостовой кран под потолком лаборатории перебирает его части, как детали гигантского «конструктора». Если возникает необходимость, к циклотрону можно подсоединить приставку — вариатор. Циклотрон превратится в синхроциклотрон. В результате энергия ускоряемых частиц увеличится в пять-шесть раз.

Еще один из ускорителей, бетатрон, напоминает трансформатор, но вторичная обмотка его необычна. Это белая полая фарфоровая баранка. В ней возникает стремительный вихрь электронов, рождается поток бета-лучей. Бросив этот поток на медную стенку, экспериментаторы получают мощную вспышку гамма-излучений, обладающих большей проникающей способностью, чем рентгеновские лучи.

Ускорители сравнивают с артиллерией, штурмующей микромир, но возможны здесь и более современные, более мирные сравнения. Ведь по современным представлениям ядерная частица — это одновременно и волна, а поток частиц — это одновременно и поток излучений. Таким образом, ускоритель можно сравнить с прожектором, направленным в недра микромира. Чем выше энергия частицы, тем короче волна, тем глубже в ядро проникает излучение, тем подробнее «высвечиваются» детали микромира. А отсюда — стремление к росту ускорителей, стремление научиться получать потоки частиц возможно бо́льших энергий. Циклотрон университетской лаборатории ядерных реакций кажется пигмеем по сравнению с трехсотметровой магнитной баранкой синхрофазотрона в Дубне, весящей больше, чем три Крымских моста.

На территории института мы осмотрели одну из сторожевых башен науки—павильон для исследования космических лучей. Он всего лишь на один этаж возвышается над землею, напоминая своей архитектурой обсерваторию, и на много этажей уходит вглубь, под землю.

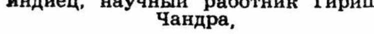
Здесь ведутся наблюдения над частицами столь высокой энергии, что для получения их (при использовании принципов, применяемых в Дубне) пришлось бы построить ускоритель с кольцом магнитов по окружности бо́льшим, чем земной экватор!

Такие частицы нельзя пока получить искусственно, в лаборатории, но они рождаются в ходе грандиозных ускорительных процессов, происходящих во Вселенной, вероятно, при рождении «сверхновых» звезд. Это так называемые космические лучи. Частицы прилетают к нам из космоса, а ученые подстерегают их прилет и ведут над ними эксперименты. Энергия их огромна — миллиарды миллиардов электроновольт! Они беспрепятственно преодолевают толщу атмосферы, равноценную 40 метрам толщи свинца.

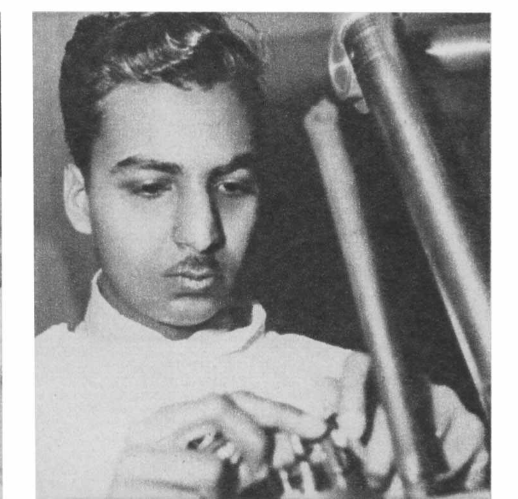
Некоторые из них способны промчаться еще на несколько метров вглубь. Туда, на са́мый нижний этаж, проникнут лишь избранные, самые «энергичные» частицы. Более слабые застрянут «где-то» на этажах. Так вот почему здание института имеет такую необычную архитектуру!

Маркс назвал однажды технику, создаваемую руками человека, овеществленной психологией. Если задуматься над тем, какие главнейшие психологические чер-

ЛЮДИ МНОГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ОБУЧАЮТСЯ ЗДЕСЬ МАСТЕРСТВУ ПОЗНАНИЯ МАТЕРИИ —

русские — студенты физического факультета МГУ В. Жмыров и В. Пучков,

индиец, научный работник Гириш Чандра,

Мария Радоевич, научный работник из Югославии,

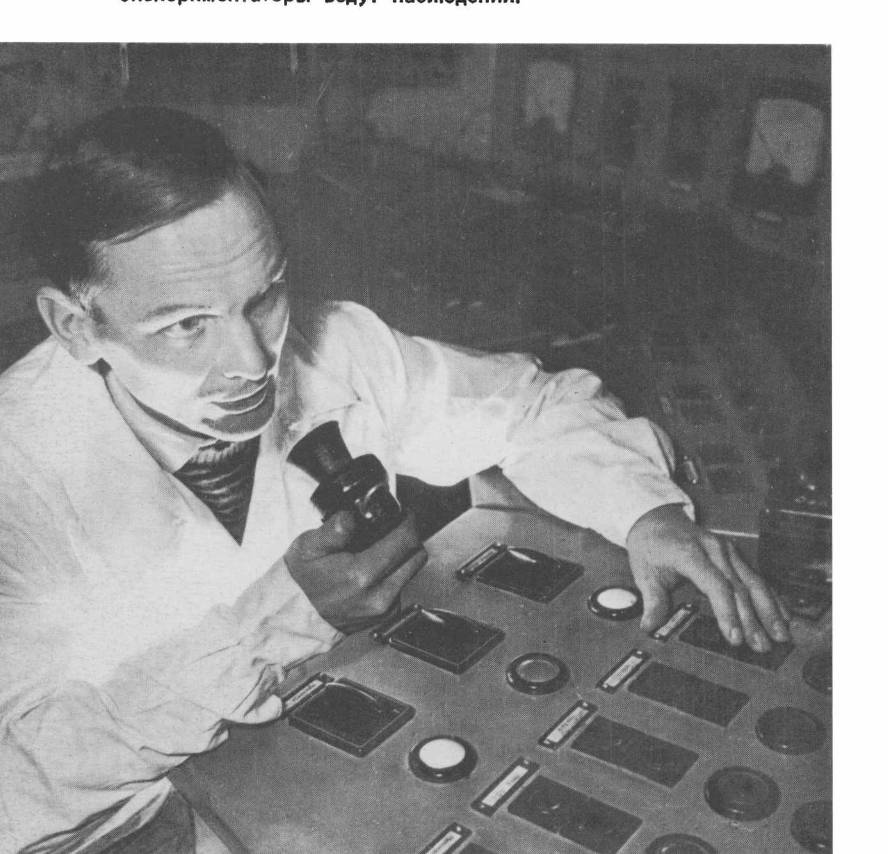
китаянка, дипломница МГУ Чжэн Цзун-шуан.

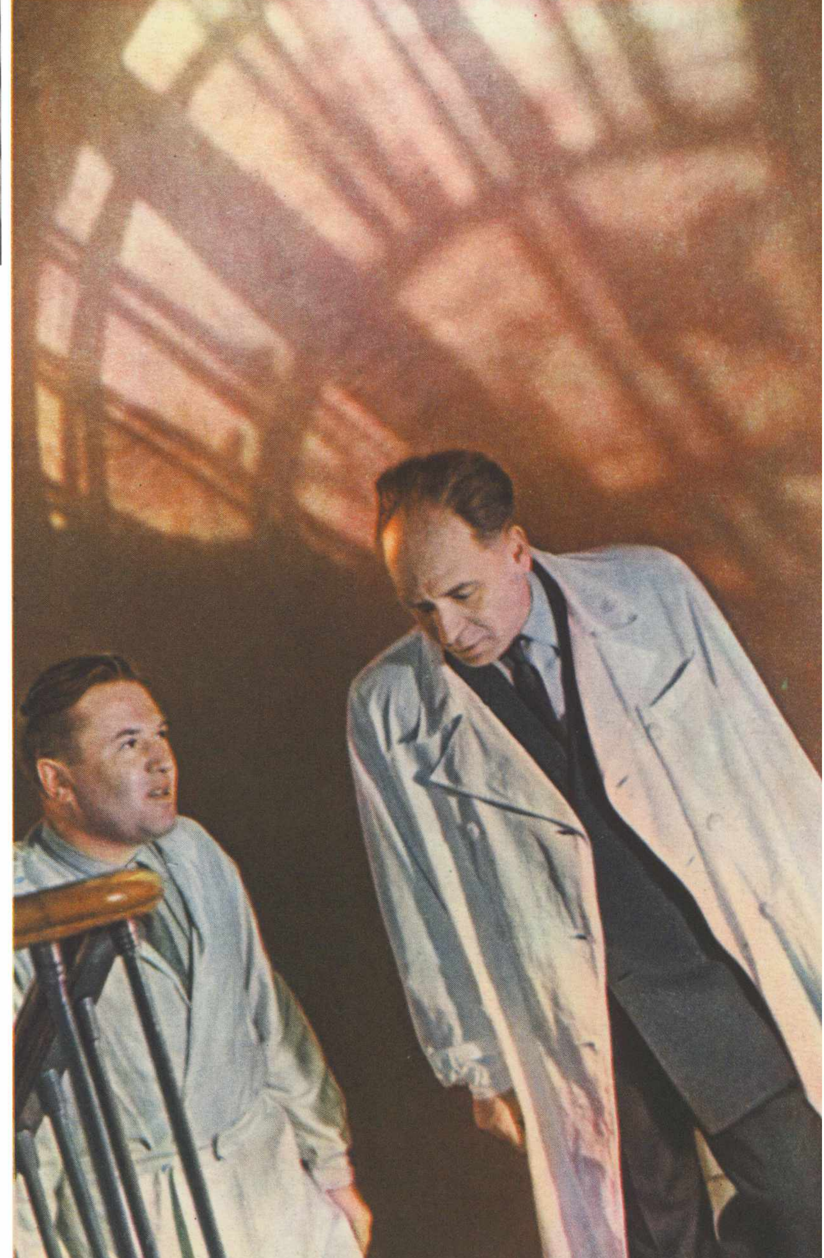

Взгляд оператора устремлен на светящийся столбик ионизированного газа. Отсюда, из ионного источника циклотрона, заряженные частицы мчатся по раскручивающейся спирали. Подгоняемые мощным электрическим полем, они увеличивают свою энергию до десятков миллионов электроно-вольт. Скорость их непостижима: за несколько мгновений они могли бы долететь до Луны.

Нескончаемый «дождь» сыплется из Космоса на нашу планету. Он состоит из мельчайших крупинок материи — атомных ядер, электронов и других элементарных частиц. Широкие атмосферные ливни космических лучей изучаются с помощью специальной установки, систему управления которой проверяет научный сотрудник В. А. Дмитриев.

За пультом — инженер Ю. А. Воробьев.
— Включаю высокую частоту! — говорит он.
— Включаю высокую частоту! — повторяют за ним репродукторы, установленные в разных точках циклотрона, там, где экспериментаторы ведут наблюдения.

Член-корреспондент Академии наук СССР С. Н. Вернов и кандидат физико-математических наук Г. Б. Христиансен.

Герой Советского Союза, кандидат физико-математических наук Г. Ф. Тимушев.

ты овеществлены в сложнейших конструкциях из металла и стекла, помещенных в павильоне космических лучей, можно ответить: бдительность и терпение.

Космическая частица сверхвысокой энергии, вторгаясь в атмосферу, производит здесь поистине грандиозную разрушительную работу. В результате сложнейших процессов, напоминающих развитие лавины, в атмосфере рождается целый ливень ядерных частиц — многие сотни и тысячи их выпадают на площади в несколько квадратных километров. Для того, чтобы уловить этот ливень, чувствительные приемники установлены под цилиндрическими куполами павильона и помещены в его глубочайших подвалах. Часть приемников находится в вагончиках, разъехавшихся по широкому полю. Все объединено в одну автоматическую систему. Обычно она дремлет, эта система, но до той поры, пока «хлынет» ливень. Электронные схемы совпадения моментально отличают его от других ядерных процессов, непрерывно протекающих в атмосфере. Вся сложная система придет в действие, заработают сотни счетчиков и опознавателей типа частиц, замигают сотни сигнальных лампочек. Регистрирующие приборы запечатлеют время выпадения и структуру ливня, его геометрию, его интенсивность.

Сотни ливней выпадают в течение дня. Аппаратура не стоит спокойно, она в действии, как перо сейсмографа. Но частицы особенно больших энергий вторгаются не часто. Они так же редки, как большие землетрясения. Вот почему такой бдительной, безотказной, терпеливой должна быть аппаратура.

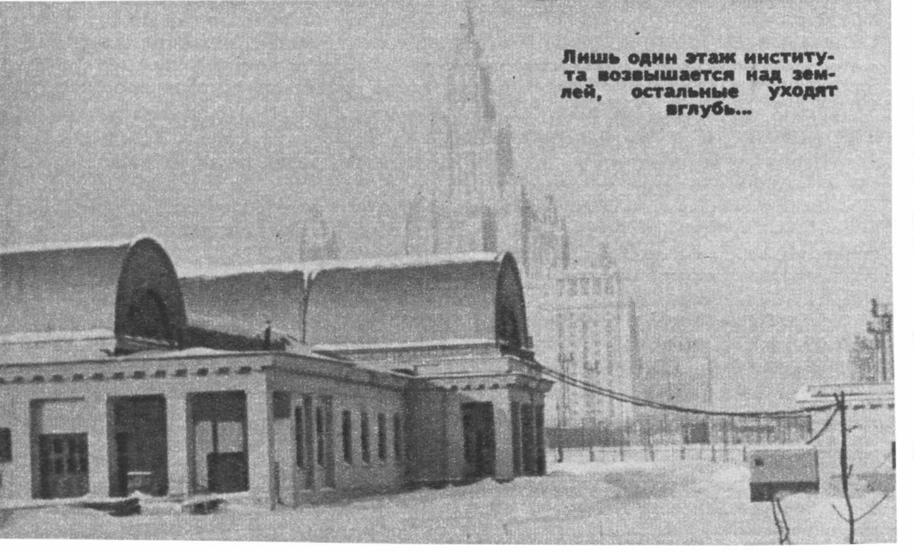
Результаты опыта громоздки, эффективно их можно обрабатывать лишь при помощи электронных счетных машин.

Выводы из опыта всегда двусторонни и охватывают как бы две полярные области человеческого знания. Можно разгадать природу прилетевшей частицы и, значит, составить представление о космических процессах во Вселенной. Можно сделать бесчисленные выводы о структуре ядра, наблюдая калейдоскоп ядерных превращений при рождении ливня в атмосфере. Здесь единым взглядом озирают атом и Вселенную, микромир и макромир, постигают малую и большую бесконечности.

В некоторых помещениях института аппаратура разобрана, регулируется, перемонтируется — это добрая, счастливая примета науки, находящейся в движении.

У приборов работают русские, арабы, румыны, китайцы — интернациональная молодежь. Под руководством советских ученых в Московском государственном университете они штурмуют атомное ядро.

Лаборант Н. С. Новиков проверяет годоскоп из счетчиков частиц.

Лишь один этаж института возвышается над землей, остальные уходят вглубь...

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ БЕССМЕРТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Под таким заголовком в № 9 журнала «Огонек» были напечатаны материалы по следам некоторых документов XXXVI Ленинского сборника. Продолжаем публикацию этих материалов.

ШТРИХИ ВЕЛИКОГО ПОРТРЕТА

РАССКАЗЫВАЕТ ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СМОЛЬЯНИНОВ

родолжаю перелистывать страницы XXXVI Ленинского сборника, а видятся мне листки из блокнота, из отрывного календаря, из тетрадок, листки с характерным ленинским почерком. Записки... Он писал их и на полях газет и на обороте телеграмм, прикладывал к различным документам, резолюциям, отчетам.

Вот секретарша Ильича передает мне от него напечатанную типографским способом резолюцию VII Скопинской уездной конференции профсоюзов. Скопин — маленький уездный городок. Да и сколько таких отчетов, резолюций шлют Ильичу! И он все читает и эту прочел. Просит внимательно ознакомиться с резолюцией. В Скопине толковые люди, и многое из их резолюции следует поставить на обсуждение в Совнаркоме...

Вот записка про Крым, про вывоз оттуда военного и другого имущества, брошенного Врангелем:

«Надо бы проверить, какую тьму «планов» на этот счет мы утверждали??

Что из этого **на деле** вышло?»

Очень характерная для Ильича записка, для его метода работы. Планов насчет Крыма множество. Брошенное имущество собирались использовать и военное ведомство, и Наркомздрав, и ВСНХ, и НКПС. А что на деле? Вот что интересует Ильича. Хватит нагромождать планы. Проверим хотя бы один. Ну что, например, сделал Наркомздрав? А не сделал — заставить. Короче говоря, проверка исполнения!

Вот просьба разыскать человека, которому поручено составление учебного атласа по современному империализму, «поговорить с ним, выяснить, как идет его работа...»

Какое разнообразие интересов! Но среди самых первых забот — техника, индустрия.

Об экскаваторах: надо взять на учет все старые экскаваторы. Дать их шахтерам на Челябинские копи — там открытый разрез. На строительстве железной дороги в Донбассе. Чтобы экскаваторный парк был все время на ходу...

О тепловозах: за границей появились тепловозы. А что думают наши ученые? «Задача... «поймать» на бездеятельности и педантстве тех ученых, которые прозевали заграничный опыт».

О подшипниках: нужны подшипники, очень нужны. Можно было бы дать концессию на их производство шведской фирме СКФ. Но шведы ставят условие: возвратить принадлежавшие им до революции склады. Извините! «...мы являемся собственниками всех национализированных предприятий и складов... от своего права собственности мы никогда не можем отказаться». Пусть, если хотят, покупают эти склады у нас. Не хотят? Не будут делать нам подшипники? Что ж, сами научимся!

Я живу близ завода «Шарикоподшипник», часто бываю в его цехах, беседую с рабочими об Ильиче. Всегда любуюсь этим замечательным производством, особенно цехом-автоматом. Скоро и весь завод будет полностью автоматизирован. Справились, словом, без шведов!

...Сколько уже писалось о внимании Ленина к людям, но исчерпать эту тему невозможно. Все новые и новые факты подсказывает память. Вот передо мной письмо Ильича Александру Дмитриевичу Цюрупе от 21 января 1922 года...

Цюрупа — заместитель Ленина по Совнаркому, ведавший одним из труднейших, если не самым трудным участком: хлеб, продовольствие. «Не оратор, не писатель», как сказала о нем Крупская, Цюрупа тянул гигантский груз работы, и Ленин высоко ценил его как прекрасного организатора, как человека удивительной энергии. А был он больной, сердечник, хотя всячески скрывал это. Да от Ильича-то хворь свою спрятать было невозможно! И однажды во время заседания он послал Цюрупе записку: «т. Цюрупа! Вид больной. Не теряя времени,— на двухмесячный отдых. Если не обещаете точно, буду жаловаться в ЦК».

А потом было строжайшее предписание Цюрупе: «...ввиду... необходимости охраны казенного имущества, **строго соблюдать предосторожности,**

больше двух часов без перерыва **не** работать.

Позже 10½ час. вечера не работать».

«Казенным имуществом» Ильич называл здоровье.

И еще одна записка, но уже не Цюрупе, а о нем, совершенно, помоему, изумительная. Послана она была Лениным членам президиума ЦИКа.

«Цюрупа получает 2 000 руб., семья 7 чел., обеды по 12 руб. (и ужин), в день 84 $\times$ 30 = 2 520 рублей.

Не доедают! Берут **4 обеда**, этого мало. Дети — подростки, нужно **больше,** чем взрослому.

Прошу увеличить жалованье ему до 4 000 руб. и дать сверх того пособие 5 000 руб. единовременно семье, приехавшей из Уфы **без платья».**

Со здоровьем у Цюрупы становилось все хуже. Несколько раз случались с ним на заседаниях Совнаркома сердечные приступы. Как-то нам с Семашко, тогдашним наркомздравом, пришлось на руках даже относить Александра Дмитриевича домой. Но всякий раз, придя в себя, с еще большей энергией принимался он за работу, а на вопросы Ильича: «Как с сердцем? Что говорят врачи?» — отвечал неизменно: «Не беспокойтесь, Владимир Ильич. Пустяки у меня...» Но вот Ленин потребовал у него письменное врачебное заключение. Цюрупа тянултянул, но вынужден был все-таки представить таковой документ. Ленин ознакомился с ним, и появилось упомянутое мною выше его письмо к Цюрупе от 21 января 1922 года, впервые опубликованное в XXXVI Ленинском сборнике. Ильич в те дни плохо себя чувствовал, находился на отдыхе и письмо для передачи Александру Дмитриевичу продиктовал по телефону.

«т. Цюрупа! Вникнув во всю обстановку и письменное заявление врача, которое Вы мне показали и пр., я самым настойчивым образом прошу Вас принять во внимание следующее.

Я не смогу вернуться раньше трех, а может быть, четырех недель. Момент сейчас самый трудный... Доктор разрешил Вам 8 часов работать. Я абсолютно настаиваю на том, чтобы Вы ограничились на ближайшие четыре недели 4 часами работы в день и, кроме того, полным отдыхом в субботу, воскресенье и понедельник. Все остальное время надо проводить при санаторном режиме, для чего Вам с Вашей женою я рассчитываю найти комнату в Сокольниках с тем, чтобы при Вас была привычная сиделка, хороший стол и пр. Я совершенно уверен, что в противном случае Вы четырех недель работы не вынесете, а нам это по политическому положению необходимо до зарезу. Из 4-х часов — 2 часа ежедневно Вы должны участвовать на заседаниях СНК и СТО, которые мы устроим по 2 раза в неделю, остальные 2 часа исключительно на подписывание протоколов и необходимый минимум разговоров по телефону и лично. Если поставить дело таким образом, тогда наш аппарат нисколько не ослабеет за эти четыре недели. Усиленно помогать Вам будут по части технической Горбунов и Смольянинов... Еще раз прошу Вас принять этот план и провести его с пунктуальной строгостью, ибо защитить Вашу квартиру от наплыва друзей из Компрода и т. п. есть предприятие совершенно утопичное».

Помню, что одновременно с этим письмом Александру Дмитриевичу все мы, работники аппарата Совнаркома и СТО, а также все наркомы и их аппарат, получили от Ильича категорическое распоряжение самым педантичным образом придерживаться режима и регламента, установленного им для Цюрупы. А несколько позже Александр Дмитриевич был отправлен по настоянию Ленина на длительное лечение за границу.

Но разве о здоровье одного только Цюрупы тревожился так Ильич!

О Кржижановском, требуя посылки его в санаторий, он писал: «...я убедился, по должности председателя Совета Труда и Обороны, что председатель Госплана **почти надорвался.** Его ремонт **необходим и неотложно** необходим».

О Воровском: «Надо непременно **долечить** и отправить в Италию».

О Менжинском: «обязать... взять отпуск и отдохнуть немедленно впредь до **письменного** удостоверения **врачей** о здоровьи».

Свидерскому: «...Вы должны сначала вылечиться вполне, **вставить** все зубы и научиться есть ими, а потом надо изо всех сил взяться за Рабкрин».

Окончание. Начало см. в № 9.

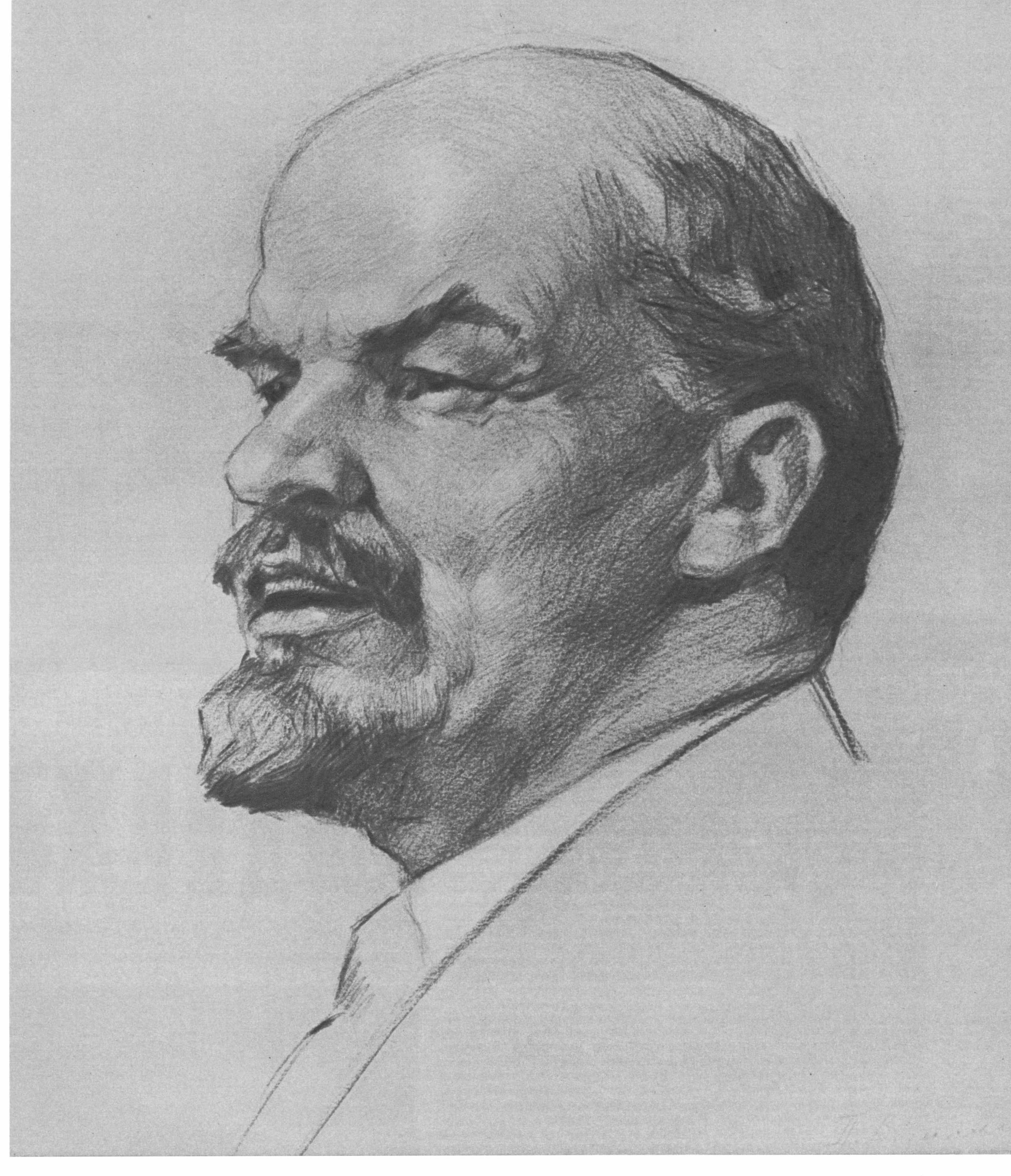

Рисунок П. ВАСИЛЬЕВА.

Аванесову: «А Вы вправду уедете? Когда? Или **опять** саботировать будете? Не хотите лечиться?»

И только себя не щадил.

Летом 1922 года он тяжело болел и все время рвался на работу. Чуть-чуть полегчало ему — и уже шлет записку секретарше: «Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который **начинает** становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать мне списки) 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику...». Врачи обещали ему, что в сентябре выпишут на работу, и он волнуется, требует слать документы: «Я до сих пор не получил протоколов СТО и СНК **в выдержках!** Писал Смольянинову. Сговоритесь с ним, пожалуйста. И шлите тотчас».

Получил и я весточку от Ильича: «Я приезжаю 1 или 2 октября. Во вторник, 3 октября, буду председательствовать. Заседание 5—9 часов. С перерывом 1/4 часа.

Предупредите курильщиков. **Не курить. СТРОГО.** В перерыве (в соседней комнате) чай и курение.

Цюрупы нет? Когда приедет, **заседание здесь** всех 3-х замов.

Если не приедет, заседание на 2—3 часа **в понедельник:** либо 11—2, либо 5—7.

Все это Вы должны устроить **хорошо.**

Во вторник **утром** мне приготовить **материалы** по **всей** повестке».

Трогательной была встреча с Лениным после длительного перерыва. В зале заседания собрались все наркомы, все их заместители, весь аппарат Совнаркома. Как приятно было видеть нашего родного Ильича на прежнем председательском месте! Он мало изменился, чуть только побледнел. Нет, есть перемена. Очки! Простенькие, в металлической оправе. Ильич надевает их, когда надо что-нибудь прочесть. И, прочитав, сразу же кладет на стол. Не хочет привыкать к очкам!

...Таковы еще несколько штрихов к тому великому портрету, который создается коллективными усилиями людей, имевших счастье работать с Ильичем, знать Ильича.

Просить товарищей держаться сколько хватит сил, до последней крайности, и не бросать работы.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 21).

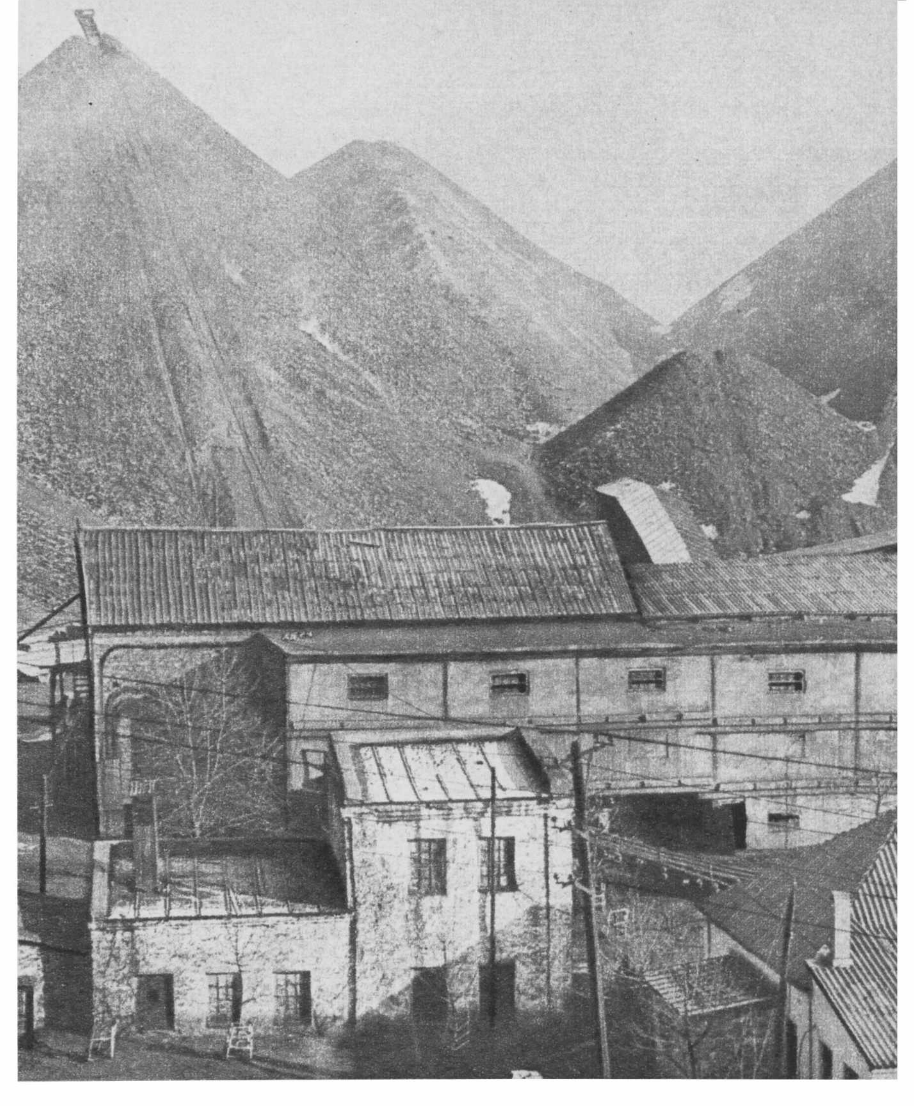

Фото А. ГОСТЕВА.

ВЫДЕРЖАЛИ,

В городском парке в Шахтах среди поникших ветвей акации стоит памятник из серого камня-песчаника. На камне высечена надпись: «Пусть героизм погибших воодушевит нас в революционной борьбе за полное торжество труда над капиталом». И на другой стороне: «Рабочие и трудовое крестьянство никогда не забудут ваших заслуг перед Революцией. Мы завершим начатое вами великое дело Красного Октября».

Памятник и эта суровая клятва борцов напоминают о грозных и славных событиях в истории рабочего города.

...В студеные декабрьские дни 1917 года над городом Александровск-Грушевским и окрестными шахтерскими поселками нависла смертельная угроза. Атаман Каледин, стянув на Дон полчища врагов революции и пользуясь поддержкой капиталистов Америки, Англии и Франции, замыслил крестовый поход на революционную Москву и Петроград. Но прежде он решил обезопасить свой тыл, расправиться с Советами рабочих и солдатских депутатов на донецких шахтах, с горняками, не признававшими иной власти, кроме Совета Народных Комиссаров, и не верившими никому другому, кроме Ленина.

В эту грозную пору шахтеры решили обратиться за советом и помощью к Владимиру Ильичу. Встретившись с ним, делегаты спросили, нужно ли конфисковать теперь же рудники и заводы, считать ли действительными денежные знаки калединского правительства, просили помочь им в охране рудников и выдать средства для нормального ведения горных работ. И был у шахтеров еще один, коренной, особо важный вопрос:

— Оставлять ли нам сейчас рудники и уезжать в центральную Россию?

К нуждам александро-грушевских рабочих Ильич отнесся исключительно серьезно. Их вопросы он поставил на обсуждение в Совете Народных Комиссаров. Ответы на вопросы, заданные делегацией, сохранились в архивах и опубликованы в XXXVI Ленинском сборнике. Совет Народных Комиссаров призвал шахтеров к решительным действиям, рекомендовал им войти в связь с Харьковом и получить там оружие для Красной гвардии. А на главный вопрос шахтеров В. И. Ленин ответил: «Просить товарищей держаться...»

Как же в городе, очутившемся в кольце мятежных калединских войск, развивались дальнейшие события? Каков он теперь, этот шахтерский город?

В Шахтах, как давно уже называется бывший Александровск-Грушевский, живут старые большевики А. Ф. Рожков, Ф. П. Белов, Е. Н. Кочетков, Ф. В. Стародубцев, П. Н. Щупляков и другие. Местные жители хорошо знают их и сразу указывают их адреса...

Старый большевик, кавалер ордена Красного Знамени Александр Федорович Рожков живет в небольшом опрятном домике на Советской улице. Время посеребрило его голову, но в осанке и зорком взгляде угадывается что-то командирское, волевое: был он комбригом в Первой конной!

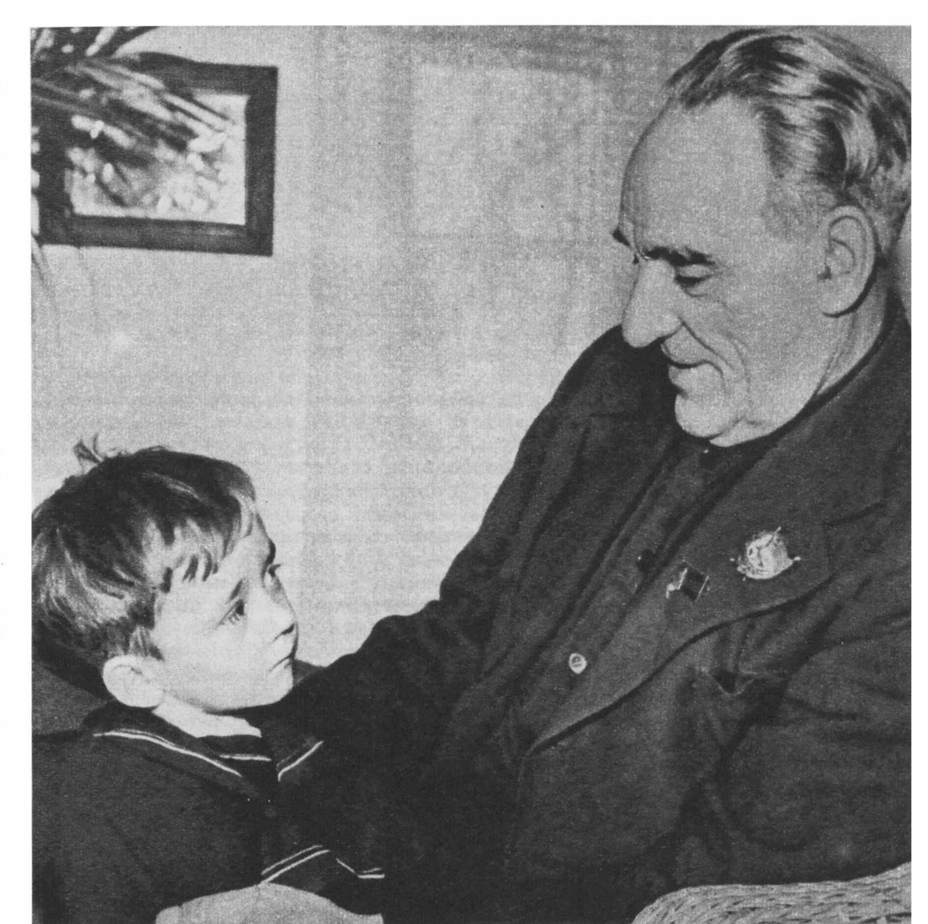
Рожков вспоминает:

— Когда Ленин предложил шахтерам держаться до последней возможности и распорядился, чтобы тульские рабочие дали красногвардейцам Донбасса винтовки, пулеметы и патроны, мы начали создавать отряды Красной гвардии. Набралось тысяч семь бойцов. Я командовал тогда одним из красногвардейских отрядов: выбрали меня сами шахтеры. У меня был автомобиль — взял на пороховом заводе. Маузер через плечо, пулемет на машину — и готов к черту в пекло... Первый удар приняли на себя рабочие Парамоновского рудника — на них ринулся генерал Попов, порубил и наших и китайцев, что работали в шахте. Потом наскочили есаулы Семилетов, Чернецов, в Новочеркасске зашевелился есаул Голубов. Мы очутились в кольце. Пришлось биться напропалую. Но силы были далеко не равные... О красногвардейцах, погибших в тех боях, и говорят надписи на камне-песчанике в городском парке. Однако шахтерская гвардия не сложила оружия; воевали и не забывали о нуждах красной столицы, посылали ей хлеб, уголь.

Александр Федорович помолчал, а потом, кивнув в сторону соседней комнаты, которую прибирала молодая русоволосая девушка, спросил:

— Знаете, чья это дочь? Был у меня в Красной гвардии начальник штаба Василий Архипович Калюжный. Работал когда-то бондарем, колесником, хороший человек. Дожил до Отечественной войны и не смог эвакуироваться, остался в Шахтах. Вернулся я из эвакуации. Пошла жинка на Мельничный переулок узнать, где Калюжные, что с ними. И вот возвращается вся в слезах: Василия Архиповича немецкие оккупанты в шахту бросили, жена умерла, а двое ребятишек остались. «Что ж,— говорю,— плакать? Ступай, веди их сюда, будем кормить и растить». Вале было тогда семь лет. Записал ее на свою фамилию, удочерил, одним словом. А ее брат Володя — этот был годом старше — тоже жил у меня, учился в горном техникуме, служил матросом, а теперь работает на шахте «Южная-1».

Александр Федорович Рожков с внуком Сергеем.

Шахта «Пролетарская диктатура».

Советская площадь.

ПОБЕДИЛИ!

Шахтерские дети Коля Привалов и Люда Оленникова.

«Южная-1»... Такой шахты до войны здесь не было. Это — одно из новых предприятий, появившихся в недавние годы. Да и весь город приобрел совершенно иную стать, иной облик. За несколько лет появились здания политехнического института, драматического театра, Дом техники, молочный завод, широкоэкранный кинотеатр, больницы, школы, целые кварталы многоэтажных жилых домов, прекрасный Дворец физкультуры со множеством спортивных залов, гостиницей и плавательным бассейном, где в зимнюю стужу соревнуются спортсмены с Волги, Дона, Кубани. Это в безводном-то, в степном городе!

В горкоме партии мы попросили рассказать, что сейчас строят в Шахтах.

— Задача нелегкая,— сказал секретарь горкома Леонид Иванович Маяков.— Не были в районе рынка? Там строится обувная фабрика, самая крупная в Советском Союзе, по мощности больше ленинградского «Скорохода». Первая очередь войдет в строй в нынешнем году.

— А универмаг? А гостиница? А корпуса поликлиники?..— поспешил «на помощь» секретарю председатель горсовета Максим Григорьевич Баранов.— А сколько домов в поселках!

Слово «поселок» здесь употребляется чаще всего по привычке. За годы Советской власти город сильно разросся, население его увеличилось в десять раз, и некогда обособленные степные поселки шахт имени Г. И. Петровского, «Октябрьская революция», «Пролетарская диктатура» давно уже слились с городскими кварталами. По-прежнему стоит как бы на отлете только поселок шахты имени Артема. Захотелось взглянуть и на него, тем более что шахта имени Артема — одна из старейших в Донбассе.

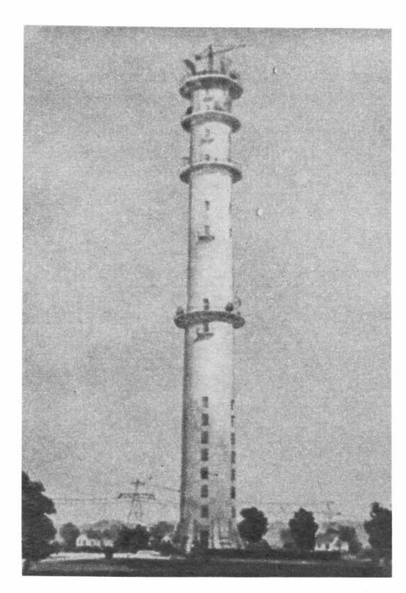
Тому, кто помнит старый город, дорогу на шахту имени Артема распознать теперь трудно. Ведь прежде тут не было этих многоэтажных домов, не было и асфальта и широкого моста над пересыхающей в летнюю жару Грушевкой.

— А знаете, что тут будет сделано в ближайшие годы? — сказал наш спутник, председатель горсовета.— Хотим пустить из города на шахту троллейбусы, а на том вон косогоре с весны начнем сеять лес. Создадим рощу гектаров на тридцать. Замечательное будет место для отдыха!

...В город мы возвращались вечером. На копрах ало пламенели звезды — свидетели трудовых горняцких успехов, ярко пестрели рекламы кинотеатров. А на центральной площади, на фоне светлой громады политехнического института, четко вырисовывался силуэт великого друга рабочих — Ленина.

Памятник шахтерам-красногвардейцам, погибшим в боях с врагами революции.

Железобетонная башня одной из новых радиорелейных магистралей высотой в 100 метров.

ГОЛОС НАШЕЙ СТРАНЫ

... и как телеграфная и как телефонная станция

((20 kw мощность))

[станция через месяц будет готова...]

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 482).

Эти строки Владимир Ильич Ленин записал 13 мая 1922 года во время разговора по телефону с инженером В. А. Павловым, бывшим тогда начальником радиоотдела Народного комиссариата почт и телеграфа. Речь шла о строившейся в Москве, на Вознесенской улице (ныне улице Радио), Московской центральной радиотелефонной станции мощностью 12 киловатт. Довести мощность станции до 20 киловатт, о чем записал Ленин, предполагалось при оборудовании ее более сильными лампами.

— Как выполняются ленинские заветы о широком развитии средств радиосвязи и радиовещания и каких успехов достиг в этой области Советский Союз? — с таким вопросом обратился корреспондент «Огонька» к министру связи СССР тов. Н. Д. Псурцеву.

Вот что ответил министр на этот вопрос:

— Радиостанция крейсера «Аврора» в ноябре 1917 года передала знаменитое ленинское воззвание «К гражданам России». Это было первое обращение от имени Советского правительства, переданное по радио. С тех пор Владимир Ильич неустанно заботился о широком развитии средств радиосвязи и назвал радио газетой без бумаги и «без расстояний».

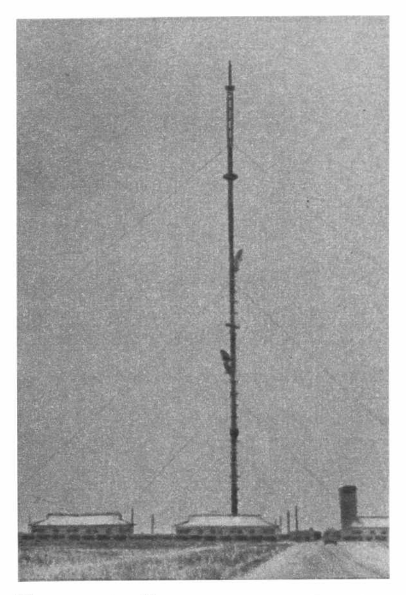
Испытания Московской радиотелефонной станции, о которой говорится в записях В. И. Ленина, начались в августе 1922 года. О хорошей слышимости сообщали из Ташкента, Харькова, с Югорского полуострова и других пунктов. В радиусе двух тысяч верст радиотелефон из Москвы уверенно принимало 100 приемных радиостанций. В октябре 1922 года вступила в строй радиовещательная станция имени Коминтерна.

В 1925 году в эксплуатации находились уже 48 связных радиопередатчиков мощностью свыше 270 киловатт, работали первые 10 радиовещательных передатчиков. Так начали претворяться в жизнь указания В. И. Ленина о широком развитии радио.

Конечно, с тех пор радио сделало большой скачок вперед. И, пожалуй, лучшим свидетельством успехов советских радистов является тот факт, что в прошлом году десятки приемных радиостанций Советского Союза поддерживали регулярную связь с космической ракетой, удаленной от Земли на сотни тысяч километров.

За последние годы получила огромное развитие сеть радиовещательных станций. К началу нынешнего года их мощность возросла более чем в 2,5 раза по сравнению с 1953 годом и более чем в 4,5 раза по сравнению с послевоенным 1946 годом. Создана сеть мощных коротковолновых радиостанций для вещания на большие расстояния: на Дальний Восток и Среднюю Азию. Новые радиовещательные станции были построены в центральных районах страны, в республиках Средней Азии, Закавказья, Сибири и Дальнего Востока.

Слышимость наших передач за последние годы коренным образом улучшилась, в том числе и далеко за рубежами Советского Союза. Так, с вводом новых мощных технических средств прием в США радиопередач из Советского Союза стал устойчивым и регулярным. Голос нашей страны слышен во всем мире: в Северной и Южной Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в отдельных странах Африки.

Построенный недавно радиорелейный пункт с телевизионным ретранслятором. На снимке видны здания и антенная башня высотой в 180 метров.

У нас насчитывается около 45 миллионов радиоприемных точек, в том числе свыше 3,5 миллиона телевизоров. Это означает, что в городах почти каждая семья имеет или радиоточку, или радиоприемник. На селе в среднем на каждые 100 семей приходятся 84 радиоточки.

Значительное развитие получила радиотелефонная и радиотелеграфная связь. По радио передаются на большие расстояния фотоснимки. По радио был получен с космической ракеты снимок обратной стороны Луны.

Бурно развивается телевидение. К началу семилетки в СССР насчитывалось 60 телевизионных центров и мощных ретрансляционных станций, а сейчас их уже восемьдесят три. Телевизионным вещанием покрывается территория, где проживает свыше 70 миллионов человек.

Телевизионные передачи из Москвы с начала года стали принимать также в Луганске и Ростове-на-Дону. Столичные передачи уже видны в Киеве, а киевские — в Москве. На очереди обмен телевизионными программами с соседними европейскими странами. Советские телезрители смогут смотреть телепередачи из Праги, Варшавы и Берлина, а жители этих городов получат возможность видеть московские передачи.

Так осуществляются у нас в стране гениальные предвидения Ленина о роли и значении радио — этого мощного средства прогресса и культуры.

ФЕЛЬДШЕРИЦА СОЛДАТЕНКОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Грешневой (очень неимущей)
отпуск ((вместе)) с
СИРОТКОЙ
((с девочкой)) у нее на руках
((в очередной отпуск))

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 490).

Такая запись сделана Лениным в мае 1922 года, после операции в Солдатенковской (ныне имени Боткина) больнице. Хирург В. Н. Розанов извлек у Ильича одну из пуль, оставшихся после покушения на него 30 августа. Обязанности операционной фельдшерицы несла при этом Клавдия Максимовна Грешнева, о которой и идет речь в приведенной выше ленинской записи.

Сохранился еще один ленинский документ, в котором упоминается имя Грешневой Он как бы разъясняет запись. Это записка на имя народного комиссара здравоохранения Н. А. Семашко, датированная 21 мая 1922 года:

«Еще просьба. Я обещал В. Н. Розанову помочь фельдшерице **Грешневой**, которая возилась со мной много дней после операции извлечения пули.

Розанов просит дать ей **очередной** отпуск нынче летом **вместе с девочкой сироткой**, которая у нее на руках.

Должно быть, это **«вместе»** составляет изъятие из правил, не разрешаемое без Вашего приказа?

Будьте любезны, закажите Вашему секретарю справку об этом и черкните мне или поручите черкнуть несколько слов, можете распорядиться на этот счет или нет».

Фельдшерицу Клавдию Максимовну Грешневу и сейчас хорошо помнят в Боткинской больнице, где она проработала свыше пятидесяти лет, была награждена орденом Ленина. Она и жила на территории больницы почти безвыездно с 1910 года и лишь несколько лет назад переехала в новый дом. Знают ли ее адрес? Конечно!

...Дверь нам открыла средних лет женщина.

— Вам тетю? — спросила она, услышав фамилию Грешневой.

Клавдия Максимовна сидела в старинном мягком кресле. Она взволновалась, узнав, что нас привели к ней ленинские записи, о которых она и не ведала.

— Неужели Ленин писал обо мне?

Грешнева хорошо помнит, как теплым апрельским днем 1922 года Ленин приехал в больницу. Он быстро поднялся по лестнице и вошел в операционную. Клавдия Максимовна знала Ленина по рассказам и портретам, а тут перед нею стоял живой, улыбающийся Ильич.

Операция извлечения пули проводилась под местным наркозом. Владимир Ильич ничем не выдавал волнения и испытываемых болей. Но вот операция закончилась. Няни пытались снять Владимира Ильича с операционного стола, но он энергично запротестовал против посторонней помощи. Это поразило и растрогало всех присутствовавших.

Владимир Ильич пробыл в больнице сутки.

Затем Владимир Ильич переехал к себе на квартиру в Кремль, куда Грешнева вместе с В. Н. Розановым ездила в течение двух недель на перевязки.

Наконец рана зажила. Грешнева зашла к Владимиру Ильичу проститься. Ленин предложил ей поехать вместе с племянницей в один из санаториев Крыма на отдых.

Вскоре фельдшерицу пригласили в Народный комиссариат здравоохранения и выдали документы для поездки в Крым.

— А это моя племянница, о которой идет речь в записке Владимира Ильича,— сказала Грешнева, показав на сидевшую рядом с ней женщину, открывшую нам дверь.— Я ее воспитала, но теперь она уже давно замужем. Зовут ее Галина Александровна Головань.

С РАЗМАХОМ И ЩЕДРОСТЬЮ

16/II. 22.

Тов. Литкенсу

В конце декабря прошлого года я писал в Наркомпрос о просьбе проф. Круга предоставить Московскому высшему техническому училищу помещение для электротехнического факультета... и просил обратить сугубое внимание и всячески постараться выполнить эту просьбу.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 430).

Рисунок П. ВАСИЛЬЕВА.

И вот мы идем по просторному коридору — из зала в зал, из лаборатории в лабораторию — и беседуем с профессором М. Г. Чиликиным, директором Московского ордена Ленина энергетического института.

— Да,— размышляет профессор,— Владимир Ильич, как никто другой, понимал исключительное значение энергетики для развития народного хозяйства нашей страны. Именно поэтому он нашел время специально заняться вопросами подготовки специалистов-энергетиков. По личному распоряжению Ленина МВТУ было не только предоставлено помещение, но и выделена огромная по тогдашним условиям сумма — 250 тысяч золотых рублей — для приобретения за границей самого современного оборудования.

За прошедшие годы маленький факультет МВТУ превратился в один из крупнейших вузов страны — Московский энергетический институт. Более 14 тысяч студентов под руководством тысячи преподавателей овладевают сейчас в стенах института энергетическими специальностями. Здесь обучается около 500 студентов и аспирантов из стран народной демократии, Цейлона, Ирака, ОАР. Ежегодно МЭИ выпускает свыше полутора тысяч новых инженеров. Каждый третий энергетик страны — выпускник нашего института. Мы не погрешим против правды, если скажем, что руками наших воспитанников спроектированы и построены электростанции, примерно в пять раз превосходящие по мощности ту цифру, которую Ленин намечал в плане ГОЭЛРО.

Государство щедро финансирует нас. В этом году научный бюджет МЭИ составляет 18 миллионов рублей.

Институт располагает уникальной теплоэлектроцентралью. Эта огромная лаборатория-предприятие занимает восьмиэтажный корпус и оснащена вполне современными котлами и турбинами. Здесь проводятся крупные эксперименты. ТЭЦ включена в энергосистему Москвы. Мощность ее — 7 тысяч киловатт.

В лабораториях кафедры инженерной теплофизики созданы установки, позволяющие разрабатывать и проверять экспериментально таблицы высоких параметров пара. За решение этой важнейшей проблемы теплоэнергетики Ленинской премии удостоены воспитанники института: профессор В. А. Кириллин, профессор А. Е. Шейндлин и один из старейших работников вуза, профессор М. П. Вукалович.

Мы заходим на кафедру электрических систем.

— Познакомьтесь: старший научный сотрудник кафедры Ирина Владимировна Литкенс,— говорит М. Г. Чиликин.— Она приходится племянницей тому самому заместителю наркома просвещения Е. А. Литкенсу, которому Ленин направил письмо, приведшее вас сюда.

Руководит кафедрой лауреат Ленинской премии профессор В. А. Веников. В тесном содружестве с Ленинградским институтом электромеханики, Всесоюзным электротехническим институтом имени Ленина, Институтом электромеханики Госплана СССР и еще с целым рядом научных и проектных организаций кафедра работает над созданием регулирующей аппаратуры для крупных электроэнергетических систем.

— Каждая энергосистема,— рассказывает нам Валентин Андрее-

вич,— это, так сказать, «семья» больших и малых электростанций. Нарушается нормальная деятельность любого члена такого «семейства» электростанций — дезорганизуется работа всей системы в целом. Существует много приборов, позволяющих локализовать аварии и восстановить нормальный режим работы энергосистемы. Но все они до последнего времени страдали одним общим существенным недостатком: они реагировали на аварию и принимали меры к ее устранению после того, как авария уже случится.

Появление «думающих» электронно-счетных машин позволило создать принципиально новые устройства. Речь идет о «регуляторах возбуждения сильного действия». В разработке и испытании их принимала большое участие проблемная лаборатория кафедры.

Эти автоматические устройства реагируют на первые, самые незначительные признаки приближающейся аварии, учитывают ее развитие и подавляют ее последствия «в зародыше», прежде чем успеет нарушиться работа системы.

Применение таких регуляторов даст значительный экономический эффект. Они позволят увеличить на одну восьмую «пропускную способность» электропередачи Куйбышев — Москва. Это значит, что по существующим линиям и без дополнительных затрат можно дать потребителю лишние сотни тысяч киловатт-часов да еще получить огромную экономию цветных металлов при строительстве новых электропередач.

Уже сейчас генераторы для сибирских электростанций делаются с учетом последних достижений в области регулирования, что позволяет уменьшить их вес.

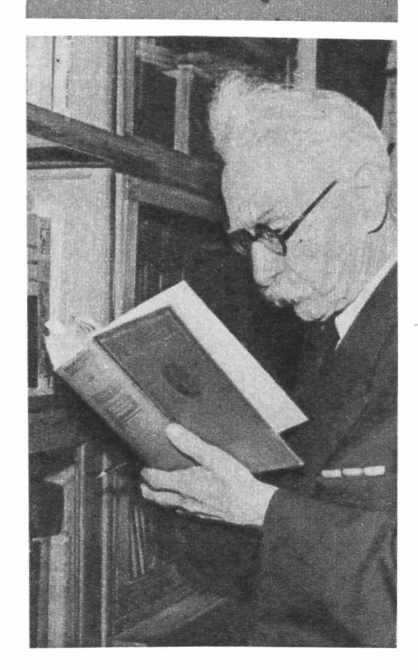
Лаборатория работает над созданием еще более совершенных самонастраивающихся регуляторов, основанных на принципах кибернетики.

Один из интереснейших методов исследований в энергетике — физическое моделирование. На специальной динамической модели, созданной под руководством В. А. Веникова, воспроизводятся условия работы крупнейших энергосистем. При этом сами энергосистемы и линии передач воспроизводятся в уменьшенном виде, а изучаемые устройства — в натуральную величину.

Параллельно с опытами на динамической модели ведутся исследования на так называемой расчетной модели. Это система электронно-счетных устройств, где анализируются математические уравнения, описывающие изучаемые процессы. Сочетание физического и математического моделирования очень важно. Расчетная модель помогает теоретически обосновать полученные результаты, на динамической—существенно уточняются теоретические положения путем экспериментов в условиях, близких к естественным. Детальные лабораторные исследования завершаются испытанием непосредственно на станциях.

Мы рассказали подробно лишь о некоторых работах, осуществленных в Московском энергетическом институте. Но и они показывают, как далеко вперед, во многом обогнав достижения зарубежной науки, шагнула советская энергетика, о будущем которой так заботился Ильич.

ЛОНДОН, ГОД 1902-й

Николай Александрович Алексеев.

Я знаю его с 1902 года, с Лондона, где вместе работали в ИСКРЕ.

Очень образованный марксист, большевик и замечательно добросовестный к исполнению своего долга товарищ.

(XXXVI Ленинский сборник, стр. 350.)

В Москве, на углу Сретенского бульвара и Фролова переулка, стоит огромный дом, построенный в конце прошлого века страховым обществом «Россия». Здесь живет Николай Александрович Алексеев, член Коммунистической партии Советского Союза с 1897 года, по профессии литератор, и с ним — его супруга Елизавета Павловна, член партии с 1904 года. Их сыновья служат на морях. Владимир — контр-адмирал, Герой Советского Союза, Александр плавает штурманом...

На пороге квартиры нас встретил сам хозяин.

— Входите, гостями будете,— пригласил нас Алексеев.

В комнате некуда деваться от книг. Вся правая от окна стена заставлена ими снизу доверху. Книжные полки похожи на соты. Они вместили и «каплю меда», принадлежащую Николаю Александровичу. Еще в начале столетия он перевел работу Маркса и Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», а позже работу Маркса «Критика Готской программы».

Этот человек обладает неутомимостью ученого. Три последних десятилетия Николай Александрович посвятил исследованию творчества Н. Г. Чернышевского, многие рукописи которого до настоящего времени оставались зашифрованными особым шифром, придуманным писателем в студенческие годы. После долгих поисков Алексееву удалось найти ключ и полностью расшифровать более тысячи страниц рукописного наследия великого революционного демократа.

Николай Александрович достает книгу в скромном переплете.

— Это протоколы Третьего съезда РСДРП. Я был на этом съезде в Лондоне вместе с Лениным.

Мы просим Николая Александровича рассказать о встречах с Владимиром Ильичем.

— В декабре 1895 года по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» арестовали Ленина.

Спустя два года полицейский пристав на извозчичьих санках доставил меня в дом предварительного заключения, на Шпалерную.

Считаю, что мне повезло. Моя партийная биография началась в той самой камере шестого этажа, откуда за год до этого Ильича отправили в ссылку на Енисей.

Девять месяцев я просидел в одиночке. Затем меня выслали.

Удалось бежать. Двадцатый век я встретил за границей — в Англии.

В конце февраля 1902 года мне передали письмо с просьбой подготовить условия для переезда редакции большевистской «Искры» в Лондон, найти типографию, подыскать наборщиков.

Вскоре почтальон принес другой конверт. Писал Владимир Ильич Ленин. Он просил о том же. В приписке содержалась новая просьба — получать корреспонденцию на имя Якоба Рихтера. Ильич сообщал, что письма предназначаются для него. По приезде он зайдет за почтою сам.

Начались хлопоты. Помещение для «Искры» отыскалось в редакции социал-демократической газеты «Джастис». Правда, редактор дал всего четыре квадратных метра. Там могли работать лишь два наборщика. Нашлись и они.

Однажды утром ко мне постучался человек, одетый в пальто коричневого цвета. Он представился: «Ульянов».

Владимир Ильич приехал вместе с Надеждой Константиновной. Они поселились в меблированных комнатах, пока я не отыскал скромную квартиру. Приобрели обстановку: кровати, стол, стулья и простые полки для книг. Надежда Константиновна сама закупала провизию, готовила обеды.

Владимир Ильич трудился в читальном зале Британского музея, а дома под видом «доктора прав» усердно изучал английский язык «в обмен» на уроки русского, которые он давал удивительно похожему на Дарвина рабочему по фамилии Ионг и какому-то неведомому конторщику.

В ту пору по делам «Искры» я ежедневно виделся с Ильичем, информировал его о статьях английской прессы, посвященных России.

Случилось, что я как-то посмеялся над одной лондонской газетой, предсказывавшей близость социалистической революции. Недовольно щурясь, Ильич возразил:

«А я надеюсь дожить до такой революции!..»

Ленин очень дорожил своим временем. Он сердился на докучливых посетителей, мешавших ему работать.

«Что у нас, праздники, что ли?» — жаловался он вслух.

Но при всем стремлении беречь время Владимир Ильич принял мое предложение вести занятия с кружком русских рабочих-эмигрантов и ездил объяснять кружковцам программу РСДРП.

Часто на квартире Владимира Ильича я строчил письма, а Надежда Константиновна занималась шифровкой и отправкой почты.

В апреле 1903 года Ленин переехал в Швейцарию. Я оставался в Лондоне. До самого Третьего съезда мы обменивались письмами.

И вот Ленин снова в Лондоне: приближался Третий съезд партии. Владимир Ильич возглавил работу съезда, где я присутствовал с правом совещательного голоса. На первом заседании меня избрали секретарем.

На мою долю выпали не только секретарские обязанности. Я заранее находил и снимал небольшие залы на верхних этажах баров, в изобилии разбросанных по городу. Хозяевам объяснялось, что группа финнов, эмигрирующих в Америку, желает собраться и потолковать по душам.

После съезда я вернулся в Петербург и стал сотрудничать в легальных большевистских газетах «Волна», «Вперед» и «Эхо». По партийным и литературным делам мне приходилось часто навещать Владимира Ильича на вилле в Куоккале.

— Теперь осталось рассказать о встрече с Владимиром Ильичем в Кремле,— продолжал далее Николай Александрович.

В 1911 году, окончив медицинский факультет Юрьевского университета, я уехал врачом в Сибирь. Там и застала меня Великая Октябрьская революция. Осенью 1921 года я поехал в Москву, на второй съезд Политпросветов.

На последнем заседании съезда мне подали записку от Крупской: «Николай Александрович, приходите к нам завтра. Ильич будет дома».

Я отправился в Кремль. Владимир Ильич долго расспрашивал меня о сибирском житье-бытье, о работе, о настроении крестьян.

Под конец он предложил мне переселиться в Москву и тут же написал письмо в Центральный Комитет, то самое, которое опубликовано в XXXVI Ленинском сборнике...

Николаю Александровичу сейчас восемьдесят седьмой год. Больше шестидесяти лет идет он дорогою ленинцев...

МАТЕРИАЛЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА СТРАНИЦАХ 10—16, ПОДГОТОВИЛИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» А. ИОНОВ, Я. МИЛЕЦКИЙ, В. ПЛЕТНИКОВ, А. СТАРКОВ, Н. ЧЕРНИКОВ.

Ж. Б. С. Шарден (1699—1779). НАТЮРМОРТ.

«Огонек»

Ж. Л. Давид (1748—1825). ПОРТРЕТ ГРАФА ДЕ НАНТ. (Фрагмент).

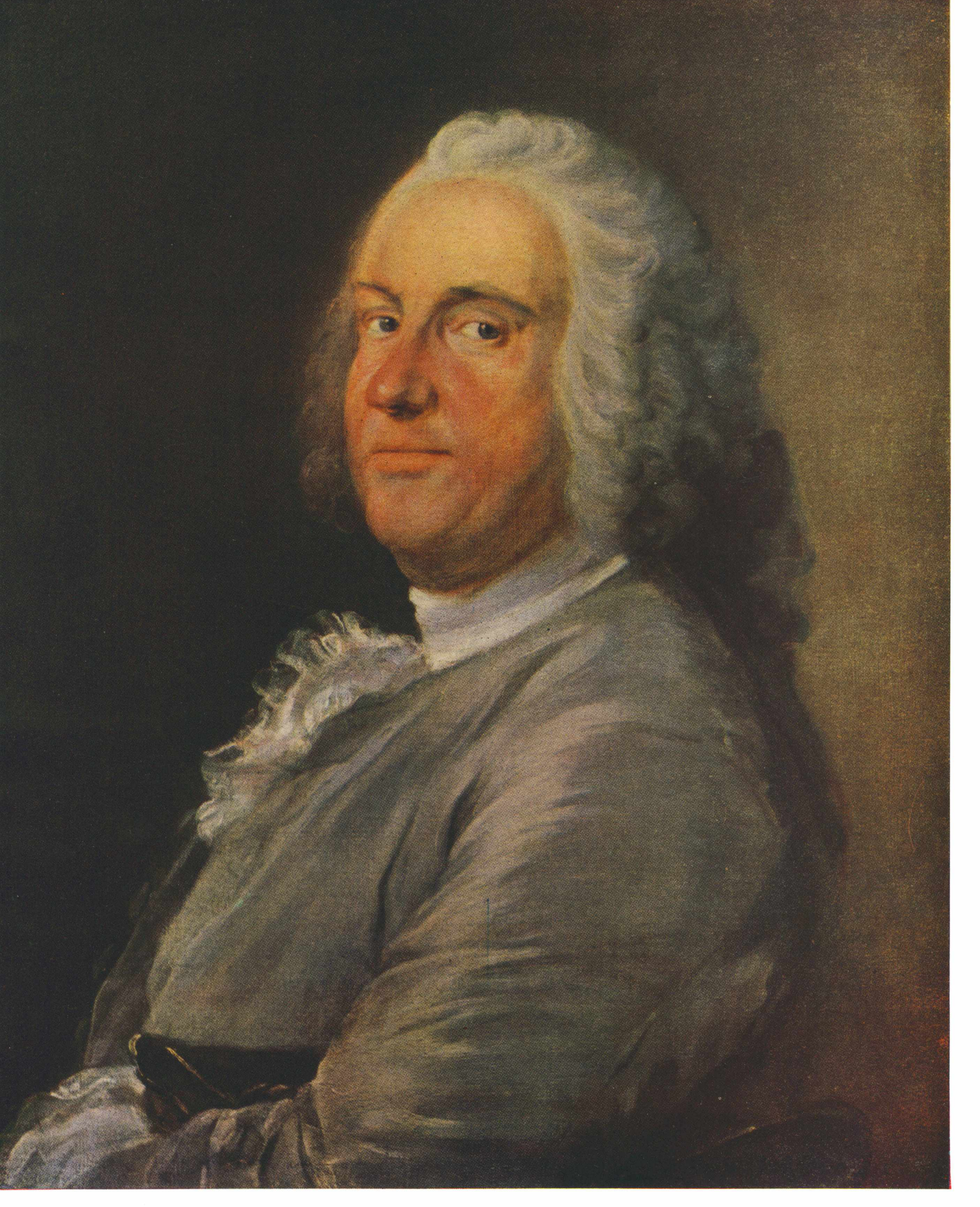
Паоло Учелло (1397—1475). БИТВА ГЕОРГИЯ С ДРАКОНОМ

Рембрандт (1606—1669). ХРИСТОС В ЭМАУСЕ.

Ж. Б. Перроно (1715—1783). ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА ЖИЛЬКЕНА.

КАРТИНЫ ИЗ МУЗЕЯ ЖАКМАР-АНДРЭ

Небольшая по размерам, но прекрасная по своему художественному качеству выставка картин открылась в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. В порядке обмена культурными и художественными ценностями с Францией парижский музей Жакмар-Андрэ прислал в Советский Союз шесть картин. По меньшей мере четыре из них относятся к числу бесспорных шедевров мирового искусства.

В Париж посланы шесть картин из советских коллекций знаменитого голландского художника Винцента Ван-Гога. Они будут показаны там на выставке его произведений. Взаимный обмен, рожденный дружественными чувствами двух великих народов, обогащает парижских и московских зрителей.

Самая ранняя из картин, присланных парижским музеем, написана в первой половине XV века во Флоренции. Это «Битва Георгия с драконом» замечательного живописца раннего итальянского Возрождения Паоло Учелло. Его работ нет в советских музеях. Учелло изобразил битву храброго воина с чудовищем как простодушную романтическую сказку, далекую от средневековой набожности, как народную легенду о смелом защитнике угнетенных, готовом сразиться с опасным и страшным врагом. Впрочем, дракон у Учелло не столько страшен, сколько забавен, хотя белая лошадка Георгия и поглядывает на него с явной опаской.

Прекрасен пейзаж в этой картине — выжженные солнцем холмы Тосканы под темно-синим небом. Переводя старинную религиозную легенду «с неба на землю», придавая людям и природе черты жизненной достоверности и чисто человеческой поэзии, Паоло Учелло убежденно и смело прокладывал дорогу большому реалистическому искусству Возрождения.

Собственно, так же поступал и Рембрандт, великий голландский художник XVII века. Он пользовался библейскими образами для передачи глубочайшего драматизма человеческих переживаний. В картине «Христос в Эмаусе», созданной художником еще в юности, поражает сила и зрелость мастерства. Темный силуэт Христа смело контрастирует с залитой слабым зеленоватым сиянием глубиной комнаты, отчего будничная, нарочито неказистая обстановка этой сцены приобретает тревожный, обостренно драматический характер. В советских музеях есть много прекрасных и прославленных картин гениального мастера, но недостает ранних работ, в которых бы так ясно уже выступали все замечательные качества художника.

В Советском Союзе очень мало произведений Жана-Батиста Перронно, прекрасного французского живописца середины XVIII века. Представление о его искусстве хорошо дополняется «Портретом художника Жилькена», написанным удивительно легко и изящно. Перронно, как и Шарден, утверждал в своем творчестве реалистические принципы; психологическая тонкость его портретов и их строгая простота не нравились богатым аристократическим заказчикам, и в поисках заработка художнику пришлось много кочевать по свету. Пребывание Перронно в Петербурге, вероятно, не прошло бесследно для близких ему по духу русских художников.

Превосходной работой представлен на этой маленькой выставке Жак-Луи Давид, крупнейший художник эпохи Великой французской революции, руководитель всей художественной жизни Франции конца XVIII и начала XIX века. Советские зрители могли судить о мастерстве Давида этих лет по его замечательной «Зеленщице», не так давно экспонировавшейся в Москве на выставке картин из французских музеев. В Музее имени Пушкина хранится и отличный давидовский портрет молодого Энгра.

«Портрет графа де Нант» из музея Жакмар-Андрэ написан художником уже в годы наполеоновской империи. Так же правдиво и сильно, как написал он в «Зеленщице» суровую женщину из народа, в портрете вельможи художник изобразил сытое, холеное барство.

Последние две картины выставки — «Мадонна с младенцем» Андреа Мантеньи (1431—1506) и «Натюрморт» Жана-Батиста-Симеона Шардена — уступают предыдущим по качеству и значению. Мантенья, знаменитый падуанский живописец конца раннего Возрождения в Италии, выглядит в этой своей второстепенной работе слишком робким и спокойным. Картина не дает возможности оценить по достоинству присущие художнику чеканное мастерство рисунка и светлую, сияющую красочность. Шарден — выдающийся реалистический мастер Франции XVIII века. Этот натюрморт, хотя и не принадлежит к числу лучших работ художника, как всегда у Шардена, наполнен утверждением художественной ценности самой обыкновенной, как будто ничем не примечательной действительности, поэзией повседневной жизни человека.

Всем любящим искусство выставка картин из музея Жакмар-Андрэ принесет большое и настоящее художественное наслаждение и немало новых знаний.

А. ЧЕГОДАЕВ

«Веселенькие обои»

Опубликованный под таким заголовком в № 43 журнала за 1959 год репортаж, посвященный производству обоев и торговле ими, вызвал многочисленные отклики читателей. Смысл подавляющего большинства писем сводится к тому, что ассортимент обоев должен все время увеличиваться и торговля ими расширяться.

Быстро откликнулась Московская обойная фабрика. Вскоре после опубликования репортажа там состоялось специальное заседание. Было принято решение пересмотреть рисунки обоев и отказаться от плохих, немодных, устаревших. Работники фабрики намерены наладить деловую связь с новым специализированным магазином в Черемушках, чтобы изучать спрос покупателей. В этот магазин будут первым долгом отправляться обои, сделанные по новым рисункам художников, по лучшим образцам Всесоюзной торговой палаты.

Московская мебельная фабрика в 1960 году увеличит выпуск обоев, при изготовлении которых применяется термически обработанная слюда. Решено наладить производство влагостойких обоев с применением синтетического научука и обоев с клеевым слоем на обратной стороне.

Управление торговли промышленными товарами Исполкома Моссовета тоже прислало в редакцию письмо. Признав, что в продаже появляются плохие обои, управление пишет: «Однако совершенно неправильно объяснять это лишь плохим вкусом работников торговли».

Публикуя репортаж, редакция далека была от мысли сводить всю проблему к вкусу работников торговли. И мы вполне согласны с товарищами из Управления торговли, которые в своем письме критикуют фабрику и художественные советы.

Будем надеяться, что совместные усилия всех, кто так или иначе причастен к выпуску обоев, дадут в скором времени желанные результаты и на полки магазинов будут попадать обои только хороших рисунков и расцветок и только отличного качества.

«Во дворе налево»

В № 51 журнала «Огонек» за 1959 год была опубликована статья о кружках и курсах машинописи, кройки и шитья, стенографии и других. Заместитель председателя Исполкома Моссовета тов. А. Никифоров сообщил редакции, что в Москве более пятисот курсов и кружков (кройки и шитья, стенографии, машинописи и др.), находящихся в ведении различных ведомств, а иногда и частных лиц. Чтобы упорядочить и расширить сеть государственных курсов, обеспечить их учебно-производственной базой, Исполком Моссовета разрабатывает мероприятия, которые в ближайшее время будут обсуждены на заседании исполкома.

Редакция «Огонька» получила также письмо преподавателей и сотрудников городского Учебного комбината Мосгорисполкома. Статья «Во дворе налево» обсуждалась на педагогических советах курсов, а также на партийном собрании комбината. В письме признается справедливой критика недостатков комбината: прием слушателей ограничен возрастным цензом, от поступающих требуются лишние документы.

Авторы письма вносят предложения, связанные с расширением сети государственных курсов и улучшением их работы. В частности, советуют организовать курсы кройки и шитья, рукоделия, вышивки во всех районах Москвы.

Надо полагать, что Исполком Моссовета учтет эти предложения.

«Охота за приданым»

В репортаже под таким названием, напечатанном в № 52 нашего журнала за прошлый год, речь шла о том, почему в Ростовской области приходится подолгу искать детское приданое.

В письме, присланном редакции, заместитель министра торговли РСФСР И. Серебренников подтвердил, что на протяжении всего 1959 года швейная промышленность Ростовской области не удовлетворяла спроса на белье для новорожденных. В журнале отмечалось: ссылаясь на нехватку специальных тканей, ростовские организации и не старались их получить. Так оно и было. Как выяснило министерство, в первом полугодии, например, Ростовский облместпром даже не подал заявки на эти ткани. Хуже того, по плану 1960 года областные организации решили удовлетворить потребность в детском приданом меньше чем на одну треть.

В связи с выступлением «Огонька» Министерство торговли РСФСР обязало начальника Управления торговли Ростовской области и управляющего местной базой «Росторгодежды» добиться, чтобы производство детского приданого было увеличено в необходимых размерах, а продажа его налажена бесперебойно. Для этого, в частности, Ростекстильторгу дано указание в первом квартале поставить Ростовской области дополнительно 100 тысяч метров специальных тканей.

Получено письмо и от председателя Ростовского облисполкома А. Басова: облместпрому и облпромсовету предложено полностью удовлетворить заказ торгующих организаций на белье для новорожденных как в комплектах, так и в разрозненном виде.

Поднятый «Огоньком» вопрос о расширении производства и улучшении качества детского приданого обсуждался на предприятиях, выпускающих эту продукцию.

Рассказ

Юрий ДОБРЯКОВ

КРУТОЙ БЕРЕГ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Против течения лодка поднималась медленно: часто глох мотор, и пока его чинили, нас на километр, а то и больше сносило вниз. Река еще не оправилась после тяжкого весеннего недуга: завивала буруны на перекатах, шуршала в зарослях ивняка, перебегала, оставляя мутные следы, через островки и отмели. Но и она все больше стремилась к покою, как будто отдыхала, отлеживалась, когда забегала в тихие и сумрачные затоны, где ветлы поднимались прямо из воды, а возле них уже зеленела ряска, тонкая, хрупкая и ненадежная, как крылья поденок, которые сегодня рождаются, чтобы завтра умереть.

Нас было семеро в лодке, считая пса Валета, который глухо ворчал, когда чайки, словно в падучей, ломали крылья над самой водой. У мотора сидел художник местного краеведческого музея Иван Иванович, хозяин лодки и собаки, человек тихий и обязательный: он то и дело осведомлялся, не холодно ли кому, а если холодно, то пусть возьмет его плащ или даже ватник. На корме за рулем устроился дядя Миша, генерал в отставке, прошедший долгий путь по разным фронтовым дорогам, а теперь приводивший в порядок свои военные дневники и собиравший коллекцию растений Средней Волги. У него с Иваном Ивановичем был свой язык, который мы не всегда понимали, хотя речь шла только о том, что они видели вокруг, а мы не могли не видеть того же.

— Ольха-то бекасная. Хорошо бы привернуть да дуплетом,— показывал куда-то Иван Иванович.

— Хорошо бы,— поддакивал дядя Миша и почему-то вздыхал.

Еще трое были совсем молодые люди; о них я знал мало, так как и сам только заявился в этот холмистый волжский городок. Слышал, что приехали они сюда год назад из Ленинграда, работали техниками на одном заводе, попросились как-то с берега в лодку Ивана Ивановича, хотя вовсе его и не знали, да так и кочуют теперь с ним вместе, когда выпадает свободный денек. Двое сидели рядом, и нам было приятно и немного грустно, когда Сергей, думая, что этого никто и не видит, будто невзначай касался щекой светлой и беспомощной прядки на виске Нины. Были они оба какие-то нездешние, далекие от нас да, пожалуй, и от всего, что их окружало: вероятно, они слушали что-то, что происходило у них глубоко внутри, и то, что они слушали, было для них чрезвычайно важно и значительно, хотя это не обязательно могло быть важным и значительным для всех остальных. Тем не менее по их вине разговор, который велся сперва бойко, стал постепенно угасать, а потом и совсем затих: никому не хотелось вспугнуть то, что слушали Сергей и Нина.

Зато нас смутно тревожила Алла. Она сидела всю дорогу молча, поглаживая жесткую шерсть Валета, и мы не могли не видеть, как рука ее иногда вздрагивала, словно от озноба. Не могли не видеть мы и ее темных, блестящих крупных глаз, смотревших на сидящих напротив Сергея и Нину настороженно и недружелюбно. Мы не знали причины этому, но было неловко и беспокойно от ее взгляда, беспокойно еще и потому, что Алла была красивее и ярче Нины, а нам почему-то хотелось, чтобы не Алла, а именно Нина сидела рядом с Сергеем: такая она была тихая, светлая, безмятежная, как река, когда вокруг рассветает. И это было единственное, что огорчало нас в поездке, хотя никто из молодых спутников и не замечал нашей тревоги: просто на этот раз мы были не в счет.

А лодка все плыла возле самого берега, где течение не такое быстрое, как посредине. Мы выехали затемно, и я думал, что на реке еще никого нет. Но уже за первым бакеном засветился на берегу костер, за ним другой, третий... От костров ложились на воду длинные, постепенно суживающиеся полосы, и оттого, что река дышала, что ее слегка рябило, полосы мерцали и дробились, распадались на множество огней и огоньков, и казалось, не

костры, а деревья опрокинулись в воду, но деревья не зеленые, а охваченные лесным пожаром.

У костров по двое, по трое сидели люди, одни пропускали нас молча, другие что-то кричали, махали горящими ветками. Иван Иванович сказал, что это рыболовы ожидают начала клева, но я ему не поверил. Мне думалось, что эти люди нарочно подстерегают рассвет, чтобы выведать у него какую-то тайну. Иначе зачем бы они поднялись так рано, когда другие еще спокойно спят?

И рассвет не замедлил явиться в своей внезапной и удивительной красоте. Сначала над левым, пологим берегом посветлел горизонт и резче обозначились неподвижные, будто резные, как на хохломской шкатулке, силуэты деревьев. Потом белое стало светло-розовым и, сгущаясь, все алело и алело, словно кто-то невидимый накладывал один слой краски на другой, ища нужный колер. Наконец откуда-то снизу, из бездонной пропасти, устало, нехотя выполз темно-бурый ободок солнца, омочил розоватой водичкой клубы испарений, рассеянно блуждавших над рекой, и тотчас, словно она только и ждала этого, возле лодки шлепнула хвостом рыбина, отчего на воде завертелся-закружился светящийся волчок.

— Донная всплыла,— сказал Иван Иванович.

— Жабры продувает,— откликнулся дядя Миша и опять вздохнул.

Чем дальше мы плыли, тем больше светлело. Рыболовы на берегу затаптывали костры и на нас уже не смотрели. Иван Иванович озабоченно вглядывался в берега и вдруг, затормозив, стал подгонять лодку к тихой протоке, над которой клубился росистый парок. Лодка мягко ткнулась в прибрежный песок.

— Здесь? — спросил дядя Миша.

Художник кивнул. Пока он доставал со дна лодки удилище, садки с наживкой и прочее нехитрое рыболовное снаряжение, дядя Миша возился над туго набитым вещевым мешком. Чувствовалось, что обязанности у них строго распределены и каждый знал, что ему делать.

Оставив лодку на привязи, мы, изрядно нагруженные, двинулись прочь от Волги. Впереди, раздувая ноздри и вспугивая птиц, бежал Валет. Трава была невысокая, а время полевых цветов еще не пришло. Тем не менее дядя Миша часто останавливался, нагибался и что-то рассматривал — только теперь стало видно, что он близорук. Луговина вела в низкорослый березняк, который издали напоминал белое облачко, опустившееся на землю. Так мне представлялось потому, что листья на березах были еще совсем маленькие, слабо окрашенные.

Я было уже совсем забыл о троих наших спутниках, когда незначительный случай у ручья снова напомнил о них. Ручей, встретившийся нам на пути, летом, наверно, исчезал совсем, но сейчас его можно было назвать даже речкой. Через него были перекинуты два бревна. Первой легко перебежала Нина и остановилась, глядя, что будет с остальными. Иван Иванович тоже не заставил себя ждать. Дядя Миша, прежде чем перейти, надел очки. Дальше была очередь Аллы, я замыкал шествие.

Но Алла остановилась.

— Сергей! — позвала она громко.— Перенеси меня!

Иван Иванович растерянно оглянулся. С лица Нины медленно сходила улыбка. Сергей стоял в нерешительности.

— Ну, что же ты? — настаивала Алла.— Я же легкая, разве ты не помнишь?

Сергей медленно перешел обратно. Алла, обвила его шею руками, он поднял ее и понес. Алла болтала ногами и смеялась, но смех ее звучал неестественно.

— Вот и спасибо,— сказала она на том берегу и побежала вперед.

Дальше мы брели уж как-то совсем невесело. Собственно, не было ничего необычного в просьбе Аллы, но все же каждый из нас чувствовал себя неловко и неудобно, как в лодке, когда мы подсмотрели взгляд Аллы.

Солнце уже заметно пригревало, когда мы добрались до спокойного лесного озерца, каких множество в этой тихой заволжской стороне. Иван Иванович выбрал сухую полянку на бережку и сразу нашел всем дело. Пока мы таскали ветки для костра, дядя Миша разостлал на траве клетчатый плед, извлек из своего бездонного мешка шесть выпуклых стопок и наполнил их коньяком.

— Не будем терять времени,— сказал он.

Мы выпили по глотку янтарной обжигающей жидкости, а дядя Миша достал из кармана детский рожок и протрубил что-то вроде лагерного сбора. Валет тотчас залаял и запрыгал.

— По этому сигналу сбор,— добавил дядя Миша.

Сразу стало весело и хорошо. Разобрав удочки, мы отправились на озеро. Решили рыбачить в одиночку, чтобы друг другу не мешать и не отвлекаться разговорами. Я выбрал себе местечко возле старой коряги, закинул леску и, прислонившись к дереву, всей душой отдался покою. Должно быть, из меня никогда не выйдет путного рыболова, хотя я и люблю это занятие. Охотничий азарт всегда пересиливается у меня чувством истомы, когда оказываешься наедине с природой, а вдобавок не так-то уж часто приходится бывать вот на таком волжском ерике с его светящейся глубокой водой, блуждающими светотенями и странной блаженной тишиной.

Изредка я поглядывал на поплавок, но тот лежал неподвижно. Отливая золотистыми крыльями, близко пролетело «коромысло»; оно летело так низко над водой, не задевая ее, что я долго дивился этому искусному пилотированию. Затем приполз синий жук, посмотрел на меня выпуклыми прозрачными бусинками, в раздумье пошевелил усами: на таком близком расстоянии он видел только часть меня и поэтому не мог составить себе представление, что я такое. Я сказал ему: «Давай познакомимся»,— но он уже уполз, деловито волоча за собой травинку.

Долго я лежал просто так, ни о чем не думая, как вдруг рядом послышались голоса. Прислушавшись, я узнал Сергея и Нину. Вероятно, они переменили место и находились теперь поблизости, скрытые листвой. Я уже хотел дать знать о себе, но не успел...

— И это было в Ленинграде? — спрашивала Нина, продолжая, по-видимому, начатый ранее разговор.

— Нина, ты пойми, моей вины нет,— горячо говорил Сергей.— Если бы она тогда захотела... если бы...

— То что же?

— Мы были бы и сейчас вместе... Я знаю, тебе это не очень приятно слышать. Но я ничего не хочу от тебя скрывать. Не хочу быть нечестным ни перед ней, ни перед тобой.

Сколько-то времени длилось молчание, и я уже не пытался выдавать свое присутствие: теперь это было невозможно. Я понял, что вступила в решающий момент одна из тех маленьких и часто неизбежных человеческих историй, без которых немыслима сама жизнь, которые приносят большую радость или большое горе, в зависимости от того, как сумеют выйти из них люди. Как иногда нужно сохранить самообладание и терпение, а иногда поступиться гордостью и самолюбием, чтобы не сделать того поспешного и неверного шага, который принесет только большое горе, хотя в ином случае это могло бы стать и большой радостью! И как ужасно, что люди не всегда понимают это!

— Значит, ты любил ее?

— Да, конечно, да.

— А она?

— Она все чего-то ждала. Очень трудно ее понять. Она ждала, когда мы вместе учились, ждала, когда нас послали сюда, ждет, мне кажется, и теперь... А я... — Голос Сергея дрогнул.— А я вот встретил тебя.

— Не хочешь ли ты сказать, что любишь сразу и ее и меня? — В тоне Нины послышалось раздражение.

— Я и не говорю этого,— строго и серьезно ответил Сергей.

Тут я заметил, что мой поплавок сильно повело. Я подсек и сразу почувствовал сопротивление. Из воды показался большущий окунь. Боясь, как бы он не сорвался, я вскочил и чуть не потерял равновесия. Когда рыба билась уже на берегу, я быстро насадил мотыля и закинул снова.

Видимо, к моей коряге подошла стайка, и я весь отдался ловле. Да и Сергея с Ниной уже не было слышно. Часа за полтора я наловил множество превосходных, пахнущих сыростью и йодом красноперых рыб. Затем клев опять прекратился: самый мудрый из окуней понял, что возле коряги происходит что-то неладное, и увел стайку. Напрасно прождав еще с полчаса, я смотал удочку, забрал туесок и отправился искать новое место.

Не успел я пройти и ста шагов, как наткнулся на Ивана Ивановича. К моему удивлению (кто же в городе не знал, что Иван Иванович — великий рыболов!), он не рыбачил, а что-то набрасывал карандашом в блокноте. Я подошел сзади и заглянул. Набросок изображал девушку, в задумчивости сидевшую на берегу озера. Лицо девушки было еще не прорисовано, но пейзаж показался мне знакомым. Я взглянул на противоположный берег, отчетливо видимый отсюда, и сразу все понял. Художник рисовал с натуры: на той стороне, не замечая нас, сидела Алла.

«Кажется, раскрывается еще одна тайна,— подумал я.— Ухи сегодня, к сожалению, не будет».

Художник увидел меня и поспешно закрыл блокнот.

— Вот как! — сказал я.— А что скажет генерал?

— Не берет,— пожал плечами Иван Иванович.— Не берет, да и только! А в прошлый раз...

И он принялся рассказывать обычную историю, какой улов они взяли в прошлую поездку и как не везет сегодня.

Но я не сдавался:

— Но ведь тогда вы ездили только вдвоем? С дядей Мишей?

— Вдвоем,— подтвердил он и спохватился.— А что?

— Да нет, ничего. Красиво здесь очень.

Было странно видеть смущенным этого большого и сильного, немного неуклюжего человека. Такие люди все носят глубоко внутри себя, трудно раскрываются и в жизни, как правило, бывают не очень-то счастливы. Не каждый ведь разглядит, что это что́-то, что глубоко внутри, и есть самое прекрасное, что может быть в человеке.

— Тут много таких озер,— говорил между тем Иван Иванович.— И все точь-в-точь похожи, заблудиться можно. А тропинок совсем нету: скот сюда на выпас не гонят, потому овражки да топи. Чуть попозже все покроется молочаем, вот тогда действительно красотища! — Он взглянул на часы.— Однако пора бы.— И украдкой посмотрел на тот берег, где по-прежнему, задумавшись, сидела Алла.

Солнце стояло уже над верхушками дальних елей, и наш лесок был весь пронизан рассеянным светом. Тени от кривых берез перекрещивались, как шпаги, и кое-где причудливо ломались. Иван Иванович начал не спеша сматывать удочки. И как раз в этот момент раздался условный звук рожка, на который вдалеке тотчас же откликнулся Валет.

Мы возвратились на полянку. Дядя Миша, красный и веселый, уже раздувал костер, а Сергей и Нина выкладывали из мешка провизию. Почти одновременно с нами подошла и Алла. Дядя Миша осмотрел наши трофеи, меня похвалил, а на остальных только махнул рукой:

— Эх вы, рыболовы! Однако уха состоится.

И он вывалил из садка такое множество еще вздрагивающих окуньков, как будто на траву пролилось расплавленное серебро с темными прожилками чужеродной породы. Генерал победоносно хохотнул, поглядел на смущенного Ивана Ивановича, добавил:

— На эмоции, брат, и пескаря не поймаешь.

Художник так судорожно схватился за нож, словно хотел вонзить его себе в грудь. Но не вонзил, а принялся чистить рыбу. Этим же занялись и мы. А дядя Миша раздул костер, наполнил водой котелок и подвесил его над огнем. Пока вода закипала, генерал рассуждал:

— Не-ет, братцы мои, нет ничего усладительнее, чем рыбачить на озере или на реке. На море — что? На море уже промысел, а не рыбалка. А посидеть с удочкой — это, скажу вам, удовольствие. Человек с дремучих времен связан, как веревочкой, с лесом и водой. И это осталось у него в крови. Сколько ни летай на всяких там сверхскоростных лайнерах, а лодка с веслами все равно не уйдет в музей. Душа на ней отдыхает, душа!..

Пока он говорил, я исподтишка наблюдал за Сергеем и Ниной. Они друг на друга не смотрели. Чувствовалось, что разговор, начатый в лесу, окончился ничем. Я снова подумал о странностях и неудобствах человеческого характера: достаточно было бы одного-единственного нужного слова или даже взгляда, чтобы все стало ясным и определенным. И, может быть, именно в этом случае мужество могло рождаться тогда, когда отмирало самолюбие.

— А лаврушка-то? Неужели забыли? — вдруг горестно воскликнул генерал.

Уха уже варилась, и из котелка поднимался вкусный пар. Иван Иванович порылся в своей сумке. Дядя Миша тотчас успокоился, заправил уху, вытер слезившиеся от дыма глаза.

— Золотой ты человек, Иване,— прогудел он.— И чего ты только не женишься? И чего ты не доставишь мне такое удовольствие?

— А и в самом деле,— вмешалась Алла.— Отчего бы вам не жениться, Иван Иванович?

— Никто не берет,— отмахнулся тот.

— Напротив! — опровергла Алла.— Помните, у меня мама гостила? Я вас ей показала. Очень представительный мужчина, сказала она.

Девушка засмеялась. Но смеялась только она. Я увидел, что дядя Миша бросил на нее быстрый осуждающий взгляд. А Иван Иванович просто растерялся: снова хотел посолить уху, и если бы не дядя Миша, то и посолил бы. Выручил всех Валет. Просушивая шерсть, он чересчур близко лег к огню, и уголек от березовой чурки стрельнул ему под живот. Пес взвился, отскочил и еще долго лаял на костер.

Теперь смеялись все. Через полчаса мы уже хлебали деревянными ложками неестественно вкусное варево и болтали бог знает о чем, забыв все недавние тревоги. Дядя Миша рассказал еще несколько рыбачьих историй, а Иван Иванович до того осмелел, что даже подшучивал над ним. Валет смотрел на всех увлажненными преданными глазами и, не жуя, глотал косточки, которые ему бросала Нина.

Когда котелок опустел, дядя Миша приказал всем отдыхать и первым улегся на спину, закинув руки за голову и удовлетворенно зажмурившись. Мы хотели сделать то же самое, но Алла решительно поднялась.

— А я в лес. Кто хочет со мной? Сережа, ты пойдешь?

Сергей стоял на коленях, расстилая на траве плащ. Услышав голос Аллы, он на секунду прекратил свое занятие, но затем встал и спокойно сказал:

— Да, пойдем, Алла.

Девушка побежала вперед и быстро скрылась в березняке. Сергей пошел следом. Дядя Миша пошевелился, но ничего не сказал. Иван Иванович поспешно захлопотал у потухающего костра. Взглянув на Нину, я увидел, что она лежит лицом вниз, опершись на локти и покусывая стебелек. Светлая прядка беспомощно свисала ей на лоб...

Не знаю, сколько времени продолжалось отсутствие Сергея и Аллы. Лежа на спине, я смотрел на высокое небо. Земля подо мной легко и неслышно плыла, когда вверху появлялись бледные, слабые облака. От этого меня слегка покачивало, как в седле, если лошадь идет шагом. Где-то вдалеке, должно быть, над самой Волгой, однообразно и утомительно кружил коршун. Дрожало, как паутина, зыбкое марево.

Первым вернулся Сергей. Он подсел к костру и строго задумался. Вскоре из лесу послышался голос Аллы. Она несколько раз крикнула: «Ау, ау!»,— но ей никто не откликнулся. Голос ее удалился еще дальше. Иван Иванович беспокойно задвигался, но промолчал, как и другие. Валет непонимающе насторожил уши.

— Слушайте,— притворился я глупым,— она, наверно, заблудилась. Давайте откликнемся.— И я первый закричал: — Ау, сюда, сюда!

Алла пришла с охапкой кленовых листьев. Пролежав всю зиму под снегом, они еще сохраняли свои блеклые краски. Девушка старалась держаться непринужденно, но это удавалось ей плохо. Усталые, неспокойные глаза выдавали ее.

— Я видела белку,— заявила она.— Бросила в меня орешком и скрылась.

Она даже не поглядела в сторону Сергея.

В обратный путь мы собрались как-то уж слишком поспешно и суетливо. Впереди попрежнему бежал Валет. Дядя Миша и Иван Иванович шагали рядом и тихонько разговаривали, а остальные брели молча. Только один раз Нина испуганно вскрикнула, — когда из-под ее ног выскочила серая полевка.

Лодка ждала нас на прежнем месте. Иван Иванович забрался в нее и стал проверять мотор.

— За полчаса доберемся,— сказал дядя Миша.— Теперь нам плыть вниз.

Сидя в ожидании на берегу, я любовался спокойными просторами Волги. Она была тихая, чистая, мерцающая, и от нее веяло свежестью молодого, сильного тела. Ни парохода, ни баржи, ни гудка... В этот час мы застали реку врасплох. Не зная об этом, она была необыкновенно прекрасна в своей естественной и строгой простоте.

Художник уже махал нам, когда к нему подошел Сергей.

— Иван Иванович,— сказал он,— перевезите меня на другой берег.

Тот удивленно посмотрел на него.

— Пожалуйста, я дойду пешком! — И совсем тихо добавил: — Мне нужно... необходимо побыть одному.

Иван Иванович еще раз взглянул на Сергея и, вдруг заторопившись, стал заводить мотор. Сергей прыгнул в лодку. Невольно взглянув на Нину, я увидел, что девушка, сдвинув брови, напряженно смотрит на них. Когда художник уже хотел столкнуть лодку на воду, Нина стремительно встала.

— Постойте! — крикнула она.— Я тоже с вами!

Впервые я увидел ее другой. Быстрым шагом она пошла к берегу, подала руку Сергею, и тот принял ее бережно и осторожно, все еще не веря в случившееся. Не отнимая руки, Нина уселась рядом с Сергеем, и мотор затарахтел.

Мы молча следили, как лодка пересекала Волгу, как становилась все меньше и меньше, как ткнулась, наконец, в противоположный берег. Две маленькие фигурки спрыгнули с нее и стали карабкаться вверх.

Берег был высокий, крутой, с острыми, торчащими, как ребра, выступами известняка, с голыми кривыми соснами и выползшими наружу корневищами. Подниматься на него было тяжело и даже опасно, но я не сомневался, что Нина и Сергей преодолеют подъем. Их фигурки то появлялись на склоне, то скрывались в падях, но мы видели, что они поднимались все выше.

Радость от того, что сейчас случилось что-то хорошее, нужное и самое необходимое, захватила меня целиком. Разве мог я думать, лежа недавно у костра, что Нина, именно Нина, а не кто-либо иной, сделает этот самый необходимый, решительный и мужественный шаг? Сколько же в ней оказалось мужества! Сколько силы и выдержки, чтобы так легко и уверенно подняться на крутой, обрывистый берег!..

Вскоре мы увидели их на вершине холма. Они стояли рядом и прощально махали руками. Я тоже махнул платком, а дядя Миша вытащил свой детский рожок и заиграл что-то очень быстрое и веселое. Тонкие звуки поплыли над рекой, достигли противоположного берега, и я почти явственно увидел, как засмеялись Сергей и Нина, хотя видеть этого, конечно, не мог.

Лодка возвратилась, и мы стали рассаживаться. Дядя Миша снова занял место у руля. Перед тем, как усесться, он сказал Ивану Ивановичу:

— Не тот путь ближе, который короче. Как думаешь, Иван?

Художник согласился и вздохнул.

Мы поплыли. Алла сидела напротив меня и опять поглаживала шерсть Валета. Глаза у нее стали еще темнее и глубже, но искорки в них погасли. Кленовые листья рассыпались по ее коленям.

И мне впервые стало жаль ее...

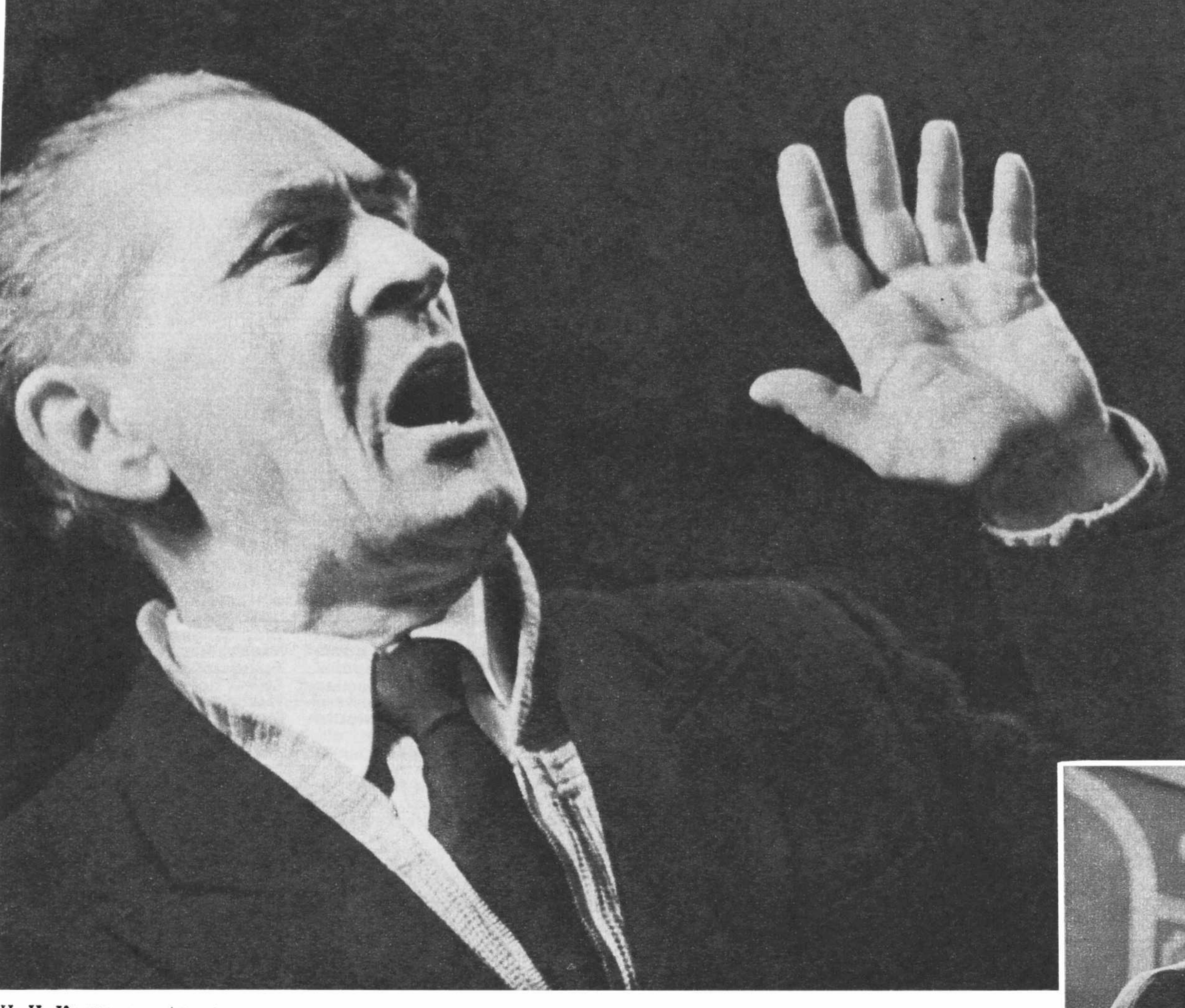

Фото О. КНОРРИНГА.

И. И. Кряжев — помощник машиниста паровоза.

Наши, ступинские...

В начале 30-х годов в Токмаковом переулке, в Москве, в перестроенной старообрядческой церкви помещался «Театр рабочих ребят». Это был профессиональный детский театр Бауманского района столицы. Иван Викторович Стрепихеев работал здесь актером, режиссером, а потом и заместителем директора.

Театр был молодежный, и настроен он был по-молодому задорно. На сцене воевали с хулиганами, выжигами, нэпманами, староверами, жившими в том же Токмаковом переулке и на соседних улицах Бауманского района. И не такой уж мирный характер носила эта «война»: староверы били стекла в театре, тяжело ранили ножом одного из оркестрантов в рукопашной схватке.

Как-то поручили Ивану Викторовичу заняться с одним из самодеятельных коллективов района, и хотя театр отнимал у него много времени и душевных сил, дополнительная работа неожиданно увлекла его.

Правда, у кружковцев не было не только прилично оборудованной сцены, но и скамеек для зрителей. И все же настоящий народный театр — какое это красивое и нужное дело!..

Шли годы... Много было сыграно ролей и поставлено пьес в профессиональном театре, но параллельно продолжалась работа и с самодеятельностью. В 1949 году Ивану Викторовичу предложили руководить самодеятельным коллективом в городе Ступине.

Кварталы новых каменных домов, широкие, убегающие вперед улицы... Маленький городок был обращен лицом в будущее. В душе Ивана Викторовича родилось предчувствие, что он здесь не временный гость, что работать здесь будет интересно. И первые же занятия показали: в ступинском драматическом коллективе, существовавшем уже пятнадцать лет, немало способных людей, серьезно увлеченных сценическим искусством. Эти люди поняли и приняли нового режиссера. Общий язык был найден. Благодаря этому каждая репетиция оказывалась новым шагом в развитии коллектива. Присутствовали на репетиции обычно все. Посторонних и равнодушных не было.

Какой репертуар играли? Самый разнообразный! И советские пьесы, и Островского, и Мольера, и Шеридана... Когда репетировали «День чудесных обманов», Ивану Викторовичу не раз хотелось сказать: «Надо бросать, ничего не выйдет!» В костюмах испанских грандов кружковцы выглядели неуклюже и неловко. Но очень усердно они старались научиться легким и свободным движениям. Сколько мучений и труда выпало на долю всех участников постановки! И спектакль удался. В дни Всемирного фестиваля молодежи в Москве он был показан в Парке культуры и отдыха имени Горького, получив на конкурсе диплом второй степени.

От спектакля к спектаклю все большее признание получал коллектив в городе и районе. «Наши артисты всю душу вкладывают в искусство, тут халтуры не увидишь!..» — говорят ступинцы с гордостью.

Иван Иванович Кряжев уже сорок лет играет в самодеятельности. С удивительной легкостью и грацией исполняет Нина Русанова роль Насти в «Счастливом дне» Островского и Соловьева, увлеченно играет Надю в «Домике на окраине» Арбузова. Девушка и не мечтает стать актрисой: она работает лаборанткой и учится уже на четвертом курсе вечернего отделения института. Она хочет быть инженером, а сцена — это досуг, это вторая профессия.

Лаборантка Нина Русанова.

Все свое свободное время отдает самодеятельности Владимир Александрович Ливанов, инженер. Его жена, Ольга Александровна, долгое время вела драматический кружок в одной из ступинских школ. Она и предложила организовать при театре юношескую студию. Сказано — сделано! И вот уже шумная стайка юношей и девушек поднимается по ступенькам Дворца культуры. На двери табличка: «Идут занятия театральной студии». Ольга Александровна — за режиссерским столиком. Рядом — Иван Викторович Стрепихеев. Жизнь студии идет полным ходом, ребята занимаются дикцией, пластикой, актерским мастерством...

У ступинского самодеятельного коллектива теперь появилась не только своя студия, но и свой сельский филиал. Горком партии направил Ивана Ивановича Кряжева директором клуба в совхоз Малино.

Вот так рос театр, преодолевая сомнения, разочарования, одерживая победы... И уже пишут на афишах не «самодеятельный коллектив», а по-новому, звучно: «Народный театр». И режиссер театра уже не просто И. В. Стрепихеев, а заслуженный деятель искусств РСФСР.

Новое, чудесное помещение отстроили ступинцы для своего театра, с двухъярусным зрительным залом, вертящейся сценой, громадными фойе. Живи, театр народных талантов!

Л. ОСИПОВА

И. В. Стрепихеев (за режиссерским столиком) ведет репетицию.

ВОКРУГ НАС

«УРАЛ» ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПОГОДУ

...От прибора к прибору идет метеоролог, он измеряет температуру воздуха, давление, влажность, направление ветра... И в то же время его коллеги на других метеорологических станциях делают то же самое. Их донесения, нанесенные на карты, попадают к синоптикам, и вот по радио мы слышим привычную фразу: «Завтра ожидается...» Подумаем о том, что стоит за этими словами. Конечно, и дождь, и снег, и солнце, и туман можно предвидеть. Однако задача эта нелегкая. Для того, чтобы уверенно дать прогноз, надо разобраться во множестве явлений, происходящих в огромном воздушном океане. И здесь на помощь синоптикам приходит математика. Но чтобы «рассчитать» погоду на завтра, надо произвести так много сложнейших вычислений, что огромное вычислительное бюро, вооружившись арифмометрами, сможет справиться с этой работой лишь... за много дней. Такой прогноз «на завтра» будет уже никому не нужен...

Нельзя ли призвать на помощь молниеносно считающую вычислительную машину?

Мы в Вычислительном центре Института математики имени В. И. Романовского Академии наук Узбекской ССР. Тут решаются важнейшие задачи строительной механики республики.

За счетно-вычислительной машиной «Урал» молодой научный сотрудник Саломат Каримбердиева.

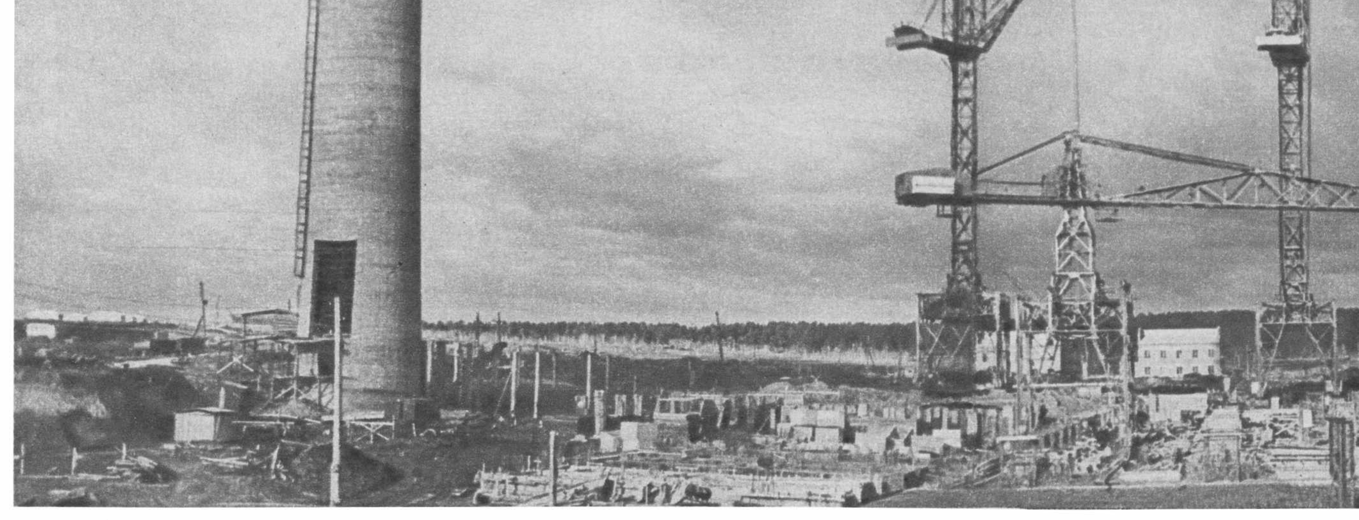
— Я работаю под руководством профессора Виктора Ивановича Губина,— рассказывает Саломат,— пока в еще новой области математического вычисления прогноза погоды. Сейчас нами делается попытка «высчитать» прогноз погоды в Ташкентской области на сутки вперед. «Урал» должен быстро и точно обработать предложенные ему данные. Ведь любое движение можно выразить математическим уравнением, будь то движение поезда, температуры или воздушных масс.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Саломат Каримбердиева составляет таблицы изобарических поверхностей.

Фото Д. Ухтомского.

На строительной площадке Назаровской ГРЭС.

РЯДОМ С ДЕШЕВЫМ ТОПЛИВОМ

Хребет Арга — восточный отрог Кузнецкого Ала-Тау — покрыт дремучим заснеженным лесом. И только в пойме реки Чулым лес расступается, открывая индустриальный пейзаж большой сибирской стройки. Над возводимыми корпусами движутся подъемные краны, по бетонным дорогам бегут самосвалы, вгрызаются в мерзлую землю экскаваторы... Здесь, у мест богатейших залежей угля, добываемого самым дешевым, открытым способом, сооружается Назаровская ГРЭС.

— Назаровской ГРЭС,— рассказал начальник строительства Василий Николаевич Галачалов,— предстоит сыграть важную роль в развитии экономики Красноярского края: она даст ток для электрификации Красноярской железной дороги. Это будет одна из самых крупных тепловых электростанций в СССР. Мощность ее в первое семилетие составит 1 миллион 400 тысяч киловатт.

Запасы угля для электростанции настолько велики, что практически не ограничивают пределов ее дальнейшего развития.

Наличие дешевого угля позволит довести стоимость электроэнергии за один киловатт-час до 1,7 копейки. Таким образом, Назаровская ГРЭС по дешевизне вырабатываемой электроэнергии будет стоять почти на одном уровне с гидравлическими электростанциями.

Сейчас строятся главный корпус электростанции, вспомогательные цехи, плотина гидроузла. Мы распо-

Слева направо: врачи М. Денисюк, П. Губанков и Г. Романенко.

Фото автора.

ЧЕЛОВЕКУ ВЕРНУЛИ ЖИЗНЬ

Это случилось в Антарктике, за многие тысячи миль от Родины. На китобазе «Советская Украина» в каюте главного врача Петра Алексеевича Губанкова раздался телефонный звонок.

— Случилось несчастье! Срочно идите на жирзавод! — докладывал фельдшер Конопко.

— Говорите яснее, что случилось?

— Кажется, отравление...

— Немедленно подготовить камфару, кислород, лобелин, кофеин!

Губанков выбежал из каюты по трапу — и вот уже помещение жирзавода.

На металлической крышке люка на ватнике неподвижно лежал старший машинист Петр Галаган. Посинело лицо, грудь, руки. Хорошо, что товарищи делали ему искусственное дыхание.

— Вводите лобелин! Товарищи, направьте сюда вентиляцию, дайте свежий воздух! — распорядился Губанков.

В руках фельдшера уже был наготове шприц, он сделал первый укол, затем ввел камфару, кофеин. Прошло два томительных часа. Синюшность стала постепенно сходить.

Больному стало лучше. Добровольные помощники врачей продолжали делать искусственное дыхание, а фельдшер вводил сердечные лекарства. Четко и уверенно работали врачи М. Денисюк, П. Просецкий, Г. Романенко.

Вся флотилия беспокоилась за судьбу машиниста.

Усилия медицинских работников и товарищей по китобазе вернули жизнь человеку.

Н. МАЛИНОВСКИЙ,
редактор газеты «Китобой Украины».

Антарктика.

ОГОРОД БЕЗ ЗЕМЛИ

Под ногами похрустывает снег, иней посеребрил деревья, а в совхозе «Тепличный», на окраине Москвы, зеленеют лук, цветная капуста, помидоры. Самое замечательное, что в одной из теплиц овощи выращиваются без земли, на камнях!

Вместо гряд здесь наземные бетонные стеллажи, наполненные гравием. И прямо из гравия почти к самой крыше поднимаются тугие зеленые стебли.

Девушка в яркой косынке, мастер теплицы Тамара Недожарова, рассказывает:

— Науке давно известно, какие питательные вещества растения берут из почвы. Калийная и аммиачная селитра, суперфосфат, сернокислый магний и другие химикаты растворяются в воде. Этот питательный раствор подается на стеллажи.

Вот наступает «время обеда» для растений. По готовому рецепту мастер засыпает в баки химикаты, которые смешиваются с водой, подогретой в резервуаре. Достаточно нажать на кнопку, и раствор заполняет стеллажи. Овощи питаются зимой три-четыре раза в день, летом — пять-шесть раз. Автоматическая установка конструкции инженеров Р. А. Акопяна и В. А. Корбут действует безотказно.

— Сколько человек работает у вас в теплице? — спросил я Тамару.

— Я одна,— ответила она и добавила с гордостью: — Урожай огурцов у нас, в гравийной теплице, вдвое больший, чем в обычных теплицах, а помидоров уродилось почти в три раза больше. Витаминов и других полезных веществ в них куда больше, чем в овощах, выращенных в открытом грунте.

Главный агроном Дмитрий Иванович Латышев говорит:

— Только на доставку и обработку грунта совхоз тратит сотни тысяч рублей. Гравий же в новых теплицах требует расходов в двадцать раз меньше, а служить он будет бесконечно долго. Внедрив новый метод во всех тепличных хозяйствах страны, можно будет круглый год снабжать население городов свежими овощами.

— Под теплицы можно использовать и чердаки больших домов, куда котельные будут круглый год давать горячую воду. А дорогое кровельное железо можно с успехом заменить дешевой прозрачной пленкой из пластмассы,— говорят инженеры Акопян и Корбут.

Новым способом заинтересовался Главсевморпуть. Гравийные теплицы появятся на кораблях дальнего плавания, на полярных зимовках, во льдах на дрейфующих станциях.

В. КОНСТАНТИНОВ

Овощи растут в бетонных стеллажах, наполненных гравием.

Фото автора.

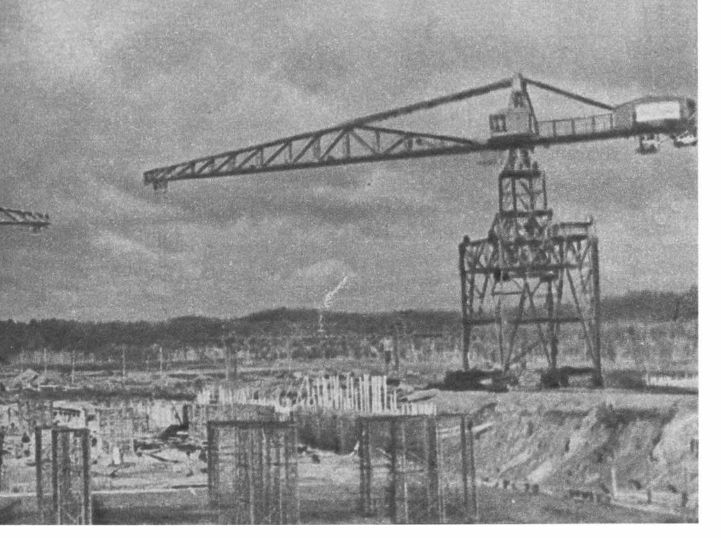

Фото И. Беложирова.

лагаем отличной строительной техникой: большим количеством различных кранов грузоподъемностью до 45 тонн, мощным автомобильным, экскаваторным и тракторным парком. Тем не менее работа в условиях суровой сибирской зимы требует от людей специальных навыков, упорства, инициативы.

Для сооружения электростанции нашим коллективом создана крупная строительная база.

Назаровская ГРЭС — комсомольско - молодежная стройка. В бригады каменщика Малышева, бетонщика Качалова, арматурщика Манычева многие рабочие пришли сразу после окончания десятилетки. Да и инженеры наши в основном народ молодой, недавние выпускники учебных заведений. Работаем мы дружно и уверены, что Назаровская ГРЭС даст первый ток в третьем квартале 1960 года.

А. ГОЛИКОВ

ТОННЫ КОНФЕТ В АМЕРИКУ

На Брюссельской всемирной выставке, в Советском павильоне, на втором этаже посетителей гостеприимно встречал огромный косолапый мишка, сделанный из шоколада. Забравшись на постамент, он добродушно улыбался с высоты своего почти полутораметрового роста. Вокруг него всегда было шумно и весело: толпилась детвора, с удовольствием останавливались взрослые. Создатели аппетитного «чуда» — коллектив кондитерской фабрики «Красный Октябрь», который скоро отметит свой столетний юбилей,— получили на выставке «Гран-при».

...Конфетный цех — это царство автоматики. Десятки насосов непрерывно перекачивают разнообразную начинку в огромную варочную станцию. Вращаются мешалки, мерно колышется в чанах конфетная масса. Бесконечным потоком движутся лотки, куда равномерно заливается ароматная начинка. Конфеты попадают в вытянувшуюся на несколько метров машину и выскакивают оттуда по желобку уже покрытые слоем шоколада. Двадцать два конфетных ручейка растекаются по машинам-автоматам, заворачивающим их в обертки. Наладчики внимательно следят за работой автоматов, быстро ориентируясь в разноцветном калейдоскопе сигнальных огней.

Рядом другой цех — шоколадных масс; десятки станков, ленты транспортеров. Не так давно процесс приготовления шоколада происходил почти вручную.

Несколько лет назад в цехе была пущена первая в мире поточная линия производства шоколадных масс. Теперь таких линий три, последняя вступила в строй в январе 1960 года. Разобщенные аппараты объединились в одну непрерывную цепочку. Машины обслуживаются не десятками рабочих, а несколькими наладчиками. Производительность труда повысилась в 2,5 раза, и каждая линия дает экономию в 650 тысяч рублей за год.

Не так давно по торговому соглашению Советского Союза с США цех готовой продукции фабрики аккуратно запаковал и послал за океан несколько тонн конфет «Раковая шейка». Заказы на замечательную продукцию советских кондитеров присылают из Канады и Индии, Финляндии и Афганистана, Федеративной Республики Германии и Турции.

А. ДЕНИСОВ, М. ПОПОВ

На поточной линии в конфетном цехе.
Фото Н. Баранова.

В. И. Гнутов проверяет работу прибора на теплоходе «Тихорецк».

Фото С. Розенфельда.

БАКУ И БАКИНЦЫ

Актер Н. Шашик-оглы рассказывает членам клуба о своей работе в фильмах «На дальних берегах», «Ее большое сердце» «Настоящий друг» и «Утро».
Фото Г. Абрамяна.

Так назвали молодые энтузиасты столицы Азербайджана свой клуб. Прошлое и настоящее родного города, его памятники и достопримечательности, искусство и труд современников — вот о чем узнают члены клуба.

Он еще очень молод. Ему едва лишь исполнилось три месяца. Но с первых же дней в клуб вступили сотни студентов, молодых рабочих.

Экскурсии к памятникам старины, поездки на заводы, фабрики и нефтепромыслы разнообразят работу клуба. Частые и желанные гости клуба — деятели революционного движения в Азербайджане, члены бригад коммунистического труда, писатели, артисты, композиторы, ученые.

Сейчас у молодых энтузиастов горячая пора. Они, как и весь азербайджанский народ, готовятся к знаменательному событию — 40-летию установления Советской власти в республике.

Р. МИНАСОВ

НА ВАХТЕ АВТОРУЛЕВОЙ

Попрощавшись с родной гаванью басовитым протяжным гудком, «Тихорецк» уходит в море. Приборы показывают курс: вест — 270 градусов. В рулевой рубке несут вахту третий штурман и матрос-рулевой. Ровно, привычно гудят машины. Вдруг раздается короткий сухой щелчок, и рулевой покидает вахту. Чрезвычайное происшествие? Нет! Как только судно встало на заданный курс, матрос включил автоматический прибор с длинным названием — автогирорулевой. Теперь этот прибор поведет судно по курсу: на корабле он выполняет те же функции, что и автопилот на самолете.

Автоматический рулевой — не новость в навигации: эти приборы давно есть и у нас и за рубежом. Но рулевой, изобретенный в навигационной камере Эстонского государственного морского пароходства инженерами Н. Н. Гайворонским и В. И. Гнутовым, во многом отличается от своих дорогих и громоздких предшественников: он умещается в небольшой металлической коробке и стоит всего около трех тысяч рублей. Работает этот маленький механизм от гирокомпаса — прибора, показывающего курс судна,— и держит судно точно по курсу даже в шестибалльный шторм. Авторулевой может быть установлен на судах, которые плавают на Балтике и на Каспии, в Черном море и на Дальнем Востоке.

Теперь, когда успешно пройдены испытания на судах «Саарема» и «Тихорецк», авторулевые готовятся в Таллине и для других судов Эстонского пароходства.

Н. ХРАБРОВА

МОЛОДЕЮТ НАШИ ГОРОДА

У старого волжского города Ульяновска — прекрасное будущее.

— Неузнаваемо преобразится родина Ленина в нынешнем семилетии,— рассказывает главный архитектор проекта Нина Васильевна Кашкадамова.— Новый благоустроенный микрорайон за рекой Свиягой будет тесно связан с общей планировкой города.

На месте старых деревянных строений появятся современные многоэтажные дома, возникнут новые улицы, проспекты, площади. Жилой фонд Ульяновска увеличится более чем вдвое. Площадь зеленых насаждений вырастет с 52 до 240 гектаров. Вдоль реки протянется широкая набережная, раскинется парк с пляжем, купальнями и плавательным бассейном. В городе намечено построить клубы, Дворец культуры, кинотеатры, телевизионный центр, реконструировать драматический театр.

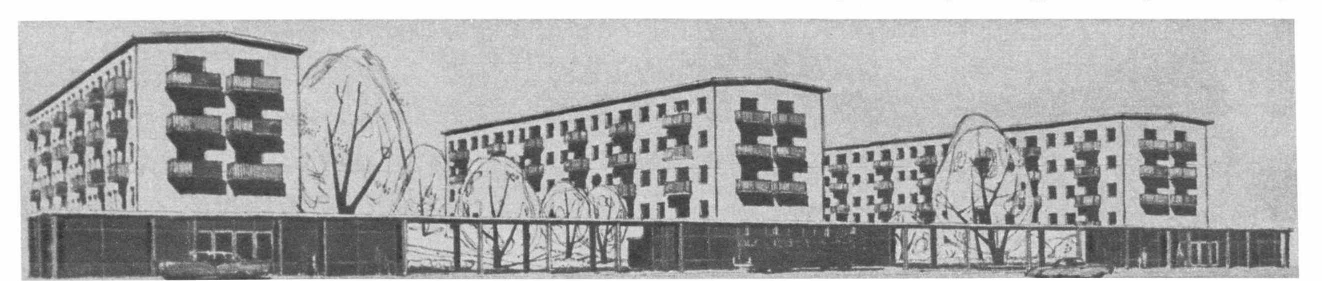
Проект застройки Ульяновска разрабатывают архитекторы одной из мастерских Ленинградского института проектирования городов.

В другой мастерской Ленгипрогора можно познакомиться с планами застройки Уфы, Калинина, Магнитогорска. В Уфе, например, жилой фонд к концу семилетки вырастет в два раза, в Калинине — в полтора. В Магнитогорске за семь лет будет построено столько жилой площади, сколько город имеет сейчас.

Помолодеют и такие старые русские города, как Псков, Пермь, Вологда, Архангельск. Краше станут и молодые промышленные центры, возникшие в годы пятилеток. В городе бумажников Краснокамске вырастут многоэтажные жилые кварталы, откроются новые школы, гостиница, концертный зал, универмаги. В Березниках запланировано построить стадион, плавательный бассейн, театр, широкоэкранный кинотеатр.

К. ЧЕРЕВКОВ

Проект застройки одного из проспектов Уфы

НАЧАЛЬНИК МЕТЕОСТАНЦИИ. «Я ЗНАЛ СОФЬЮ ЕЩЕ ШКОЛЬНИЦЕЙ...» НОЧНОЙ ЗВОНОК. «ГАЗ-69». СКИТ НА ГРОМОВИЦЕ. ПРОГНОЗ ПОГОДЫ.

ВЗЯТИЕ

ГРОМОВИЦЫ

Николай **АСАНОВ**

Повесть

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

4

Я иду через город и только теперь обращаю внимание на то, как много здесь церквей, которые чертят своими крестами быстро бегущие облака.

Душа моя неспокойна, и оттого чувство зыбкой неуверенности то толкает меня вперед, то заставляет задержаться среди тротуара под неодобрительный ропот прохожих. Я все раздумываю: нужно ли вмешивать в это дело власти? Зайти в комитет партии? В исполком? Может, действительно стоит обратиться к командующему местным гарнизоном?

Но ведь именно этого и хотят настоятельница монастыря и господин Джанис. Вероятно, они твердо уверены в том, что власти «вправят мозги» несчастному влюбленному офицеру. И когда я уже готов повернуть на центральную улицу, где расположены главные учреждения города, что-то толкает меня в сердце: «Не торопись!» И я медленно бреду к гостинице.

Красивая королева альпинистов Зина беззастенчиво флиртует с начальником метеостанции Довгуном, три дня назад спустившимся с Громовицы. Довгуну еще вчера следовало бы возвратиться на станцию, но он увидел Зину и... погиб. Теперь Довгун уговаривает Зину, чтобы та, в свою очередь, уговорила Володю взять его с собой в составе экспедиции. Метеостанция находится на половине подъема, Довгун здоров и силен, ему ни помощь, ни страховка не нужны, ему просто хочется побыть еще немного возле Зины. И Зине он тоже не нужен, однако Зина не гонит его прочь, наоборот, хохочет, будто слова Довгуна ее щекочут, прижимается к могучему плечу метеоролога своим горячим плечом, ее ноги на высоких каблуках беспокойно переступают, и кажется, что она вот-вот забудется и упадет в объятия метеоролога.

— Зи-ина! — доносится сверху, из окна второго этажа, плачущий голос Володи.

— Ну, что тебе? — лениво отзывается Зина, не двигаясь.

— Пойдем обедать!

— Я поела в городе...

Она с неохотой отрывается от плеча метеоролога и совсем другим голосом, деловитым, властным, говорит:

— Володя, спустись вниз, к тебе Довгун пришел!

Мне видно, как Володя в окне, заметив это ее движение, облегченно вздыхает и отваливается от подоконника. Довгун внизу приосанивается. Зина прислоняется к нагретой солнцем стене чуть в стороне от метеоролога. Я с горечью думаю: зачем студенту, физкультурнику, будущему геологу понадобилась такая жена, как Зина? Все эти дни только и слышишь ее командирский голос. И все эти дни она флиртует с кем попало и обязательно напропалую. И Володя все это терпит!

Только Зимовеев и Сиромаха отказались поддержать эти ее любовные игры. Но зато она и мстит им, как умеет. А умеет она многое!

Кстати, где же эти офицеры? Вот с кем можно посоветоваться без обиняков!

И, едва подумав о них, замечаю обоих в зеркальном окне ресторана. Они уже в форме, в парадных рубашках с галстуками, сидят за столом, отдернув штору, и смотрят на меня. Заметив мой взгляд, оба начинают кивать, махать призывающе руками, и я торопливо прохожу мимо Зины и Довгуна в прохладный подъезд гостиницы.

— Ну, как вас встретила мать-игуменья? — улыбаясь, спрашивает Зимовеев.

На этот раз нет и следа злости на его загорелом лице, он весь — любопытство.

— Кофе с коньяком...— Я тоже пытаюсь улыбаться, но мне это, наверно, не удается.

— В свою веру не обратила?

— Почти.

Сиромаха меланхолически поглядывает в окно на проходящих. Он, кажется, не слышит нашего разговора. Летчики уже пообедали, потягивают «шприц». Так здесь называют освежающее питье из местного красного вина, разведенного на две трети фруктовой или минеральной водой. Я заказываю суп-гуляш по-венгерски и большую рюмку водки. Зимовеев насмешливо говорит Сиромахе:

— Смотри-ка, как перевернуло товарища корреспондента после кисло-сладких разговоров с настоятельницей! Сразу захотел и острого и горького!

— Там не одна настоятельница была. Был еще и иностранный корреспондент! После такой встречи и огуречный рассол не поможет!

— Рекомендую чаламаду!— серьезно говорит летчик и кивает официанту.

Чаламада — настолько острая закуска из маринованных перцев, лука и огурцов, что у меня захватывает дух и на глазах выступают слезы. Подождав, пока я перестаю махать рукой перед обожженным ртом, Зимовеев настойчиво спрашивает:

— И что же постановило столь высокое собрание?

Я вдруг вспоминаю промелькнувшие у меня там, в монастыре, подозрения, откладываю вилку, смотрю прямо в глаза летчику и говорю:

— Настоятельница перехватила письма, адресованные послушнице, и собирается обратиться к командованию. В свидании с послушницей мне отказали под тем предлогом, что она больна, на среду назначено пострижение в монахини.

Зимовеев сидит неподвижно, только глаза его уходят куда-то в сторону. Зато рядом я слышу шепот, похожий на голос умирающего: «Софьюшка!» — и, встрепенувшись, вижу искаженное лицо Сиромахи. Зимовеев вскакивает, бросается к нему, пытаясь влить сквозь стиснутые зубы глоток «шприца».

— Разве можно так?! — шипит он на меня.

— Но я же не знал! — растерянно бормочу я.

Он помогает Сиромахе подняться и ведет его через внутреннюю дверь ресторана в гостиницу. На пороге кивает мне, и я понимаю это как приглашение поторопиться с обедом и подняться к ним в номер. Но у меня уже нет никакого аппетита. Торопливо расплатившись, я спешу за летчиками.

Сиромаха сидит у окна и все так же неотрывно смотрит на улицу. Следов потрясения больше не видно. Зимовеев мечется по номеру, ругаясь так виртуозно, что я тороплюсь прикрыть двери: он может собрать сюда всех жителей гостиницы. Увидев меня, он поворачивается на носках и бешено кричит:

— Да рассказывайте же!

Я еле удерживаюсь от желания накричать, в свою очередь, на него. Сажусь так, чтобы видеть лицо Сиромахи, и холодно говорю:

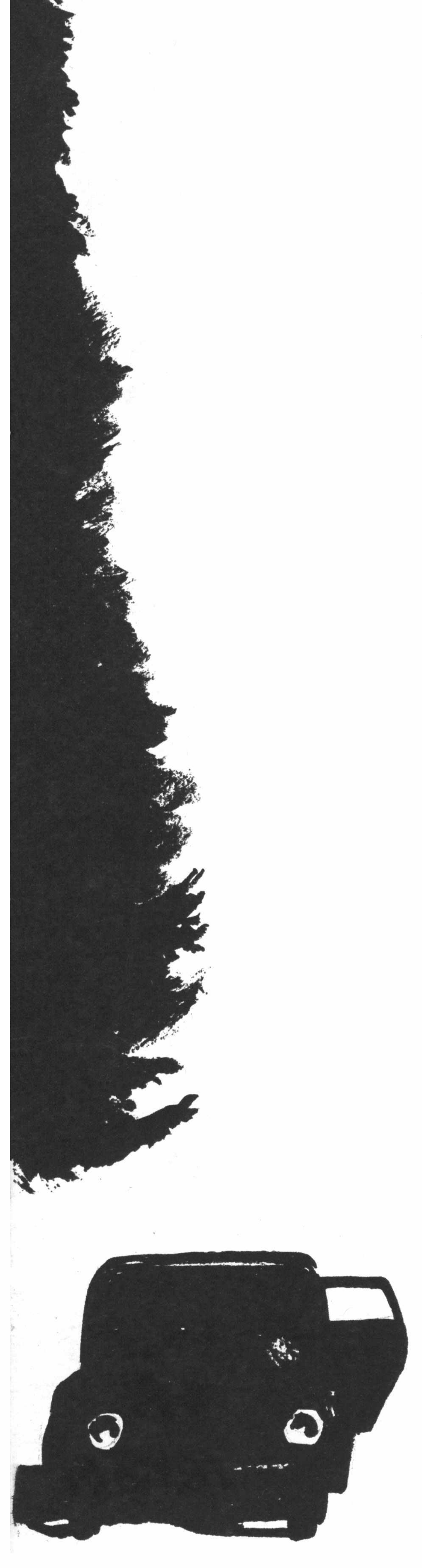
— Нет уж, лучше рассказывайте вы!

— Сядь, Зимовеев,— каким-то усталым, без выражения, голосом говорит Сиромаха.— То-

Продолжение. См. «Огонек» № 10.

варищ корреспондент тут ни при чем. Сначала уж я расскажу, а потом он, может, что посоветует...— В голосе его появляется слабая надежда, и мне хочется сделать черт знает что. Может быть, ворваться в монастырь, силой отбить девушку, лишь бы вернуть радость на это измученное лицо, наполнить бесцветный голос всеми красками жизни...

— Вы Софью не видели, а я знал ее еще школьницей,— говорит он, и при одном только имени девушки голос летчика снова полнится силой.— Мы росли в одном селе...

Из путаного, со многими отступлениями рассказа Сиромахи я выясняю и отбираю для себя только главное. Девушка жила сиротой. В последний год войны бандеровцы убили ее отца и мать. Софье только что исполнилось пять лет. Дом, в котором жили родители, уцелел. К Софье переселилась сестра матери. До окончания седьмого класса девочка была общительна, любознательна, но потом тетка запретила ей учиться. Сиромаха в это время поступил в летную школу и о дальнейшей судьбе Софьи ничего не знал... Тут голос летчика снова стал срываться. Зимовеев посмотрел на меня волком, но Сиромаха остановил взрыв его негодования слабым взмахом руки.

Осенью прошлого года, приехав в город по делам авиаотряда, Сиромаха обратил внимание на проходивший из монастыря в городской кафедральный собор хор монахинь. Монахини шли попарно, опустив глаза долу. Большинство их были молодые, но сопровождали хор старые монахини, выступавшие, как взводные, по сторонам этой роты Христовых невест. Сиромаха прижался к стене дома и пережидал, когда пройдет эта удивительная процессия, с любопытством разглядывая молодые, но такие печальные лица. И вдруг в последнем ряду увидел Софью...

Встреча эта была так удивительна, что он невольно окликнул девушку. Девушка подняла на него глаза, вскрикнула, рванулась к нему, но одна из старших сестер толкнула ее в плечо, заслонила от офицера, другая ухватила девушку за руку; и получилось, что они словно бы силой втащили ее во врата церкви...

Первым побуждением Сиромахи было войти в собор. Но он был в форме, вокруг стояла толпа верующих, по-видимому, начиналась какая-то особо торжественная служба.

Сиромаха прикинул про себя, что служба продлится не меньше двух часов.

За эти два часа он исполнил дело, приведшее его в город, заехал к одному из товарищей-офицеров и переоделся у него в штатский костюм. И вот он опять стоял у церкви, а в руке у него было зажато небольшое послание Софьюшке...

В этом месте рассказа Сиромаха поднял на меня свои глаза и попытался пояснить, что толкнуло его на это простое сочувствие односельчанке. Ведь когда Сиромаха покинул село, Софьюшке было всего пятнадцать лет. Правда, и ему в то время было только восемнадцать, они встречались на майдане, где отбивали казачка или гопака, он провожал ее несколько раз после этих вечеринок, они даже как-то поцеловались, но все это помнилось как детство. А вот ее рвущий душу вскрик, вот ее испуганно-жалобный взгляд Сиромаха забыть не мог. Это уже было страдание человека, знакомого, доброго, хорошего, и страдание бессмысленное, непонятное, стоящее почти что на пороге тайны... Как могла Софьюшка стать монахиней? Сиромаха тогда не очень-то разбирался в чинах ангельских и в монастырских званиях. Он не обратил внимания на то, что одни монахини были одеты в белые воротнички, другие в сплошь черном одеянии, потом уже он выяснил, что хор-то состоял в основном из молодых послушниц, а монахини лишь сопровождали их, чтобы оградить от соблазнов неустойчивые души.

Сиромаха постоял возле кафедрального собора с полчаса. Он запомнил, что Софьюшка шла в последнем ряду крайней слева. Если старшие монахини и станут оберегать ее, так только от офицера, которого могли приметить. Но в штатском костюме они его не распознали бы в толпе любопытствующих.

На этот раз он встал с внешней стороны тротуара, замешавшись среди зевак. И ему повезло.

Софья снова шла в последнем ряду, но уже справа, как он и предположил. Старшие монахини шли впереди, шныряя глазами по толпе: должно быть, искали смутившего Софью офицера. А Сиромаха сразу заметил белое, «будто меловое», как сказал он, лицо, глубокие грустные глаза, вдруг засветившиеся радостью, когда Софья увидела его, и успел втолкнуть в ее слабо сопротивлявшуюся руку приготовленную заранее записку. Он так ждал от Софьюшки какого-нибудь знака, сигнала, обещания, что словно бы толкнул ее, она слабо выронила два слова:

— Завтра здесь...

Сиромаха позвонил в часть и попросил разрешения задержаться на одни сутки.

Утром он с рассвета дежурил возле собора. На дверях собора он прочитал объявленьице о том, что тут состоится служба в день покрова богоматери с присутствием хора женского монастыря Пресвятой Девы, и решил ждать хоть до окончания службы, если понадобится, пройти в собор, пробраться к самому клиросу...

Ему вновь повезло. Монахини шли той же дорогой. Опять он стоял у стены дома, снова увидел лицо Софьюшки, ее обрадованные глаза, а рука его перехватила маленькую, похожую на облатку, какую когда-то Сиромаха получал на причастии, записку. Пропустив монахинь, он бросился в переулок...

Софья писала, что тетка ее неожиданно вышла замуж и принудила племянницу продать ей отцовский дом и пойти в монастырь. За дом Софья получила пять тысяч рублей и внесла эти деньги как монастырский вклад.

Произошло это три года назад. Теперь Софья раскаивалась в своем поступке, но никакого выхода не видела. «От нас уходят,— писала она на маленьком клочке бумаги,— только в могилу...»

Сиромаха бросился на почту. Там он написал первое любовное послание. Столь тягостна была судьба Софьюшки, что он не удерживал своих чувств. Он просил только у Софьюшки разрешения помочь ей, а уж там он сделает все: взорвет, если надо, стены монастыря, украдет ее прямо из монастырской процессии, когда Софьюшка снова пойдет с хором в кафедральный собор... Одним словом, боюсь, что это было весьма необдуманное письмо! Впрочем, Сиромаха и сам подтверждал, что написано оно было только сердцем, без участия разума...

Но с этим письмом произошла неудача. Шедшая следом старшая сестра заметила, как он что-то передал Софьюшке... И хотя Софьюшка писала в своем первом письме, что еще два дня будет петь в соборе, назавтра ее не оказалось среди монахинь. А Сиромаха, просидевший в городе лишние сутки, получил первое за всю службу взыскание.

Приехав в город через несколько дней, Сиромаха пошел в монастырь к воскресной службе. Софья пела в хоре.

Переждав, когда кончилась служба, Сиромаха стоял в притворе небольшой монастырской церкви. Монахини проходили мимо него парами. Софья не рискнула ни сказать ни слова, ни передать что-нибудь, она прошла, не поднимая глаз. Но когда Сиромаха, отчаявшийся и даже обиженный, выходил из церкви, какая-то пожилая монахиня вдруг сунула ему записку.

Записка была от Софьи. Она писала, что им надо быть осторожными, и советовала обратиться в городе к одной богомолке, которая часто бывает в монастыре, знает Софью и предупреждена, что к ней может зайти Софьин односельчанин.

Так наладился регулярный обмен письмами между монастырем и «волей», как называла Софья тот мир, в котором жил Сиромаха. И летчик понял: для Софьи монастырь давно стал тюрьмой...

Однако она боялась.

Она боялась всего: настоятельницы, другой жизни, любви, начальников Сиромахи. Боялась верующих и безбожников. Боялась побега и боялась оставаться в монастыре.

В нескольких письмах Сиромаха предлагал ей планы побега. Она отказывалась.

Зимой монахини почти не появлялись в городе. В собор Сиромаха не ходил: он мог примелькаться там, возбудить подозрения. Всех «истинно верующих» молодых людей привратницы монастыря знали: частое появление постороннего человека могло их насторожить.

Он видел Софью всего три раза за зиму, и то приходилось испрашивать отпуск в город.

Но весной что-то случилось: Софья прислала записку, в которой просила о помощи. И вот Сиромаха и Зимовеев приехали в надежде вырвать ее из монастыря.

Зимовеев сидел у двери на стуле, часто курил и все прислушивался к шагам в коридоре. В путаную речь Сиромахи он не вмешивался. Только когда Сиромаха замолчал, буркнул:

— Теперь понятно, что там произошло. Переписку у Софьи отобрали и переполошились, как бы она не сбежала и не потребовала свои пять тысяч!

Только тут я вспомнил о вкладе Софьи.

— Не нужны нам эти деньги! — страстно вымолвил Сиромаха.

— Так они тебе и поверят! — иронически заметил Зимовеев.— Они все на деньги расценивают, даже свои убеждения. А кроме того, кому из церковников приятно будет, если монахиня уйдет?

— Она еще не монахиня! — вмешался я.

— В среду будет! — напомнил Зимовеев.— Настоятельница просто так не скажет!

Мы все подавленно молчали.

Вдруг Сиромаха вскочил, бросился к двери. Зимовеев попытался остановить его, но он резко отстранил друга, буркнув:

— Я этого не оставлю! Пошли к Володе!

Он выскочил из номера, оставив дверь распахнутой. Зимовеев пожал плечами, словно извиняя его, взглянул на меня, ожидая, когда я выйду.

Вернувшись к себе, я снова услышал звон и царапанье металлической «кошки» по камню. Выглянув в окно, увидел Сиромаху и Володю. Сиромаха, сбросив китель и сорочку, в одной майке, старательно швырял «кошку» на выступы скалы, потом пробовал, как она зацепилась, и полз по выщербленному годами и непогодой камню, как настоящий скалолаз. Зимовеев держался в стороне, наблюдая за его удачами и неудачами. Довгун и Зина опять стояли рядом у палатки в такой позе, будто собирались вот-вот обняться, а Володя с хмурым лицом то подавал Сиромахе советы, то поглядывал на жену и метеоролога. И я снова подумал: а как такой тихий приятный паренек стал мужем этой девушки со злым голосом и безрассудным тяготением к любому мужчине, который появлялся на ее горизонте? Уж у них-то, наверно, не было преград на пути к браку...

И почему-то мне стало горько от этой мысли. Может быть, пройди они половину пути, какой предстоял Сиромахе, бегущему за своим счастьем, и эта пара была бы счастливой, доброй... Почему-то мне уже казалось, что счастье Сиромахи, если летчик отыщет и добудет его, окажется сильным, чистым, светлым...

Сиромаха швырял «кошку».

5

Ночью меня разбудил телефонный звонок.

— Разве вы спите? — спросил насмешливый голос Зимовеева, когда я пробормотал что-то спросонья.— А мы думали, вы статью пишете: лампа-то горит!

Лампа действительно горела. И я на самом деле писал статью, а потом прилег, чтобы получше обдумать следующий абзац, и нечаянно заснул. Но какое до этого дело летчику? И я, уже сердясь, ответил, что для разговоров вполне хватит дня, нечего будить людей среди ночи.

— А мы собирались пригласить вас на роль наблюдателя! — с некоторым разочарованием произнес Зимовеев.

— Что вы собираетесь наблюдать? — спросил я.

— Да не мы, а вы должны были наблюдать! — сухо сказал Зимовеев.— Мы собираемся навестить монастырь и боимся, не подстроят ли нам какую-нибудь провокацию.

— Навестить монастырь? Ночью-то? — только и нашелся я сказать.

— Мы же не журналисты, нас игуменья на кофе с коньяком не приглашает! — с прежней насмешливостью напомнил Зимовеев.

И я вдруг понял все.

— Подождите меня пять минут! — Я говорил торопливо, и Зимовеев усмехнулся в трубку.— Где вы находитесь?

— Мы будем ждать вас за углом гостиницы, на Жолнерской. Только поторопитесь. Теперь светает рано!

Я швырнул трубку и заметался по комнате. Мне было не по себе. Если летчики задумали проникнуть в монастырь под покровом темноты, это может привести к грандиозному скандалу. Мне вспомнилось лисье личико господина Джаниса. А не ждет ли он от неизвестного советского офицера именно такого поступка? А что, если я и сам-то стал только орудием какой-нибудь провокации?

Может быть, игуменья лучше меня знала, какого офицера имела в виду, рассказывая мне всю историю с послушницей?

Как быть, если и послушница тоже лишь орудие провокации?..

Вот какие вопросы вертелись у меня в голове, пока я поспешно одевался и сбегал с лестницы. Только в вестибюле я принудил себя идти спокойно. Ведь и здесь могли быть соглядатаи монастыря...

За углом, на Жолнерской, стоял крытый вездеход «ГАЗ-69». Чья-то рука протянулась ко мне из машины. Я узнал короткопалую руку Зимовеева, ухватившись за нее. В следующее мгновение машина тронулась, и я упал на чьи-то колени. Кто-то недовольно пробормотал:

— Осторожно, товарищ корреспондент!

К своему безмерному удивлению, я узнал голос Володи. Он сидел рядом со мной, склонившись вперед и придерживая длинными руками какие-то железные крюки и палки, чтобы они не очень гремели.

— Что все это значит? — пытаясь казаться строгим, спросил я.

Теперь, привыкнув к темноте, я уже разобрал, что в машине нас четверо, кроме незнакомого шофера. Рядом с шофером сидел Сиромаха. Он коротко указывал, куда вести машину: «Направо!», «Еще направо!», «От моста налево!» В кузовке «газика», теснясь и наезжая друг на друга при поворотах, сидели я, Зимовеев и Володя. У ног валялись веревки, «кошки», крючья...

— Что это значит? — повторил я.

— Неужели все журналисты так непонятливы? — с притворным стоном вымолвил Зимовеев.— Володя, объясни этому товарищу, что мы едем на военную операцию...— Так как Володя стесненно молчал, только задышал чаще, он продолжал сам: — Мы знаем, в какой камере, то есть келье, сидит Софья. Игуменья проговорилась, что в среду ее постригут в монахини. Тогда увезти Софью будет невозможно. То есть увезти-то можно, да скандал будет больше. Попробуем ее сегодня же украсть...

— А Зина знает, что вы ввязались в это дело? — невольно спросил я у Володи.

Володя промолчал.

— К чему эти вопросы? Не рвите вы ему душу! — сердито буркнул Зимовеев.

Я заметил, что и он постепенно терял свой юмор.

Выглянув в окно машины, я увидел, что мы едем уже под монастырской стеной. Сиромаха что-то сказал шоферу, и тот остановил машину.

Сиромаха выскочил из машины. Я неловко вывалился вслед за ним. Володя и Зимовеев разбирали свои инструменты.

Слева от нас глыбилась белая монастырская стена. Голову надо было запрокидывать, чтобы увидеть верхний, крытый железом навес в два кирпича. Справа шумела река, переполненная от таяния горных снегов. Машина стояла на узенькой дорожке. Шофер почему-то не развернул ее к городу. Позади темнел пешеходный мост, по которому я переходил из города к монастырю.

— Это я сделаю сам! — твердо сказал Сиромаха.

Я увидел в руках у него злополучную «кошку». Теперь «кошка» была обмотана тряпками, только острые ее зубья виднелись из-под тряпья. «Так будет бесшумнее»,— подумал я.

Сиромаха метнул «кошку» с привязанной к ней веревочной узловой лестницей; «кошка» перелетела через стену и глухо ударилась в кирпичи. Сиромаха потянул. Подошел Володя, перехватил из рук Сиромахи лестницу, подпрыгнул и повис на ней всем телом. Раньше чем я успел сказать, что это неосторожно, опасно, неразумно, то есть одно из тех слов, что у меня были в запасе, чтобы остановить

увлекшихся людей, Сиромаха вдруг перехватился раз, другой руками и оказался на гребне стены. За ним последовал Зимовеев.

Сиромаха что-то еще делал на стене — опускал вторую лестницу,— как Зимовеев уже исчез по ту сторону, за ним исчез и Сиромаха. Тут Володя сунул мне в руки жесткую, ворсистую веревку, уколовшую мне ладони, буркнул: «Держите! Одни они не справятся!» — и полез вслед за ними, а я, только еще собиравшийся с мыслями, чтобы отговорить их от опасного предприятия, уже стал сообщником. Я держал лестницу, чтобы она не качалась, не билась об стену, а Володя уже перелезал через стену. Но вот лестница ослабла. Володя исчез.

Шофер сидел в машине, словно спал или нарочно закрыл глаза. Мне страстно захотелось увидеть, что же происходит за стеной. Я попробовал подтянуться на лестнице, но она моталась из стороны в сторону, и меня крепко ударило о стену. Я попросил шофера:

— Товарищ водитель, подержите лестницу!

— Ни, я из другой части! — равнодушно ответил он.

Я стиснул зубы и полез. Меня било, мотало, колотило, белило мелом, осыпало красной пылью там, где я слишком близко соприкасался с кладкой, но я все-таки вылез на гребень и заглянул через стену. Еле видимые тени вылезали из глубокого рва к подножию обители. Вот они остановились под третьим с краю окном, прислушиваясь к монастырской тишине. Затем Володя — я узнал его по росту и широким плечам — отделился, встал на самый край рва, что-то засвистело в его руках, и тонкий клубок шнура с привязанным на конце мягким шаром взвился в воздух — он был отчетливо виден на белой стене,— как свистящая змейка. Шар взлетел до уровня третьего этажа и мягко упал в открытое окно.

В ту же минуту чья-то рука выбросила шар обратно; шнур, сплетаясь в комок, повалился вниз; из окна высунулась простоволосая старушечья голова, и хриплый голос произнес надрывным шепотом:

— Нема Софьюшки, нема! Увезли в скит на Громовицу!

И произошло так, будто этот старческий шепоток прозвучал громче трубы иерихонской: сразу начали хлопать окна, послышались встревоженные женские голоса, и в то же время на колокольне монастырского храма ударил набат.

— Бегите, хлопцы, бегите! — прохрипел старушечий голос, потом голова исчезла. Послы-

шалось падение тяжелого тела, в окно выглянули сразу несколько голов, и я мог бы поклясться, что одна из них была мужская и скорее всего господина Джаниса. А сзади, на пешеходном мосту, уже слышался топот многих ног, такой слитный, будто это одно длинное черное тело перебирало множеством ног, а пешеходный мост осветился фонариками, факелами, словно там только и ждали сигнала, чтобы принять участие в облаве.

Сиромаха, Зимовеев и Володя взлетели на стену, волоча за собой веревочные лестницы, шнур с мягким шаром на конце, и я поторопился уступить им дорогу. Обрывая кожу с ладоней, я вдруг оказался внизу; тут меня впихнули в машину, шофер включил мотор, и «газик» ринулся вдоль стены в гору, туда, где все еще царила спасительная темнота, где не было ни людей, ни домов, ни огней.

Володя сматывал тянущийся по земле за машиной шнур. Зимовеев перебирал лестницы, потом вдруг проворчал:

— Одну оставили!

— Это на стене,— устало сказал Володя.— Ну черт с ними, пусть приобщат к вещественным доказательствам! Я думаю, они еще будут ее продавать по кусочкам, как свидетельство чуда!

Сиромаха молчал.

И тогда я, которому так хотелось предостеречь молодых людей от опасных поступков, я, который был всех старше и, как мне думалось, опытнее, если не умнее, буркнул:

— А все-таки мы их перехитрили! Мы узнали, где Софья!

— Что? Что вы сказали? — вдруг повернулся ко мне Сиромаха, и я увидел его блестящие, мокрые глаза.— Что мы узнали?

— Я говорю, что мы узнали, где Софья! — весело и зло закричал я.— Разве вы не слышали? Старуха крикнула, что она в скиту на Громовице!

— В скиту? Но почему же мы не поняли? Она что-то прошептала сначала, потом закричала: «Бегите, хлопцы!»

— Черт возьми! Вы же были внизу, а я сидел на стенке как раз против окна! Я-то слышал явственно! Она сказала: «Нема, Софьюшки, нема! Увезли в скит на Громовицу!» Даю голову на отсечение!

— Зачем же такую голову отсекать! — закричал Зимовеев и вдруг чмокнул меня прямо в губы. Машину как раз толкнуло, и он чуть не откусил заодно и мой нос.— Нет, такая голова нам еще пригодится! — все веселее кричал Зимовеев, а Сиромаха только смотрел на меня блестящими глазами, и они словно бы светились в темноте.

Зимовеев потянулся, хлопнул шофера по плечу.

— А ну, теперь давай в город! Да побыстрее! А то еще, чего доброго, монахини на всех въездах поставят патрули! Тут-то мы их тоже перехитрили! Они думали, мы кинемся обратно, там они нас и сцапают, а мы чуть не из другой республики в город въедем!

Шофер вывел машину на какой-то проселок, и она пошла, отсчитывая километры так, что у нас зарябило в глазах от придорожных распятий, мадонн с младенцем и без младенца, телеграфных столбов и тополей...

6

Подъем на Громовицу отложили еще на один день. Метеоролог Довгун после обеда исчез. В результате Зина ходит мрачная, надутая. Когда Володя спросил у нее, где Довгун, она ответила с вызовом:

— Он не захотел дожидаться вместе с вами тут второго пришествия и пошел один!..

Что-то в ее словах резануло мой слух. Как будто она говорила с чужого голоса. Современные студенты мало знают библию и не пользуются такими оборотами речи.

Сиромаха и я лечим руки. У Сиромахи остались еще следы порезов, да и ночью он не уберегся, а я по непривычке к веревочным лестницам так ободрал ладони, что Володя всерьез отказывается взять меня на Громовицу.

Никогда раньше я не думал, что у меня появится такое пристрастие к альпинизму. До сих пор у меня кружилась голова на лестничной площадке второго этажа. А сейчас я обижаюсь на Володю и даже перестал с ним разговаривать. Если бы я знал, что Довгун пойдет один, честное слово, попросился бы с ним!

Дело в том, что мы уже все знаем о монастырском ските на Громовице. Он построен лет триста назад и является особо доходной статьей монастыря, хотя посещается богомольцами только в летние месяцы. Скит известен и как исторический памятник. Во все прошлые войны скит был хранилищем монастырской казны и убежищем для монахинь. В сказаниях о чудесах, связанных с монастырем Пресвятой Девы,— а у какого уважающего себя монастыря нет своих сказаний о чудесах! — постоянно упоминается о том, как те или иные вороги пытались достичь скита и как они терпели неудачу. Иногда злоумышленников останавливали бури, в другой раз постигала слепота, в некоторых случаях сама Громовица вступалась за святых сестер и обрушивала на насильников обвалы и лавины. На самом же деле скит приносит монастырю и другой доход, кроме подаяний от верующих. В нем живут монастырские пастухи, и там же летом содержится большое овечье стадо. На зиму пастухи спускаются с горы в низины, а когда оттаивают полонины, как называют здесь альпийские луга, в скиту ставят овечьи кошары, там делают брынзу и сыр, заготовляют мерлушку, дубят овчины.

Скит расположен примерно на половине подъема. Все туристские и альпинистские группы обычно останавливаются в скиту перед последним рывком. Здесь они устраивают и свои вспомогательные базы.

Сейчас дорога в скит еще закрыта снегами. Но на лошадях туда можно добраться. По-видимому, Софью увезли пастухи, которые порой спускаются в монастырь за продуктами. Выше скита расположена только метеостанция, но она недалеко от скита, дальше начинается самый трудный подъем к вершине Громовицы. Но именно за трудность Громовицу и избирают альпинисты для своих тренировочных походов.

Мы очень жалеем, что Довгун ушел, не поговорив с нами. Он человек местный и мог бы произвести разведку в скиту, не вызывая подозрений. Теперь нам придется все делать самим.

Расчет у нас простой: мы идем на Громовицу не по дороге, а так, как обычно поднимаются альпинисты, в лоб, потом поворачиваем и останавливаемся в скиту. Здесь остается вспомогательная группа экспедиции: Сиромаха, Зимовеев и я. Володя со своими альпинистами идет на вершину Громовицы. Мы разыскиваем послушницу, готовим ее к бегству, а когда альпинисты вернутся с Громовицы, уводим Софью с собой. Она заявляет при свидетелях — а их окажется почти десяток,— что желает покинуть скит и монастырь, и тогда ни пастухи, ни монахини не осмелятся помешать нам. В крайнем случае мы пригласим в свидетели и работников метеостанции. Тем более, что на метеостанции есть радио, мы всегда можем связаться с городом...

Так выглядит наш план.

Но сегодня Громовица курится туманом, и нам немного страшновато за Довгуна, который рискнул идти один в такой туман, а может быть, и в снегопад. Во всем остальном мире светит солнце, а вот гора стоит темная, угрюмая, и кажется, что она постепенно отдаляется от города.

Спать я ложусь с тяжелым сердцем.

Утром ко мне врывается Сиромаха. Он размахивает синим бланком радиограммы.

— Ура Довгуну! — кричит он.— Дошел! Дошел бродяга! Вот прогноз!—Он швыряет бланк на стол, бросается к окну, отдергивает штору.— Да что прогноз! — кричит он.— Посмотрите на Громовицу!

Не успев завязать шнурки на ботинках, я

бросаюсь к окну. Громовица видна во всем блеске.

Сиромаха принимается танцевать под неслышную для меня музыку. Я и сам, кажется, готов танцевать. Омолодили они меня, что ли, эти влюбчивые молодые люди?..

Под окном слышны бодрые голоса альпинистов. Они снимают и увязывают палатку. Мне не терпится пойти помочь им. Но Сиромаха уже командует:

— Товарищ наблюдатель, к столу! Завтрак подан! Ребята уже поели!

Я подчиняюсь этому новому для меня ритму жизни, где на размышление не остается времени, требуется только действие, и шагаю за старшим лейтенантом через две ступени лестницы, будто от секунды промедления может зависеть жизнь.

Зимовеев уже в буфете. Завтрак заказан такой обильный, что я ужасаюсь. Давно уже я не ел за завтраком мясо, сало, ветчину, не пил ничего крепче чая. А тут...

Но Зимовеев не дает мне поразмыслить. Он наливает полные рюмки сливовицы, поднимает свою и весело говорит:

— За успех!

Такой тост не пропустишь без ответа.

А за окном уже шумит грузовая машина. Это Володя позаботился о том, чтобы мы не выдохлись на первых километрах. Голос его жены сегодня звучит музыкой. Может быть, оттого, что ей надоело бездействие, а может быть, она надеется на встречу с Довгуном.

Но мне не хочется сегодня думать о людях дурно.

Через полчаса мы все сидим в машине. По бокам в открытом кузове поставлены скамейки. Сначала мне предложили сесть у шофера — из уважения к моему возрасту. Я уступил это место Зине. Но Зина тоже не пожелала расставаться со спутниками. В конце концов в кабину усадили Зимовеева, а мы сидим наверху и поем песни. Собственно, поют развеселившиеся альпинисты, мы с Сиромахой можем только подтягивать, так как песни у альпинистов свои, необычные: о подъемах и о товарищеской выручке, о кострах и о разреженном воздухе, о любви к горам и о коварных пропастях...

Но вот и мы наконец усваиваем необычные мотивы и слова, и скоро наши голоса тоже вплетаются в хор. Мы, пожалуй, как новички, поем даже более страстно, нежели сами альпинисты:

Солнце скрылось за горою,
Над долиной всходит месяц
серебристый,
А вечернею порою
Возвращались из похода альпинисты...

Сиромаха поет тоненьким тенорком-подголоском. Ему нравятся эти ребята, безоговорочно согласившиеся помогать, хочется быть приятным им, вот он и заливается:

Много дней они бродили,
Штурмовали неприступные вершины,
Перевалы проходили,
Попадали даже в снежные лавины...

Меня в этих песнях больше привлекают необычные слова и их сочетания. Поэтому я выделяю своим малопригодным для «спивання» баском:

Через трещины мосточком
По-пластунски, чуть дыша, переползали
И, свернувшися комочком,
В ночь на стенке дробь зубами
выбивали...

Машина режет синий весенний воздух, мимо опять мелькают тополя, распятия, статуи мадонн с младенцем на руках — все атрибуты прикарпатской дороги. А слева и справа уступами поднимаются уже начинающие зеленеть поля, покрытые первым пухом зелени сады, крашенные красным — из-за черепичных крыш — села. Мы едем по впадине между двух горных, размытых временем и давно уже сглаженных хребтов, а впереди, как сияющее белое облако, стоит Громовица, почти не приближаясь.

(Окончание следует.)

Олекса **ЮЩЕНКО**

Среди парижской кутерьмы
Невольно ощутили мы
Душевную тревогу.
Рассвет. Туман едва исчез,
А мы уже на Пер-Лашез
Разузнаем дорогу.

Могил кладбищенские сны...
Стоим в молчанье у стены
Парижских коммунаров.
На сердце горечь все больней,
И слышу я в груди моей
Тревожный гул ударов.

Путь нелегко к стене найти...
А сколько встало на пути
Надгробий величавых!
Париж свою отметил знать...
Здесь должен памятник стоять
Неугасимой славы!

Тропу заветную сюда
Народ запомнил навсегда.
И старый здесь и юный:
Хоть памятника славы нет,
Беседуют сквозь толщу лет
С героями Коммуны.

Их светлый образ не исчез!
Есть Франция, народ, Торез!
Путь войнам преграждая,
Встает, бессмертна и сильна,
Неколебимая стена —
Стена людей живая!

Перевел с украинского
Леонид **ВЫШЕСЛАВСКИЙ**.

ОПЯТЬ ЭТО ЧУВСТВО

Александр **ОЙСЛЕНДЕР**

Опять это чувство тревоги,
Знакомой с мальчишеских лет,
При виде железной дороги,
Бегущей за памятью вслед,

Бегущей
То нивой, то пущей,
То берегом в зыбкую даль;
В туман за собою зовущей
Развеять беду
И печаль...
И песней,
За сердце берущей,
Звенит ее синяя сталь.

Прощаюсь с Москвой
И, как в детстве,
Скорее сажусь у окна,
Хоть знаю, что не наглядеться
На ельничек вдоль полотна.
И тут начинается сказка
На несколько суток пути,
Не просто вагонная тряска,—
Послушай,—
А чудо почти.

Сквозь ливень,
Штрихующий косо
Платформы и купы берез,
Мне снова мерещатся косы
Любимой, ослепшей от слез.
И липы в мелькающем свете
Вблизи станционных путей
Ко мне простирают не ветви,
А руки любимой моей.

И дым, что несется в просторы,
Уже не клубящийся дым,
А дивный кристалл, сквозь
который
Я вижу себя молодым.

Лечу,
Всей душою объемля
Не просто леса и поля,
А всю ее, чуткую землю,
Обнявшую стены Кремля.
Закат зажигает пожар свой,
И, за день ничуть не устав,
Я медленно пью, как лекарство,
Дыханье полей и дубрав,
Струящих таинственный запах
Неведомых трав
И цветов,
Привставших на маленьких лапах
Вдали от больших городов.

Недаром
Под жесткою сенью
В немало пожившем купе
Внимаю я птичьему пенью
И сказке колес о тебе.
Доныне,
Куда б ни уехал
От милой московской земли,
Твой голос, как горное эхо,
Меня догоняет вдали.
И вновь
В полосе отчужденья
Твои, как причуды огня,
Виденья, виденья, виденья
Стремглав обступают меня!

В ознаменование 50-летия Международного женского дня, за выдающиеся достижения в труде и особо плодотворную общественную деятельность 253 женщинам — передовикам промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и видным общественным деятелям присвоено звание Героя Социалистического Труда; многие женщины награждены орденами и медалями.

8 марта в Большом Кремлевском дворце состоялось вручение наград. На снимке: Герои Социалистического Труда С. А. Котова — помощник мастера Московской камвольно-прядильной фабрики имени М. И. Калинина — и Л. И. Ананьева — прядильщица Глуховского хлопчатобумажного комбината имени В. И. Ленина — после вручения наград.

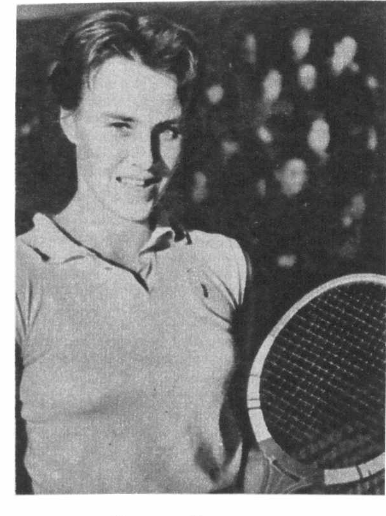
В тот же день в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное заседание, посвященное Международному женскому дню, а затем ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР устроили прием в честь знаменательного праздника.

Фото А. Гостева.

ПЕРВАЯ ПРОБА СИЛ

Победители международного турнира— Ирина Рязанова и Жерар Пиле

Ирина Рязанова.

Международные весенние турниры теннисистов в Москве стали традицией. На закрытых кортах «Динамо» в последние годы мы видели первоклассных европейских мастеров ракетки.

И в этом году под флагами семи стран в течение недели проходили интересные состязания, в которых с одной стороны участвовали знаменитый 62-летний француз Ж. Боротра и опытные игроки В. Сконецкий (Польша), П. Корда (Чехословакия), Ж. Пиле (Франция), а с другой — молодые теннисисты В. Бунгерт (ФРГ), Т. Лейус, А. Потанин, С. Лихачев и другие. Почти все встречи прошли на хорошем уровне и показали равенство сил, которое, естественно, рождало и напряжение борьбы.

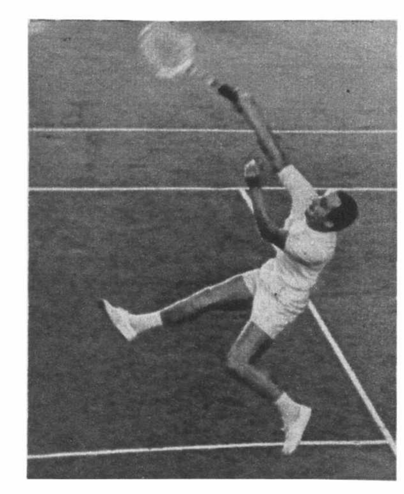
Особенно упорными были игра С. Мирзы с немецким теннисистом Д. Эклебе, закончившаяся победой советского спортсмена, и матч Тоомаса Лейуса с неоднократным чемпионом Польши В. Сконецким, который после пяти партий, продолжавшихся около четырех часов, принес победу польскому теннисисту.

В итоге недельной борьбы в финал женских соревнований вышли И. Рязанова и француженка А. Нено.

Матч этот, состоявшийся в минувшее воскресенье, проходил в красивой спортивной борьбе и выявил достоинства обеих теннисисток: подвижность, точность и силу удара, смелую игру у сетки. Но Рязанова к тому же проявила завидную волю к победе — боролась за каждый, казалось, уже проигранный мяч, и это во многом предопределило ее победу.

Проигрывая в первой партии француженке 0 : 3, она сумела закончить в свою пользу со счетом 6 : 4, а проигрывая вторую партию 1 : 4, она также добилась победы с результатом 7 : 5.

Так молодая способная тбилисская студентка И. Рязанова стала победительницей международного турнира.

Жерар Пиле.
Фото А. Бочинина.

Нужно сказать, что до финальной встречи она одержала победу над француженкой М. Кост, чешкой В. Пужейовой и чемпионкой СССР А. Дмитриевой. Редкий успех!

Мужская финальная встреча между Ж. Пиле и В. Бунгертом не представила спортивного интереса. Молодой немецкий теннисист, который в хорошем стиле обыграл А. Потанина, С. Андреева и И. Яворски (Чехословакия), в решающей встрече был крайне пассивен, неточен и безынициативен. Он стал легкой «добычей» опытного французского спортсмена, который без особого напряжения выиграл матч в трех партиях: 6 : 1, 6 : 1, 6 : 0.

Соревнование еще раз показало, что советские спортсмены могут успешно состязаться с лучшими европейскими ракетками. Однако у них есть еще существенные недостатки. Не случайно на пьедестал почета взошли три иностранца.

В беседе с журналистами двухкратный победитель Уимблдона крупнейший теннисный авторитет Ж. Боротра заметил, что советские мастера хорошо подготовлены атлетически, и это главное. Они владеют большим арсеналом сильных ударов. Теперь им необходимо совершенствовать тактику и технику игры.

Закончившийся международный турнир был для наших теннисистов не только проверкой весенней готовности, но в некоторой степени уроком, над которым стоит задуматься.

М. МЕРЖАНОВ

Рекордсмен мира А. Жгун готовится к рывку.
Фото В. Кузнецова.

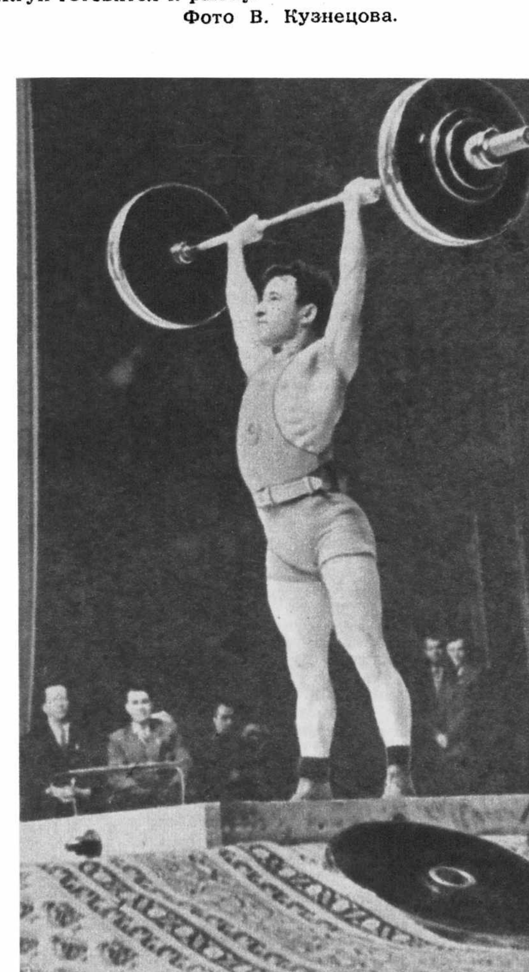
ЕЩЕ ДВА МИРОВЫХ

В течение двух дней во Дворце спорта в Лужниках состоялись международные соревнования штангистов на приз Москвы, в которых приняли участие представители десяти стран. Все сильнейшие штангисты мира (кроме американских) были представлены в этой «большой железной игре».

Соревнования прошли на хорошем спортивном уровне и увенчались двумя мировыми рекордами. Их установили советские спортсмены. Первый из них принадлежит Е. Минаеву, который выжал штангу весом в 120 килограммов, а второй — студенту из Великих Лук Анатолию Жгуну, который в рывке показал результат 126,5 килограмма.

Кроме того, на состязаниях установлено несколько национальных рекордов.

Среди советских спортсменов отличными результатами порадовали Василий Пегов, Василий Степанов, Алексей Медведев и другие. Большого успеха добились польские спортсмены И. Полинский, первенствовавший в полутяжелом весе, и М. Зелинский, который был вторым после А. Жгуна.

Рекордсмен мира Е. Минаев выжал штангу весом в 120 килограммов.

МАТЧ РЕДКОГО ИНТЕРЕСА

Доктор Макс ЭЙВЕ, экс-чемпион мира.

Если окинуть взглядом историю шахматной игры, то ведущая роль в ней в различные века принадлежала разным странам. Это преимущество выражалось двумя направлениями: количеством и качеством.

В мире все переменчиво, менялось положение и в шахматах. XVIII век и начало XIX столетия для Франции связаны с именами Филидора, Лабурдоне, Дешапеля, Сент-Амана.

В начале XIX века развернулась острая борьба за гегемонию в шахматном искусстве между Францией и Англией, в результате которой Англия оказалась победительницей. Эта победа связана с именами Мак-Доннеля, Стаунтона и других. Однако Англия недолго сохраняла свой приоритет. Если не принимать во внимание выдающегося американского шахматиста П. Морфи (шахматы только еще пускали корни в США), то можно твердо сказать, что во второй половине XIX столетия главенствующую роль в шахматах занимали немецкие шахматисты А. Андерсен, Л. Паульсен, З. Тарраш, Э. Ласкер. В это время игра в шахматы приобретает более широкий размах во всех европейских странах, и прежде всего в России (А. Петров, М. Чигорин) и в Австро-Венгрии (Г. Мароци, К. Шлехтер), а немного позже заставляет о себе говорить и Америка (Г. Пильсбери, Ф. Маршаль).

Прошло еще некоторое время, прежде чем игра в шахматы достигла в этих странах полного совершенства. Но в 20—30-е годы нынешнего столетия уже разгорается сильнейшая борьба за первенство между Америкой и Россией. Сначала Х. Капабланка против А. Алехина, потом С. Решевский и Р. Файн против М. Ботвинника и П. Кереса.

Еще до 1950 года стало ясно, что Советский Союз выиграл это сражение и идет впереди. С тех пор в этом направлении ничего не изменилось; сегодня из десяти лучших шахматистов мира — семь-восемь советских.

Проанализируем теперь историю мировых первенств.

Четыре столетия назад связь между странами была еще настолько слабой, что ни о каком мировом первенстве нельзя было и думать. Говорить о нем стало возможным только во второй половине прошлого века.

Уроженец Праги Вильгельм Стейниц сам себя провозгласил чемпионом мира и предложил всем шахматистам оспаривать это право. Он сохранял первенство, всякий раз оставаясь победителем в многочисленных поединках до 1894 года, когда проиграл Э. Ласкеру. Через два года Стейниц попытался добиться реванша, но проиграл с еще более крупным счетом.

В истории шахматной игры это был единственный случай, когда реванш не удался.

Итак, Ласкер стал чемпионом мира. Он успешно защищал свое звание в борьбе с З. Таррашем, Ф. Маршалем, Д. Яновским и К. Шлехтером.

В 1921 году Э. Ласкер был побежден Х. Капабланкой в Гаване. Кубинский климат? Я думаю, что тут дело было прежде всего в стиле игры. Рискованный характер игры Ласкера не имел успеха в матче с безошибочно игравшим в то время Х. Капабланкой.

Неожиданно, спустя шесть лет, энергичному А. Алехину удалось одержать трудную, но заслуженную победу над Х. Капабланкой. Хотя кубинец лишился звания чемпиона, он долгие годы пользовался еще большой славой. Очень жаль, что не состоялся реванш. Алехин искал себе другого противника. Он дважды победил Е. Боголюбова и встретился с автором этих строк. Может быть, следует отметить, что не я предложил матч чемпиону мира. Инициатором нашей встречи был сам А. Алехин. Хотя у меня не было никаких особых шансов на победу, я принял это предложение. В ходе моих тренировок мне вскоре стало ясно, что гениальный А. Алехин силен во всех областях (особенно в области комбинаций). Одной из причин его блестящих успехов было хорошее знание теории дебютов. Это заставило меня главное внимание уделить построению партии. Подобная тактика во время борьбы на шахматной доске в конечном счете увенчалась успехом. Я стал чемпионом мира.

Но хочу заметить, что в этом матче побежденный был сильнее. Добавлю без ложной скромности, что во время матч-реванша, который состоялся в 1937 году, мы уже были равными соперниками. Я играл, однако, слишком заносчиво. До этого мировая печать усердствовала: «Алехин больше не может играть», «Реванш явится трагикомедией» и прочее в таком же духе. Я и сам начал верить в это. Когда же во время матча после десяти партий соотношение стало $3\frac{1}{2}:6\frac{1}{2}$ очков, я заметил свою ошибку. Но было уже поздно. После двадцати партий я смог сократить разрыв до двух очков. Однако мне не хватило выдержки. Алехин сохранил звание чемпиона мира до самой смерти (1946 год).

Международная шахматная федерация (ФИДЕ) приняла решение разыгрывать звание чемпиона мира в матч-турнире шести участников. В 1948 году в списке претендентов оказались: М. Ботвинник, В. Смыслов, П. Керес, С. Решевский и я. (Р. Файн отказался от участия в матч-турнире.)

Лидер советских шахматистов М. Ботвинник добился блестящей победы. Дальнейший ход событий шахматной борьбы всем известен. За последние двенадцать лет М. Ботвинник дважды отбил натиск: Д. Бронштейна и В. Смыслова. Затем он в 1957 году проиграл Смыслову. Но спустя год Ботвинник вновь вернул себе звание чемпиона мира.

Теперь наступают дни встречи чемпиона мира с новым претендентом на это звание — Михаилом Талем. Этот матч занимает совершенно особое место. Ни один человек не знает, что произойдет, поэтому у каждого есть свое собственное мнение о ходе и исходе борьбы. Не многие знатоки считают, что у обоих участников одинаковые шансы на победу.

В 1951 году мы знали, что у Бронштейна были большие возможности победить чемпиона мира, но, с другой стороны, и Ботвинник имел достаточно сил. То же самое было во время трех матчей Ботвинника со Смысловым: у обоих партнеров были шансы на победу. Сейчас картина иная. Одна половина любителей шахмат убеждена в том, что один Михаил будет сметен с шахматной доски, в то время как другая половина знает определенно, что другой Михаил погибнет. Почему вдруг такая непримиримость? В этом вина Таля или, лучше сказать, стремительного стиля его игры, его фантазии и изобретательности.

Мы читаем заголовки многих газет различных стран о Тале: «Пират шахматной доски», «Любитель приключений», «Шахматная ракета», «Волшебник из Риги», «Основатель неопсихологической школы», «Вихрь из Советского Союза», «Морфи наших дней».

Проанализируем эти высказывания немного подробней.

«Пират шахматной доски». Это неправильно. Таль не пират, он смелый шахматист, опасен для своих противников, сильно рискует, идет на сомнительные жертвы. Вспомните его последнюю партию с В. Смысловым на турнире претендентов в прошлом году.

«Любитель приключений». Этот эпитет несколько мягче, он звучит приветливей: романтик в шахматах. Многие партии Таля пронизаны этим духом. Вспомним, например, его первую партию с П. Кересом из того же турнира претендентов.

«Волшебник из Риги». Под этим, по-видимому, подразумевается трудно понимаемая манера игры, которая с педантичной точностью приводит к цели. Смотрите третью партию Таля с П. Кересом на том же турнире.

«Шахматная ракета». Это подчеркивает неслыханный темп, необычайную энергию Таля, решительность. Смотрите его партии с Бобби Фишером.

«Морфи наших дней». Это высказывание напоминает о шахматном остроумии и блеске Таля, доказательством которых являются многие партии, например, его партии с С. Глигоричем.

«Основатель неопсихологической школы». Таль неоднократно заявлял, что он выбирает не самый сильный ход, а тот, который поставил бы противника в более трудное положение.

Какое изобилие характеристик, какая многосторонность! Очевидно, у Таля есть что-то от каждого предыдущего чемпиона мира. От Морфи — шахматный блеск, от Стейница — нечто магическое, от Ласкера — психологический подход, от Алехина — неслыханный темп, от Ботвинника — энергия. Ему не хватает, вероятно, только спокойной рассудительности Смыслова.

Мне не нужно глубоко рассматривать качества Ботвинника. Известно, что чемпион мира непревзойден во всех областях. Он так же хорошо владеет дебютом, как и эндшпилем. Его комбинации остры и превосходны. Он умеет безжалостно, до конца использовать однажды завоеванное им позиционное преимущество.

Вернемся к главному вопросу: кто же победит, Ботвинник или Таль? Шахматный мир разделился на два противоположных лагеря. Предоставим сначала слово сторонникам Ботвинника.

Они говорят, что Таль в последние годы действительно добился больших успехов и выиграл турнир претендентов. Однако, если проанализировать результаты на этом турнире, можно увидеть, что его успех основывается на выигрышах у более слабых участников турнира: $14\frac{1}{2}$ из 16. Против своих же, советских коллег он добился только $5\frac{1}{2}$ из 12. Это даже не пятьдесят процентов. Ряд этих партии выигран Талем по счастливой случайности. Нельзя предположить, что Таль таким образом обыграет и чемпиона мира. Ботвинник — превосходный защитник, непревзойденный специалист в области опровержения необоснованных комбинаций. Поэтому Ботвинник добьется убедительной, если и не легкой победы...

Таковы аргументы одного лагеря. Рассмотрим теперь мнение другого. Он считает, что Смыслов тоже является цепким защитником, однако, несмотря на это, он был дважды побежден Талем. Действительно, были случаи, когда Талю сопутствовало счастье, но было и наоборот, например, в его первой партии с П. Кересом на турнире претендентов.

Каждому аргументу двух лагерей можно противопоставить обратное. У Таля молодость — Ботвинник более опытен; у Таля темперамент — у Ботвинника разумное спокойствие; Таль ловкий тактик — Ботвинник большой стратег.

Одно обстоятельство нужно еще подчеркнуть: Таль и Ботвинник никогда не играли друг с другом. Рассказывают один случай: посещение Ботвинником Риги дало повод двенадцатилетнему Талю с шахматной доской под мышкой отправиться в гостиницу к чемпиону мира, но Ботвинник в это время отдыхал, и встреча не состоялась.

Мы накануне большого шахматного события. Шахматный мир разделен на два лагеря, но это не значит, что оба соперника должны быть недружелюбно настроены друг к другу. Приятна скромность Таля. Он говорит о своем будущем противнике с большим уважением. Этим же отвечает и Ботвинник. Когда президент цюрихского шахматного общества А. Наглер пригласил чемпиона мира на юбилейный турнир общества, Ботвинник не мог принять этого приглашения и, приветливо улыбаясь, сказал: «Пригласите будущего чемпиона мира»,— и при этом одобрительно похлопал по плечу стоявшего рядом Таля.

Эта гармония придает матчу совершенно особую привлекательность. Возможно, что на этот раз нервное напряжение не будет играть решающей роли.

Я считаю большой честью для себя, что Советская шахматная федерация пригласила меня открыть этот матч. Я с удовольствием буду следить за началом борьбы двух выдающихся шахматистов.

И ГРЯНУЛ БОЙ...

Дружеский шарж Н. Лисогорского.

Очень неприятно слыть тюфяком. Но, пожалуй, еще неприятней оказаться в роли ширмы. Нелепое это сооружение когда-то было неизбежной принадлежностью мещанских квартир. Ставили его преимущественно для гостей, чтобы скрыть тот уголок, куда постороннему глазу лучше не заглядывать. Обычно обыватель притаскивал с базара ширму поцветастее, расписанную павлинами или глазками да лапками. Снаружи сооружение выглядело как будто даже красиво, а заглянешь за загородку — и ахнешь: что за чудовищный хлам!

Именно о ширмах и пойдет здесь речь. И еще о фирмах.

Владельцы частных фирм, как правило, не склонны к откровенности. Разве что в кабинете следователя, да и то припертые обстоятельствами. Но у этих дельцов есть своя философия.

Что такое, например, колхоз? С точки зрения дельца, колхоз — это великолепная вывеска, за которой легко спрятать свою лавочку. Под маркой колхоза можно выпускать шелковые косынки, губную помаду, шляпы, хлорвиниловые скатерти и прочую петрушку. Вот как выглядели, например, годовые отчеты колхозов «Восход», «Динамо», «Новая жизнь», «Страда», Московской области:

Рисунок Е. Ведерникова.

ШИРМЫ и ФИРМЫ

Фельетон **В. ПРИВАЛЬСКИЙ, Ю. КОВАЧ**

Надоено молока...

Запасено овощей...

Заготовлено дамских заколок...

Собрано клипсов...

Выработано ремешков для часов...

Да, представьте себе, было такое дело. А потом кто-то где-то опомнился, и лавочки прикрыли.

— Ах, какая ширма рухнула! — сокрушались дельцы.— Так что же, прикажете плакать? Нет, мы поищем еще...

Однажды в кабинет А. А. Кашкина, носящего пышный титул председателя райсовета всесоюзного спортивного общества «Локомотив» Московско-Ярославского отделения Московской железной дороги, явилась личность и развязно отрекомендовалась:

— Лучший друг спортсменов Евгений Днепровский. Председателю физкульт-привет! Как делишки? Как рекорды?

Председатель сумрачно вздохнул: с рекордами дело обстояло плохо. И с массовым охватом тоже. И вообще коллектив уже давно и безнадежно пребывал в ауте.

В глазах дельца появился плотоядный блеск.

— Слушай меня, председатель! Что является основой спорта?

— Гм!.. Тренировка, вероятно...

— Бред! Основа — деньги! Но деньги надо уметь делать. А в этом деле я рекордсмен, заслуженный мастер. Одним словом, есть предложение: организую при вашем хилом райсовете мощную фотопортретную мастерскую. Деньги поплывут к вам брассом, кролем и баттерфляем. А деньги — это все. Отгрохаете для своих железнодорожников Дворец спорта. Да что там дворец — небоскреб! На каждом этаже — по спортзалу, а на крыше — зимний плавательный бассейн. Мой проект гарантирует вашей организации неслыханный расцвет. Лучшие спортивные силы страны массовым кроссом побегут в ваш коллектив... Владимир Куц, Валентин Бубукин придут на поклон. Рекорды обеспечены. Ну, как?

Председатель сдался.

И за спортширмой была развернута фотопортретная фирма.

Дело было поставлено на широкую ногу. Прежде всего Днепровский сколотил сборную команду уполномоченных по приему фотопортретов на увеличение. Команда, состоящая из таких нападающих, как В. И. Корчагин, Г. В. Виноградов, И. М. Федосеев, В. М. Голдовский, С. К. Мухин, А. К. Сазков и другие, снабженная удостоверениями, которые со щедростью раздавал Кашкин, ринулась по городам и поселкам. Шустрые дельцы забирались даже на целину.

В доме новосела раздавался настойчивый стук, в дверь протискивалась личность и коммивояжерской скороговоркой произносила:

— Могу увековечить! Вас, вашу жену, детишек, бабушку, тещу. Очень просто: вы даете самую крохотную фотографию, получаете увеличенный портрет. Оптовым заказчикам скидка: на десять бабушек — один бесплатный дедушка. Желаете понравиться любимой девушке — пожалуйста: на портрете ваша грудь будет украшена орденами и галстуком-бабочкой. Цены без запроса. Деньги вперед.

Заказы собирались сотнями. Лаборанты и ретушеры работали в своих квартирах днем и ночью. Деньги, как и предсказывал лучший друг спортсменов, плыли брассом, кролем и даже баттерфляем. Но почему-то финишировали они преимущественно в карманах Днепровского и его подручных. Дворец спорта с бассейном на крыше превратился в обыкновенный воздушный замок. С рекордами по-прежнему обстояло плохо. С массовостью тоже. Куц и Бубукин так и не пришли на поклон. Вместо них явились суровые работники ОБХСС. Ширма закачалась и рухнула.

А теперь позвольте представить еще одну ширму. На лицевой ее стороне красуются диезы, бемоли и прочие нотные знаки, обличающие принадлежность ширмы к Союзу композиторов. Более точное ее название: производственный комбинат Музфонда Союза композиторов СССР. Ранее комбинат печатал ноты, настраивал рояли, шил дирижерские фраки, изготовлял барабанные палочки и вообще чутко отзывался на все требования музыкальной общественности.

Но однажды под окошком директора комбината Перловского раздались звуки серенады.

— Я вас люблю любовью брата...— пел приятный баритон.

А не менее приятный тенор деловой скороговоркой добавил:

— А может быть, еще сильней...

Польщенный директор выглянул в окошко. Под ним стоял музыкальный ансамбль в составе Е. А. Кордонского и А. М. Геймана. Завидев директора, друзья сделали ручкой и заявили:

— Знаете ли вы, что такое золотая курочка?

Будучи причастен к музыкальным кругам, Перловский знал «Золотого петушка». Петушка ансамбль отверг.

— Курочка, которая несет чудесные яички! — разливался Кордонский.

— Не простые, а золотые,— вторил Гейман.— Короче говоря, речь идет о технике безопасности. Это же — золотое дно!

— Техника безопасности?— удивился директор.— Какое отношение имеет она к музыке?..

— Музыка тут ни при чем,— втолковывал ансамбль.—Мы организуем при вашем комбинате фотоцех и будем выпускать чудненькие плакаты по технике безопасности. Знаете: «Под краном не стоять!», «Под прессом не лежать!». И тому подобное. Незаменимо для заводов, фабрик, лесных складов и железных дорог. Деньги потекут к вам в темпе аллегро. Да что там аллегро — престиссимо! Одним словом, не счесть алмазов...

И кто знает, была ли у Геймана гитара под полою или Кордонский держал в руках простую пастушескую свирель, только дрогнули какие-то струны в директорской душе, и отозвался он на призывный звон. Музыкальный комбинат, где первую скрипку стали играть Гейман и Кордонский, приступил к выпуску далеко не музыкальной продукции. Это были не бог весть какие высокохудожественные изделия. Впрочем, вы, уважаемые читатели, наверно, встречали такие. Вспомните, например, небольшой индустриальный пейзаж с добрым молодцем в спецовке на переднем плане. Картина называется «Не стой под краном!».

Халтура оказалась доходной. Курочка и в самом деле несла золотые яички. И вот уже снесла их почти на три миллиона рублей.

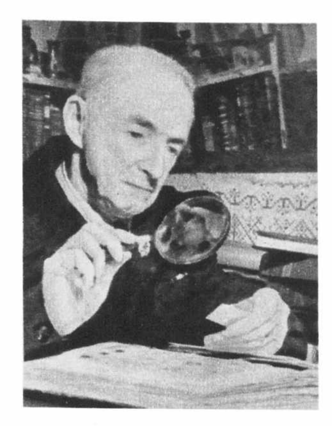
И кто только не занимается изготовлением этих самых фотоплакатов по технике безопасности! Перечислим лишь несколько вывесок: Наро-Фоминская ремонтно-техническая станция, плодопитомнические совхозы «Мешково» и «Ильинское-Усово», сапожная артель «Рассвет» на станции Петушки, даже Владимирская областная психиатрическая больница.

Все это, разумеется, ширмы. Впрочем, нервнобольным это еще простительно. Человек в душевном расстройстве может изображать из себя хоть чайник. Но как чувствуют себя в роли ширмы директора совхозов или РТС?

А кто скрывается за ширмами? Разумеется, частные фирмы. Владельцы их — прямые потомки нэпманов, родные дети Александра Ивановича Корейко!

Вот один из частников — некто Я. Н. Курзинер. Специалист по фотоплакатам, а также по увеличению фотопортретов. Свою фирму он успешно прятал за такими ширмами, как Струнинский горкомхоз, сапожная артель, колхоз «Динамо», Домодедовская швейная фабрика и другие. Ныне ловкий делец находится в бегах. И если кто-нибудь встретит Я. Н. Курзинера, пусть передаст ему... ну, скажем, привет от работников московской милиции.

И еще. Если увидите паровозное депо, изготовляющее дамские заколки, или колхоз с собственным производством галстуков, или детские ясли, выпускающие курительные мундштуки, знайте: перед вами ширма. А за ширмой — фирма. Фирмы, как правило, частные. А вот ширмы, как это ни печально, государственные, общественные.

Н. В. Руднев.

Начал командир «Варяга»

Николая Всеволодовича Руднева знают в стране и за рубежом как замечательного филателиста. Коллекцию в несколько десятков тысяч почтовых марок почти всех стран мира начал собирать его отец — командир легендарного «Варяга» Всеволод Федорович Руднев. Комната в Ульяновске, где проживают Рудневы, — настоящий музей. Частые гости здесь пионеры, которые любят рассматривать редкие марки и слушать о бое крейсера с японской эскадрой.

У Руднева есть еще одна коллекция.

— В 1919 и в 1947 годах,— рассказывает Николай Всеволодович, — я сдал в музеи Севастополя и Ленинграда много исторических вещей, принадлежавших моему отцу. Но в моей коллекции осталось немало интересного, что я берегу для музеев. Например, старинная вышивка-икона с любопытной историей. В 1696 году моряк Семен Руднев участвовал во взятии крепости Азов. При этом он проявил смелость и отвагу, и Петр I присвоил герою звание офицера военно-морского флота. В честь этого события жена Семена Руднева вышила маленькую икону. С той поры вышивка передавалась из поколения в поколение сыну-моряку. Морские офицеры Рудневы принимали участие во многих сражениях. Известно, что семейная реликвия находилась на боевых кораблях во время знаменитых морских сражений при Чесме в 1770 году и Наварине в 1827 году, во время Севастопольской обороны 1854 — 1855 годов, а также на «Варяге» в бою у Чемульпо.

Отец мой, — говорит Руднев, — был нерелигиозный человек, но бережно хранил вышивку, сделанную руками простой русской женщины более двух веков тому назад.

В. МАКСИМЕНКО

История в наградах

Школьник случайно нашел крест «За службу на Кавказе». Прошло много лет, и теперь у бакинского преподавателя истории Романа Владимировича Шейна собрана уникальная коллекция орденов и медалей. В шкафах размещено в строгом порядке более 500 наградных знаков. Раздел отечественной истории начинается с наградной монеты Бориса Годунова. Здесь мы видим медали «За взятие Очакова», «За взятие Измаила», награду участникам Севастопольской обороны, редкую медаль «Кавказ», медаль для награждения участников штурма Зимнего дворца.

Медаль «Святая Елена».

В разделе зарубежных наград особенно интересны болгарская, черногорская, сербская и румынская медали, которые давались русским, участвовавшим в войне с турками. А вот медаль «Святая Елена». Ею награждались соратники Наполеона, в том числе и те, кто разделил его изгнание. В память об открытии Суэцкого канала египетское правительство утвердило специальную медаль, она также есть в коллекции Шейна.

Нередко к Р. В. Шейну обращаются за справками и консультациями работники науки и искусства.

Р. МИНАСОВ

Слева направо: медаль «За взятие штурмом Зимнего дворца», медаль «За защиту Севастополя», медаль «За взятие Очакова».

Печатью удостоверяю — Козьма Прутков

Я получил из Тамбова от знакомого коллекционера Н. А. Никифорова письмо, на котором стояло множество печатей. В собрании Никифорова керамическая печать из Древнего Рима, бронзовая китайская печать тысячелетней давности, круглый пятак с надписью «Печать сельского старосты», целая серия литературных печаток: печатка Н. А. Некрасова, сделанная его другом-гравером; печатка поэта П. Якубовича; печатка с инициалами КП (Козьма Прутков), принадлежавшая одному из создателей бессмертного образа — А. Жемчужникову.

Последняя печать в письме стояла над подписью коллекционера. Это друзья из Китая прислали в подарок Никифорову печатку с иероглифами, обозначавшими его имя.

В. ЗЕМСКОВ

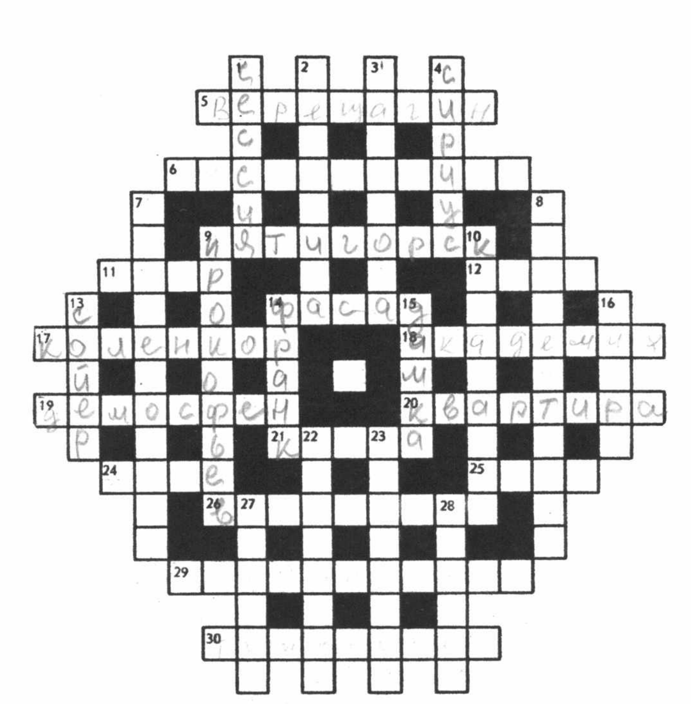
В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Изошутка Л. Самойлова.

— Мне удалось обнаружить любопытнейшую рукопись!
— Где она?
— Я на ней сижу.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор батальных и исторических картин. 6. Биологическая наука. 9. Город в Ставропольском крае. 11. Составная часть растительных и животных организмов. 12. Чешский живописец и график. 14. Сторона здания. 17. Ткань, используемая для книжных переплетов. 18. Научное учреждение. 19. Афинский оратор. 20. Жилое помещение. 21. Река, на которой произошло первое сражение русских с татаро-монгольскими ордами. 24. Советский ученый, участник экспедиции Седова. 25. Волокнистое растение. 26. Красивая певчая птица. 29. Метод измерения трудовых процессов. 30. Логическое определение.

По вертикали:

1. Экзаменационный период. 2. Приток Днепра. 3. Народная артистка СССР. 4. Самая яркая звезда. 7. Журналист. 8. Оптический прибор. 9. Автор оперы «Война и мир». 10. Центр одной из угольных баз. 13. Герой повестей Марка Твена. 14. Денежная единица ряда стран. 15. Шашка, достигшая первого ряда клеток противника. 16. Изоляционный и поделочный материал. 22. Сходство, соответствие. 23. Роман Р. Тагора. 27. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 28. Красное красящее вещество.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

6. Стенина. 10. Вискоза. 11. Тегеран. 12. Аргон. 13. «Иоланта». 15. Антарес. 16. Котельников. 19. Секатор. 20. Эмблема. 21. Анероид. 22. Эльбрус. 26. Университет. 28. Дубрава. 29. Ренклод. 30. Вобла. 31. Оксфорд. 33. Карамыш. 34. Раскова.

По вертикали:

1. Уста. 2. «Недоросль». 3. Диссонанс. 4. Март. 5. Тройник. 7. Негатив. 8. «Синопсис». 9. Каренина. 14. Астрофизика. 15. Аккумулятор. 17. Сквер. 18. Зебра. 21. «Аленушка». 23. «Следопыт». 24. Верхоянск. 25. Эскалатор. 26. Уланова. 27. Тенорит. 32. Доре. 33. Край.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

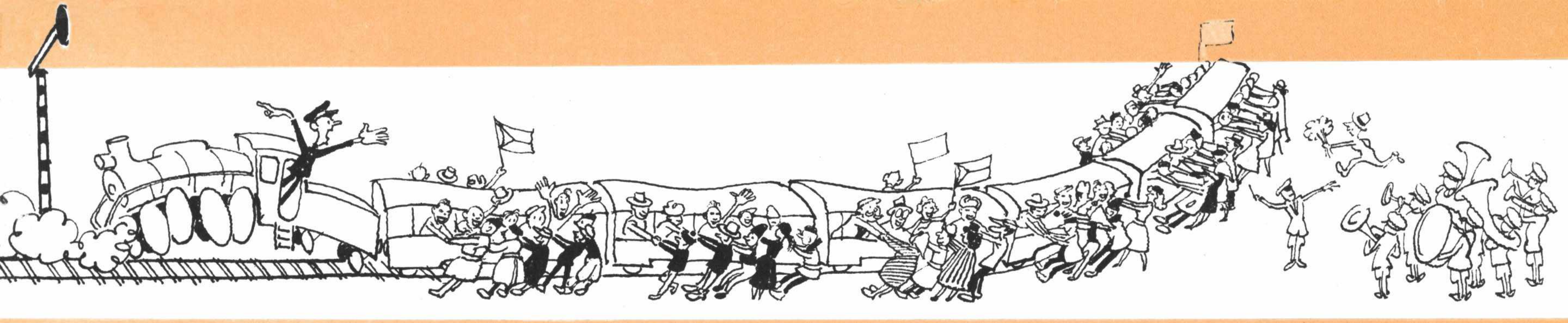
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Оформление В. Урина.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00253. Подписано к печати 9/III 1960 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 169. Заказ № 569.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ПОЕЗД ДРУЖБЫ

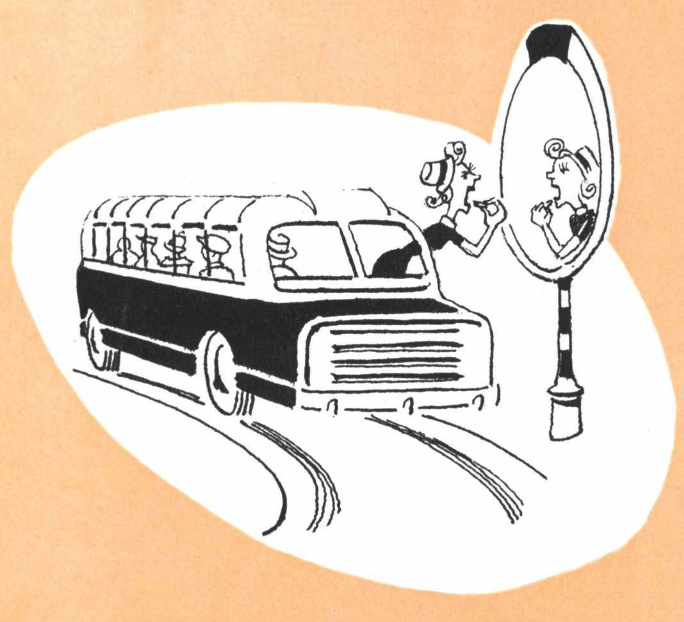
Более 300 советских туристов ездили в январе на специальном поезде в Чехословакию. В поезде дружбы путешествовал и наш специальный корреспондент Юрий ЧЕРЕПАНОВ, зарисовки которого мы публикуем.

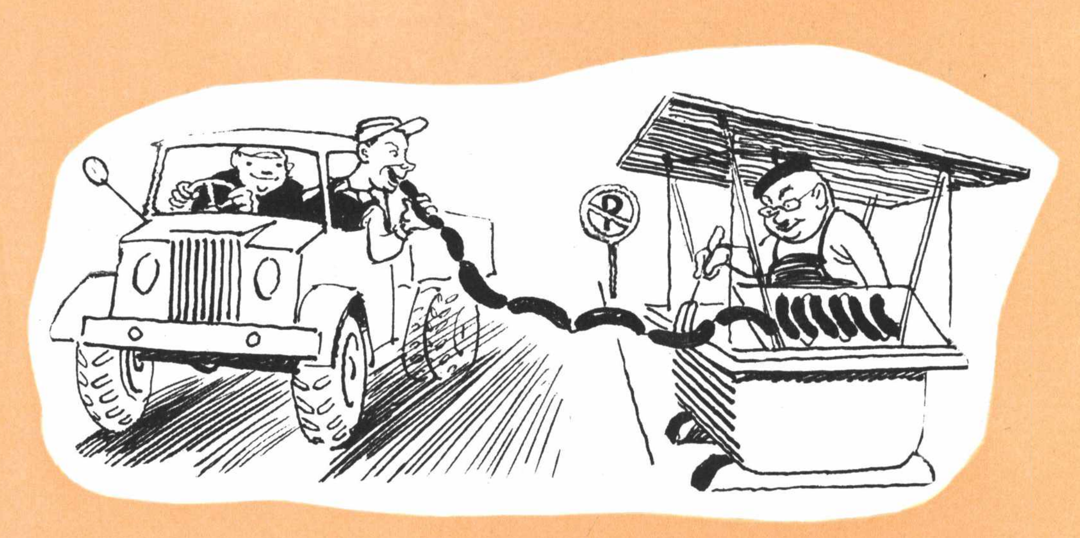
«Фотозвезды» сельскохозяйственного кооператива «Старый Лисковец».

Обмен дарами в театре.

На поворотах дорог установлены зеркала, что очень удобно для шоферов и для некоторых пассажиров.

Шпекачки в Праге на полном ходу.

Цена номера 3 руб.